

Татьяна Грачёва

Му
Менеръ они
точно знают,
каково это чувство
на вкус

КИСЛО -
СЛАДКОЕ

18+

Татьяна Грачева

Кисло-сладкое

«Автор»

2021

Грачева Т. А.

Кисло-сладкое / Т. А. Грачева — «Автор», 2021

В юности нам кажется, что мы бессмертны, нас непременно ждет незаурядное будущее и великие дела. Верится, что впереди уйма свободного времени на любовь, глупые мелкие обиды и на то, чтобы исправить бездумно совершенные ошибки. Но проходит время... все меняется. И вот уже кажется, что в прошлом деревья были выше, трава зеленее. А еще... тоска чернее и боль пронзительнее. Соня убежала от прошлого, но оно вернулось и потребовало дать ответ. Что же такое настоящая любовь – великая трагедия или великое счастье?

© Грачева Т. А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

1 глава. Бордовый сентябрь	5
2 глава. Сизый октябрь	23
3 глава. Янтарный ноябрь	47
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Татьяна Грачева

Кисло-сладкое

1 глава. Бордовый сентябрь

*Изнанка запретной страсти,
Цвет виноватого счастья,
Кровавая рана,
Дыханье обмана,
Стального капкана зубастей.*

Соня всегда знала, что её ждёт нечто особенное. Никто ей это знание в голову не вбивал, оно родилось даже раньше, чем сама Соня, и расцвело, когда она впервые осознанно посмотрелась в зеркало и поняла, что ей нравится собственное отражение. Определённо, её ждало что-то важное и большое. Правда, имя Соня звучало не слишком впечатляюще и даже не значительно, незащитно, мягко, как новорождённый ёжик. Вот и придумала она новое – острое и хищное – Кайла. С таким именем можно себе позволить толкаться локтями и идти вперёд с задранной кверху подбородком, пронзая шпильками сердца незадачливых кавалеров.

Имя Кайлы стало её щитом и маской, прикрывшей истинные черты характера: болезненную зависимость от чужого мнения, неуверенность в себе и трусость. Только Марк смог разглядеть под оболочкой Кайлы – Соню. Разглядел и ушёл.

Соня тряхнула головой и нахмурилась. Почему она сейчас вспомнила Марка? Сколько лет уже прошло? Восемнадцать. Точно. В марте отметили Юлькино семнадцатилетие. Соня давно назначила день рождения дочери точкой отсчёта для новой жизни. Было в ней всякое: периоды и отчаяния, и радости. Всё как у всех. Не лучше и не хуже. Она теперь снова Соня, это устраивает и её, и мужа, а прошлое поросло травой и пыльным забвением, ни к чему ковырять ржавым гвоздём в затянувшейся ране.

Соня перевела задумчивый взгляд на спину клиента. Так часто случалось – пока руки были заняты, мысли уплывали в неведомые дали, не всегда приятные. Соня взяла за правило во время работы, если клиент не настроен на беседу, сочинять лимерики. Большинство из них даже не записывала и забывала к вечеру. Это помогало отвлечься и избежать таких вот неконтролируемых заплывов в подсознание. А сегодня она почему-то свалилась в прошлое и забыла про рифмы.

В комнате витал стойкий аромат лаванды и перечной мяты, ненавязчивый и расслабляющий. Клиенту он нравился, умиротворял, снимал боль, но никогда не усыплял. Сейчас же мужчина лежал смирно и непривычно тихо, хотя обычно отличался говорливостью, а к ней попал явно с другой целью. Соня до сих пор удивлялась тому, что у некоторых людей профессия массажистки прочно ассоциируется с трудом какой-нибудь гейши русского разлива. Сначала мужчина активно намекал на непотребства, а Соня делала вид, что не понимает. Слава богу, руки не распускал, а ведь с другими такое случалось. В итоге он сам догадался, что под словом массаж не скрывается ничего пикантного. Вроде не расстроился и не ушёл, а потом оценил в полной мере сильные и ловкие пальцы Сони.

Некоторые называли её руки волшебными и возвращались за целебным эффектом. Соне льстила преданность старых клиентов, их похвалу она считала вполне заслуженной. Чудодейственные способности на пустом месте не появляются. Это и многолетний опыт, и врожденный дар. И, к сожалению, принесенное в жертву собственное здоровье. Последнее время суставы в пальцах начали болеть чаще и дольше, спасала только парафинотерапия или солевые ванночки.

Мужчина не шевелился, но не спал, дышал ровно и улыбался. Соня перехватила его затуманенный взгляд и тоже улыбнулась.

– Сегодня последний сеанс. Сами-то чувствуете разницу?

Он чуть повернул голову.

– Спасибо, Соня. Даже не знаю, как вас благодарить. Я ведь думал, что всё у меня в порядке, и здоров я как бык. Просто не с чем было сравнивать. К постоянной ноющей боли уже привык. А оказывается, можно жить без неё и не мучиться от бессонницы.

– Я рада, что смогла вам помочь. При сидячей работе боли в спине не редкость.

– Отправлю-ка к вам жену. Все уши прожужжала об антицеллюлитном массаже. Вы же его делаете?

– Делаю.

Соня сдержанно улыбнулась. Ага. Ещё и женат. А ничего, что планировал с ней развлечься? Значит, точно понял, насколько был неправ, и теперь делает вид, что не клеил её. Как у мужчин всё просто. Измена – обыденное явление, легко вписывается между обедом и ужином.

Соня снова опустила взгляд на спину клиента. Розовая, лоснящаяся, с едва заметными бордовыми стремительными полосами. Кроме неё никто эти следы не видел, даже их обладатель, но о природе их, конечно же, знал. Выходит, любовницу он всё-таки завёл. Его кожу покрывали следы запретной страсти. Они всегда были цвета венозной крови – яркая эмоция, проходящая быстро, но оставляющая чёткий отпечаток. Законные ласки никогда не имели такого оттенка, Соня его называла цветом вины. Она давно научилась распознавать мельчайшие нюансы таких узоров и делать вид, что ничего не видит и не знает. Так проще.

Эти следы были свежими, ещё пылали и рдели лёгким маревом над кожей. Так вот почему клиент сегодня такой сонный и замаявшийся. Перед массажем устал, бедняга. Судя по «зебре» на спине, любовница ему попаласть страстная.

Выпроводив мужчину Соня открыла окно, чтобы проветрить кабинет. До следующего сеанса оставался час. Времени хватит и перекусить, и подготовить рабочее место, и избавить помещение от сладковатого аромата гвоздики и лаванды. В комнату тут же ворвались звуки и запахи улицы. Шелест пока ещё зелёных листьев, гудки машин, голоса. Соня приблизилась к окну и глубоко вдохнула. Пахло осенью. Ощутимо, с горчинкой и привкусом увядания. В своём стремлении выглядеть как лето, сентябрь напоминал ей маму – она тоже маскировалась под девушку на выданье, ежедневно, старательно, но неумело. Из-под модной оболочки проглядывал её истинный возраст и запах. Запах сентября.

Соня вскипятила чайник и сделала себе кофе, от вчерашнего ужина остался приличный кусок пиццы, его-то она и планировала съесть до прихода следующей клиентки. Уныло и как-то обречённо напомнила себе, что не стоит налегать на мучное, иначе ей самой скоро понадобится антицеллюлитный массаж, не спасёт и природная субтильность. Поглядывая на улицу, она лениво и привычно пролистала ленту в инстаграме, заметила, что кто-то отлайкал её посты. Надо же, сразу штук двадцать. Все последние, новые: с работы, юбилея мамы и первого сентября Юльки и Тимура.

Соня тут же зашла в свой профиль и представила, как бы разглядывала фото, будь она случайно заглянувшим человеком. Неудавшиеся кадры она никогда не выкладывала, но даже хорошие снимки спустя какое-то время казались не такими уж заманчивыми. На фото с линейки она приостановилась. Бирюзовое платье с белым воротничком ей очень шло, плотно, но не вульгарно облегло фигуру. Нужно его чаще надевать. Рядом с дочкой её возраст обозначился заметнее, хотя по комплекции они были очень похожи, Юля даже выше и крупнее, но молодость ни с чем не спутаешь, в том числе и такую, неформально разодетую, почти агрессивную. А вот фото с юбилея лучше удалить. Ракурс плохой, брюки на бёдрах собрались складками, а ноги кажутся коротковатыми. Взгляд притягивало сделанное на бегу портретное фото

на фоне стены. Хорошо бы поставить его аватаркой. На снимке она как никогда похожа на Одри Хепберн. Глаза удивлённые и улыбка такая неуловимая, даже чуть загадочная. Образ, который она старательно создавала, наконец врос в неё, став частью натуры. Самое смешное, что это случилось само по себе, когда отпало всякое желание быть на кого-то похожей.

Соня не любила фотосессии, необходимость позировать перед людьми сковывала тело неловкостью и замораживала лицо. Самые удачные фото получались без нужды красоваться перед посторонними людьми, чаще всего случайно.

Большинство фотографий в профиле Сони были одиночными: она в кафе, в зале йоги, в кабинете, на улице. Много рабочих заметок о массаже и эфирных маслах. Если не приглядываться, сложно разглядеть семью, хотя ни мужа, ни детей она никогда не скрывала. Просто как-то так получилось.

Придирчиво оценив свою страницу «чужими глазами», Соня наконец посмотрела, кто же отлайкал её фото, и застыла, поперхнувшись воздухом. Под аватаркой с ласточкой обнаружился Марк. Она ведь его сегодня вспоминала. Получилось, будто закинула в эфир мысль и получила ответ. Зачем он зашёл в её профиль? Никогда раньше не заглядывал, а если и забредал, не оставлял следов, не напоминал о своём существовании.

Соня разглядывала ласточку, слегка сощурившись, палец в нерешительности завис над картинкой. До зуда хотелось нажать, но она боялась всколыхнуть воспоминания, а вместе с ними и выматывающую, иссушающую тоску. Странно, что при всей публичности Марк выбрал именно такое фото. Она хмыкнула. А ведь это та самая черта, что когда-то не просто поражала, но и ужасно злила Соню. На собственную привлекательность ему было наплевать, он принимал её как должное. Была в этом какая-то вопиющая небрежность: как резать колбасу на картине Ван Гога и подпирать двери яйцом Фаберже.

Она знала, что у Марка есть профиль в инстаграме, но никогда не искала его намеренно. Иногда он мелькал в ленте бывших одноклассников или рекламе. Тогда Соня или судорожно пролистывала дальше или, наоборот, замороженно разглядывала его, выискивая мельчайшие искажения знакомых линий. Он сильно изменился. От крупных, даже округлых черт не осталось и следа, возмужал, вытянулся, оброс щетиной, а взгляд смягчился, потерял непримиримость и категоричность.

Соня вздрогнула и выключила экран телефона. Рука, держащая мобильный, слегка подергивалась, где-то глубоко в груди фантомной болью заныло израненное первой любовью сердце. Зачем он объявился? Он же должен её ненавидеть. К чему эти лайки-подачки?

За стеной послышался смех. Странно неуместный сейчас, но как нельзя лучше отрезвляющий. Соседки по кабинетам явно делились историями о своих похождениях или перемывали кости клиенткам. Хохотала, конечно же, Зарина. Самая языкастая и беспардонная. Её парикмахерская располагалась справа, с другой стороны Сониной обители находился кабинет лазерной эпиляции, а напротив – царство ногтевой индустрии. С коллегами по красоте Соня регулярно обменивалась услугами, но перекусы у них совпадали редко. Каждый работал на себя, по собственному графику, и болтливые посиделки обычно случались как раз во время маникюра или стрижки.

Пять лет назад они почти одновременно заняли кабинеты в этом здании. Соне достался не самый большой, но самый светлый. Она сама сделала ремонт, сшила шторы и наволочки для диванных подушек, даже помогала мужу крепить плинтусы и стелить ламинат. «Уютно угнездилась», – как сказал Кирилл. В принципе, после ремонта, он сюда не заходил, интуитивно чувствовал, что это личное Сонино и не претендовал на эту территорию.

Воспоминания о школьной поре пришлось отложить. Пришла новая клиентка. Стыдливая, осторожная. Раздеваясь, она по несколько раз переспрашивала, действительно ли нужно это снимать, и обречённо стягивала блузку и юбку. Ещё по телефону Соня почувствовала её

стеснительность. Целлюлит, с которым предстояло бороться Соне, вгонял женщину в краску и виделся постыдной болезнью, проявлением её слабости к тортикам.

– Насколько я поняла, вы раньше не делали подобный массаж?

Оставшись в нижнем белье, женщина легла на кушетку.

– Никогда. Не было у меня этой проблемы. Это после родов я себя запустила.

– Дети достаются нам нелегко.

– У вас тоже есть дети?

– Двое.

– Наверное, ещё малыши. А в какой сад ходят?

Соня ухмыльнулась. Да уж малыши, если можно так назвать неуправляемую дочь-подростка и сына, впритык подступившего к этому сложному периоду. Соня не только молодо выглядела, но и рано родила. Однако делиться такими подробностями не собиралась, почти всегда предпочитая слушать. Люди охотно рассказывали, находя в ней молчаливую неосуждающую собеседницу.

Соня приблизилась к столу, энергично растерла ладони.

Первый сеанс она считала крайне важным, это не столько массаж, сколько знакомство. Предстояло выяснить, как тело отзывается на прикосновения, где спряталась наибольшая зажатость в мышцах, как кожа реагирует на манипуляции и, самое главное, готова ли клиентка довериться ей. К Соне редко попадали случайные люди и уж точно таковые не задерживались. Она сама порой отказывалась массировать тех, кто вызывал в ней неприятие, всё-таки её работа предполагала особенную близость.

Первые прикосновения были лёгкими, почти невесомыми, с ярким изумрудным оттенком. Любому человеку требуется время, чтобы привыкнуть, пустить в своё личное пространство незнакомца, расслабиться и позволить к себе прикоснуться. Обычно на подобное знакомство уходило три сеанса. Соня подбирала эфирные масла, отслеживала реакцию кожи и возможную аллергию. Проще складывалось с теми, для кого массаж был не экзотикой, а привычной оздоровительной процедурой. Они знали своё тело и прислушивались к нему. Их кожа расцветивалась нефритовым с первого же сеанса и этот эффект держался довольно долго и выцветал постепенно.

К Полине, как к новичку, требовался особый деликатный подход. На лимерики времени не осталось, хорошо хоть, беседа отвлекала от мыслей о Марке. Чего она вообще так разволновалась? Ну, заглянул в её профиль, полайкал фото. Можно подумать, событие планетарного масштаба. Точно не в наше время, когда можно с любой знаменитостью побеседовать в комментариях и даже безнаказанно оставить «какашечный» стикер. Звёзды стали доступнее и ближе. А Марк – всего лишь бывший одноклассник. Всего лишь первая несчастная любовь. У кого такой не было?

К концу массажа Полина так разговорилась, что Соня с тоской вспоминала полусонного тихого мужчину. Кажется, её новой клиентке требовался не только массаж, но и свободные уши, в которые можно излить информацию о скидках на филе палтуса, детских болезнях и турецком сериале.

Сегодня Полина была последней клиенткой. Выпроводив довольную женщину, Соня тоже направилась домой. Обычно она ходила пешком. Даже в дождливую погоду обходилась без автомобиля и не вызывала такси. Это было её время. Она дышала в одном ритме с городом и могла позволить себе обратить внимание на мелочи, вроде опадающих листьев, необычного почтового ящика или украшенной к празднику витрины. Но сегодня мысли путались, норовили повернуть в запрещённое русло, и, чтобы удержать их в узде, пришлось воспользоваться общественным транспортом. Разглядывая город через мокрое стекло, Соня вспоминала, как вернулась сюда около семи лет назад. Первое время сравнивала улицы с теми, что остались в закоулках памяти, каждый сквер и парк будил болезненные воспоминания, а потом... потом

привыкла. Эти самые улицы, хранившие звуки их шагов, наполнились новыми свежими событиями. Прошлое осталось в прошлом.

Открыв дверь, Соня едва не столкнулась лбом с мамой.

– Ты куда? Там, между прочим, дождь, пусть и тёплый.

Вера Андреевна отступила назад, замерла перед зеркалом.

– У меня вечерний моцион. Феодосий Аристархович обещался прогуляться со мной до булочной и обратно.

Соня прошла в прихожую, сев на пух, стянула туфли и вытянула ноги. Только тогда оглядела маму. Вера Андреевна начесала шиньон, покрыла губы глянцевой морковной помадой и надела тонкие кружевные перчатки – значит, собралась на променад. Это был специальный прогулочный образ. Соня невольно вздрогнула. С каждым годом её мама все больше походила на умершую семь лет назад бабулю, вещи, которые когда-то называла нафталиновым барахлом, теперь величала парадными туалетами. Бабушка обладала тонким вкусом, а мама маниакальной тягой ко всему яркому. То, что на бабушке выглядело аристократично, на маме смотрелось излишне броско. Наряды и аксессуары Вера Андреевна сочетала по-своему, чаще всего перегружала цветами и деталями, превращая стильные по отдельности вещи в театральную цыганщину.

Гулять она ходила с другом, доставшимся по наследству от родительницы. Правда, Феодосий Аристархович умер два года назад, но мама об этом периодически забывала.

После смерти бабушки мама прожила одна около полугода, успела устроить три потопы, два пожара и несчётное количество скандалов с соседями. Кирилл сам предложил вернуться на родину, чтобы присматривать за неугомонной бедовой тёщей. Вера Андреевна хоть и выглядела не по годам бодрой и деятельной, периодически выпадала из реальности, забывала выключить воду или закрыть двери. Такие казусы случались внезапно и почти всегда оборачивались небольшой катастрофой.

Соня решила не сразу. Когда-то она клялась, что не вернётся сюда никогда и ни за что. Скорее руку себе откусит. Жизнь распорядилась иначе. Отца не стало в тот год, когда родилась Юля. Одиночество сильно подкосило Веру Андреевну. Маленькая Юлька стала для неё связью с действительностью, спасением от тоски и боли, а Соня без помощи мамы просто не справилась бы. Пока Соня училась в институте, мама жила с ними, но увидев, что семья Барановых состоялась не только на бумаге, вернулась обратно в большой пустой дом, построенный ещё прапрадедом. Теперь пришло время Соне отдавать дочерний долг. Переезжать к ним в квартиру на девятом этаже мама наотрез отказалась, вот Кирилл и предложил выход.

Уже семь лет они жили в этом доме, перестраивали его, ремонтировали и постепенно привыкли к эху в просторных комнатах и к сквознякам, скользящим вдоль пола.

Закрыв двери, Соня, заставила маму разуться.

– Давай лучше чаю попьём. Не прогулочная сегодня погода.

Вера Андреевна нехотя поплелась за Соней на кухню. Что-то недовольно пробормотала под нос, но спорить не стала. Соня привычно поправила скатерть, задвинула пляшущие стулья, заглянула в кастрюлю на плите. У раковины высилась стопка грязных тарелок, из открытой хлебницы торчал погрызенный батон хлеба.

Присмотревшись к сваленной посуде, Соня покачала головой и крикнула в открытые двери.

– Юль! Вы не обедали, что ли?

Не получив ответа, она вышла в коридор и повторила вопрос. Тимур выглянул из-за двери и виновато вжал голову в плечи.

– Ели, ты же видишь, тарелки грязные.

Юля выплыла из ванной, где, судя по всему, обновляла макияж. Толстые чёрные стрелки делали её раскосые глаза ещё экзотичнее, наращённые ресницы доставали до бровей и не пре-

тендовали на естественность. А помада у них с бабушкой, видимо, была общая. По яркости косметики Юля явно обогнала старшую родственницу. Но Соня смотрела не на вызывающую раскраску, к такому она почти привыкла. На бледных щеках дочери явственно проступали серо-зелёные дорожки. Следы от пролитых слёз. И слёзы это были злые, горькие и, естественно, тайные.

– Мам, ели. В чём проблема?

– Всё хорошо?

Соня сделала шаг вперед, хотела обнять, но Юля предугадала её намерение и ловко, будто случайно увильнула в сторону. Последний раз она позволяла себя обнимать целую вечность назад. С каждым годом пропасть непонимания между ними ширилась и углублялась. Удивительно похожие внешне, они кардинально отличались чем-то неуловимым, внутренним. Вольнолюбивая Юля никогда ни под кого не подстраивалась и не щадила чувств, могла пройти неделикатным танком и абсолютно не зависела от общепринятых авторитетов.

– Прекрасно. Лучше всех.

– Ты не голодная? – Соня хотела спросить совсем другое, но не знала, как подступиться к своей колючей дочке.

– Я же говорю, мы борщ ели.

Соня вернулась на кухню – открыв холодильник, оглядела покусанный кусок сыра и покачала головой. Понятно. Сыр и хлеб.

– Половник чистый. Конспираторы. Борщ в унитаза слили?

Юля устало закатила глаза.

– В следующий раз и половник испачкаем. Мам, ты меня порой пугаешь, детектив, блин, – она вышла в прихожую и, натянув кеды, объявила: – Я в парк.

Соня замерла, упершись плечом в дверной косяк, и оглядела вызывающий наряд Юли. По этому поводу они уже сломали десяток копий, бодались и ссорились неоднократно. Юля не признавала посредственности и одевалась как готическая кукла Барби. Хорошо хоть, в школу носила форму, правда, умудрялась даже в ней выглядеть дерзко. Ещё и нос проколола, и сделала тату на лице. Справа сердечко, пронзённое стрелой, слева – пять точек разного размера, символизирующих невысыхающие слёзы. Тут даже Кирилл вспылал, хотя обычно вставал на сторону дочери. Чаще всего Соня ощущала себя «пугалом». Если у кого-то в семье дети трепетали от фразы «вот папа с тобой не так поговорит», в семье Барановых запугивали мамой. Соня воспитывала, ограничивала, наказывала и ругала, а Кирилл просто любил.

Глядя, как Юля завязывает шнурки, Соня покачала головой.

– Ты тоже собралась гулять в дождь?

– Собралась. Ты против?

– И гитару берёшь? – Соня кивнула в сторону инструмента в чехле, стоящего у двери. – Там же дождь, намокнет.

– Ну давай, нуди: столько денег на гитару отвалили, а я, безалаберная, совсем не забочусь о вещах.

Соня вздохнула, назло ничего не сказала, хотя именно эта фраза вертелась в голове. Гитару купили полгода назад, когда Юля изъявила желание играть. Правда, Соня ни разу не слышала перебора струн в пределах дома. Если Юля и играла, то где-то в другом месте, если вообще играла.

– Уроки сделала?

– Мам? Уроки? Мне что, семь лет? Тимура пытай. У него ВПР¹ в этом году.

– А у тебя ЕГЭ.

Юля взялась за ручку двери, глазами обвела прихожую в поисках зонта.

¹ Выпускная проверочная работа в четвертом классе

– И что? Не кажется ли тебе, что ты слишком много значения придаешь оценкам.

Соня заглянула в пустую подставку, сняла с вешалки несколько курток и вытянула из-под них зонт.

– Не кажется ли тебе, что ты слишком мало придаешь им значения?

– Столько, сколько они заслуживают, – Юля взяла зонт, поправила за спиной чехол с гитарой. – Спасибо. Я вернусь не поздно.

Соня печально вздохнула.

– Будь осторожна. В девять чтобы была дома.

Юля только фыркнула в ответ и захлопнула двери.

Соня постояла несколько минут в прихожей, глядя на равнодушный стеклянный глазок, и побрела в спальню, коря себя за бездействие. Нужно было напомнить про КДН², попытаться задержать, сделать хоть что-нибудь. Пока не поздно, не дать Юле отдалиться окончательно, не упустить её. Такой возраст опасный.

На ходу расстёгивая пуговицы на платье, Соня прошла по длинному, как тоннель, тёмному коридору, толкнула дверь в спальню. Переодеваясь, она то и дело кривилась от неприятных ощущений в пальцах. Антицеллюлитный массаж всегда требовал много усилий и отзывался болью в суставах. Развесив одежду на плечиках, Соня машинально прошлась по комнатам, поправляя шторы и покрывала и выравнивая книги на полках. Куча неглаженного постиранного белья исчезла, превратилась в ровные красивые стопочки. Соня невольно улыбнулась. Для Кирилла не существовало разделения на мужскую и женскую работу. Если у него было время, он без напоминаний и просьб мыл посуду, готовил и гладил, мог зашить рубашку и не считал это чем-то постыдным и бабским.

Массажный кабинет тоже приносил доход, и немалый, но семью обеспечивал всё же Кирилл. От неё никогда не требовал отчёта и даже не знал, сколько именно она зарабатывает. А Соню грела мысль о собственной независимости. Кое-что она переводила на свой счёт – копила, часть тратила на детей, остальное вкладывала в собственную красоту. Оказалось, в тридцать пять сияющая кожа и ухоженный естественный вид требуют усилий и денег, а не только крема для рук и шампуня. Соня не делала и половины процедур, на которые её заманивали в соседние кабинеты, пока удавалось отбрыкиваться. Единственное, в чём она действительно нуждалась, – хороший массаж. К сожалению, найти грамотного специалиста, когда ты сам этим занимаешься, непросто. Сложно принять то, что делает другой массажист, когда знаешь как надо. Иногда помогал Кирилл, но массаж в его исполнении почти всегда перетекал в секс, что тоже было неплохо, но всё же не то.

Иногда, как и случилось сегодня, Кирилл возвращался поздно. Уже месяц он готовился к открытию очередной закусочной. Неожиданно и очень кстати в нём обнаружилась коммерческая жилка.

Делая предложение, Кирилл пообещал, что у них всегда будет крыша над головой и еда на столе. Он своё слово сдержал. Когда открыл первую закусочную, они почти месяц ужинали шаурмой, но не голодали. Соня не ожидала, что идея с «шаурмичной» окажется такой удачной, всё ждала, когда людям надоест питаться на бегу не самой полезной пищей. Оказалось – никогда. Через год он открыл ещё одну точку, и даже Соня, вскоре возненавидевшая шаурму, признавала, что вкуснее, чем в закусочной Кирилла, её нигде не готовят. Если бы не Сонины тяга к здоровой и полезной пище, Тимур и Юля вообще питались бы только у папы в закусочной. Они частенько забегали к нему после уроков и приводили туда друзей.

Распустив тугой пучок, Соня устало помассировала пальцами голову, бросила вороватый взгляд на телефон, вспыхнула и поспешно перевернула его экраном вниз. Нарочно оставила мобильный в спальне и пошла к сыну. Тимур сидел за столом в круге света от настольной

² Комиссия по делам несовершеннолетних

лампы, словно в луче инопланетного прожектора. Сосредоточенно переписывал с черновика домашнюю работу, буква к буквке.

– Я думала, ты уже закончил.

– Закончил. Было некрасиво, решил переписать.

Соня села рядом на свободный стул, переложила тетради из одной стопки в другую.

– Проект по окружающему миру сделал?

– Вчера.

– О ком писал?

Тимур поднял голову, когда свет попал в глаза, болезненно сощурился.

– О кавказской выдре.

Соня встревожено присмотрелась к сыну. Потянулась вперед, приложила ладонь ко лбу и тут же вскочила.

– У тебя температура! Ты чего молчишь?

Он пожал плечами и широко зевнул.

– Я не знал, холодно немного, голова болит, а так нормально.

Соня вышла в коридор, нашла градусник в аптечке. Энергично встряхнув, засунула Тимуру под мышку. Он попытался выкрутиться.

– Мам, неудобно, мне дописать нужно.

– Завтра в школу не пойдёшь.

– Пойду. Словарный диктант по английскому и проект этот. Я хочу выступить.

Соня погладила Тимура по макушке, покачала головой.

– Ну какой проект, Тим?

Он склонился, неосознанно поставил гудящую голову под целебные пальцы мамы.

– Горло не болит, соплей нет. Я пойду.

Соня вздохнула, вынула градусник и снова покачала головой.

– Тридцать восемь и два. Сиди дома.

Тимур встрепенулся, глаза тут же вспыхнули протестом.

– Нет. Год только начался, нельзя пропускать.

Соня сделала вид, что сдалась.

– Давай утром посмотрим, а сейчас собирай рюкзак и ложись в кровать. Вид у тебя больной.

Выйдя из комнаты, Соня сделала пометку в памяти проверить температуру у Тимура через полчаса и, если он ещё не лёг, уложить в кровать. А завтра она попросит Кирилла удерживать сына дома.

Вот бы Юле хоть десятую часть ответственности и усидчивости младшего брата, а ему, наоборот, поменьше. Как же неровно в их семье распределилась исполнительность и лень. С другой стороны, если бы и Тимур так трепал нервы с уроками, Соня бы обзавелась симметричными тиками на оба глаза. За сына она не переживала, редко проверяла домашнее задание, знала о жизни класса из родительского чата и втихаря злорадствовала, когда присылали снимки дневников с домашним заданием. Двойки и кособокий неопрятный почерк вызывали в ней тайную постыдную радость. Тимуру нравилось учиться. Юля же открыто ненавидела всё, связанное со школой, и, начиная с первого класса, грозилась подорвать пакостное здание динамитом. Видимо, для вселенского равновесия Юлин дневник был поводом для злорадства других мам.

Вернувшись в спальню, Соня опустилась на кровать напротив зеркала, поймала своё отражение в тёмном стекле. Свет из гостиной очерчивал силуэт и левую половину лица. В тени терялись уставшие глаза и мелкие морщинки. С распущенными волосами она выглядела моложе и не так строго, почти как её Юля, как она сама семнадцатилетняя. Мысли снова свернули в прошлое. В выпускной класс. В тот год, когда она познакомилась с Марком. Соня потя-

нулась рукой к телефону, включила экран и зашла в инстаграм. Уже нажимая на аватарку с ласточкой, подумала, что это плохая идея и ни к чему хорошему она не приведёт, но всё-таки нажала, словно шагнув в пропасть.

С первого же взгляда Соня поняла – с Марком они дружить не будут. Даже не так. С Марком они будут воевать. Ей не понравился его взгляд, осанка, неприкрытая самоуверенность. Всего в нём было много. Большие яркие глаза, крупные губы, широкие брови. Всего в избытке, всего слишком, даже ресницы словно накрашенные. А ещё он был новеньким, как и Соня. Два новеньких в выпускном классе – это недопустимо. Он тут же украл всё внимание, предназначенное Соне. Тем более с мальчиками в одиннадцатом «В» дела обстояли плохо. А вот девочек было в избытке, и, конечно же, имелась собственная королева со свитой.

Когда объявился Марк, Соня успела отучиться в новом классе всего неделю. Ещё не обвыклась, но уже разведала обстановку и составила план своего воцарения на местном троне. В понедельник всё понеслось под откос. Шёл урок истории, тёплый сентябрь слишком напоминал беспечное лето, чтобы послушно вникать в биполярную модель международных отношений. Екатерина Тарасовна зевала, поглядывала в распахнутое по случаю жары окно и, кажется, желала сбежать на волю не меньше своих учеников. Соня уже знала, что учительницу истории называют Бульбой, иногда подшучивают, но не зло и, в принципе, на её уроке не безобразничают. Но и не трясутся от страха, позволяют себе тихое безделье и записки, главное, сохранять видимость тишины и внимания хотя бы на первых партах. Соня разглядывала одноклассников, стараясь не делать этого слишком уж явно, чтобы не показаться назойливой или суетливой. Делала вид, что оборачивается на скрип ножки стула или чих.

Большинство имен она не запомнила, потому ни к кому не обращалась, да этого и не требовалось, всё внимание было приковано к ней. Одноклассницы настороженно сканировали, оценивали, расспрашивали и даже разыгрывали дружелюбие, мальчишки сторонились, но смотрели пристально, она затылком ощущала их жгучие взгляды. Всё шло как нужно, её изучали как выставочный экспонат. Своим внезапным появлением она заинтриговала всю параллель старшеклассников. О ней шептались в раздевалках и открыто обсуждали в курилке за школой.

И тут появился Марк.

После осторожного стука дверь чуть приоткрылась, показалось бледное лицо классной руководительницы – молодой и неопытной учительницы биологии. Одиннадцатый «В» ей достался внезапно, не иначе как кара небесная за неведомые прегрешения. Прежняя учительница, властная и авторитарная дама, тяжело заболела и попала в больницу. Разношерстный и беспокойный класс она держала в ежовых рукавицах, порой давила и унижала, но справлялась даже с обнаглевшей королевой.

Маруська Игоревна, а иначе старшеклассники новую учительницу не величали, не могла похвастаться железным характером, не так давно сама покинула школьную скамью. Ученики интуитивно почувствовали её растерянность и страх и теперь планировали последний год в школе сделать самым весёлым для себя и мучительным для молодой биологички.

Маруська Игоревна кивнула, здороваясь с учительницей истории, виновато улыбнулась.

– Извините, можно?

Когда она юркнула в кабинет, никто не встал, чтобы её поприветствовать. Бульба возмутилась.

– Чего сидите, учитель зашёл.

Класс нестройно поднялся, громко отодвигая стулья. На последних партах даже не шелохнулись. Соня тоже привстала. Вроде и уважение проявила, но и не встрепенулась, как

подлиза или зубрила. Следом за низкой учительницей вошёл незнакомый парень. Двигался он спокойно и уверенно, без позёрства, кивнул, здороваясь со всеми одновременно и ни с кем конкретно. Едва заметно улыбнулся, будто вспомнил что-то смешное. Вонзившиеся в него препарирующие взгляды воспринял как должное. Соня видела, как заёрзали девчонки. Ещё бы, в их классе мальчишек было в два раза меньше и таких заметных не водилось. Новенький выглядел старше, было в нём что-то нехарактерное возрасту: взгляд, отсутствие суетливости, спокойная самоуверенность, даже усталость какая-то.

Маруська развернулась, сделав неловкое движение рукой, зацепила новенького локтем, жутко смутилась и залепетала:

– Это Марк Абросимов. Он будет учиться в вашем классе. Их семья недавно переехала в Краснодар. Ну, в общем, познакомьтесь на перемене. Повезло нам в этом году с новенькими. Марк у нас, как и Соня, отличник и идёт на медаль, а ещё он спортсмен и в прежней школе возглавлял самоуправление.

Соня едва не застонала в голос. Этого ещё не хватало! Тоже медалист и активист и спортсмен. Может, он ещё и беллиданс выплясывает? За что ей такое наказание? Неужели нельзя было выбрать другую школу? В этом классе и так уже перенаселение.

Марк сдержанно улыбнулся учительнице, было видно, что похвала ему неприятна и выслушивает он её без удовольствия. Бегло оглядев класс, он увидел свободное место на предпоследней парте и направился к нему. По пути кивнул девчонкам у окна, рядом с Соней споткнулся и даже растерялся от собственной неловкости. Видимо, это с ним нечасто случалось. Прошёл чуть дальше и сел прямо за ней. Соня буквально почувствовала, как в её спину вонзился ещё один взгляд. Пожалуй, самый тяжёлый и колкий.

Маруська, пятясь, покинула класс. Бульба продолжила урок, словно ничего не произошло, но атмосфера изменилась и наэлектризовалась нетерпением. Все ждали звонка. Соня не выдержала и мельком оглянулась, Марк не смотрел на доску и ничего не писал, перехватил её взгляд и усмехнулся, будто поймал с поличным. Она нарочно не отвернулась, это выглядело бы как капитуляция, оглядела его, слегка сощурившись, включив своё фирменное высокомерно-безразличное выражение лица. Марк хмыкнул, скосил глаза на учительницу, а потом на невзрачный пейзаж за окном.

Несколько секунд Соня бесстыдно его разглядывала, будто ситуация её ни капли не смущала. В левом ухе Марка блеснуло маленькое колечко, на дне голубой радужки растворился солнечный свет, а кожа на щеках загорелась янтарными разводами, будто присыпанная волшебной пылью. Так выглядели следы родительской ласки и любви. Соня не без язвительности подумала, что он избалованный маменькин сынок либо любимчик Динь-Динь. Надо же, какой бред лезет в голову. Эта сказка осталась в далеком прошлом, и Марк меньше всего походил на мальчика, который не хотел взростеть. Хотел и повзрослел.

Соня победоносно вскинула голову – он отвернулся первым, правда, с таким видом, будто сделал ей одолжение. Стиснув зубы, она нервно сжала пальцами карандаш. Сейчас прозвенит звонок, и всё внимание достанется новенькому. Она даже не успела насладиться статусом знаменитости. Теперь новой сенсацией будет этот чёртов Абросимов. Соня хорошо помнила свой первый день в этой школе. День своего торжества.

Накануне она жутко переживала и нервно готовилась к встрече с будущими одноклассниками. Вытребовала у родителей новые туфли и блузку. Папа собирался потратиться больше, он всегда легко расставался с деньгами, а тут ещё и чувствовал себя виноватым. Сорвали её перед выпускным классом, заставили оставить друзей и поехать в другой город. Мама же как раз взялась за обкатку нового взгляда, точнее, старого, на воспитание детей – всё что можно под запретом, строгое ограничение во всём, без чего можно обойтись. Естественно, наряды дочери попали в эту категорию.

Соня психовала, спорила и грозилась сбежать из дома. Какой переезд? Какой новый класс? В своей школе она была бесспорной королевой, признанной и принятой не только учениками, но и учителями. Все знали, что она идёт на медаль, бессменная ведущая мероприятий, участница олимпиад и ежегодная Мисс Осень. Сколько бы раз она ни участвовала, титул доставался именно ей. С ней мечтали дружить, её мнению доверяли, учителя хвалили, а чужие родители ставили в пример. И это всё оставалось здесь, в её родной Анапе.

Новость о переезде сообщила мама. До этого рокового дня Соня ловила обрывки разговоров родителей о том, что бабушка болеет, путает лекарства и плохо ест, но не ожидала такого поворота событий. Просто не задумывалась о том, что в её идеальную размеренную жизнь может ворваться хаос. Мама и бабушка, мягко говоря, не ладили. Даже по телефону они умудрялись устраивать полноценные скандалы. Ни один разговор не обходился без запаха валерьянки и заломленных рук Веры Андреевны. Потом, естественно, приходила мигрень, приглушённые стоны в затемнённой комнате и обиды на судьбу, наградившую бестолковыми родственниками.

Соня миллион раз слышала от мамы, что они с бабушкой не переносят друг дружку, так что лучше она заплатит посторонней тётке, чем сама будет ухаживать за той вредной старухой. Но когда реально понадобилась помощь, Вера Андреевна безапелляционно объявила: они возвращаются в большой холодный дом – семейное гнездо Колоницких. Папа как-то сразу принял эту новость. Они жили в двухкомнатной квартирке под самой крышей наспех построенного дома без лифта. Переезд виделся радужным выходом, побегом из малокомфортной тюрьмы, жена была урождённой Колоницкой, а значит, и он имеет право на эту «дворянскую усадьбу».

Дом действительно был большим и представительным. Семейным гнездом назывался не случайно. Бабушка, требовавшая обращения только на «вы» и по имени-отчеству, обожала легенду о погубленном дворянстве. Верила в семейное проклятье рода и костерила безалаберных крестьян, будто сама когда-то ими владела. Вспоминала несуществующие балы и фамильную ночную вазу с керамической розой на крышке.

Переезд хоть и был запланированным, всё равно напоминал бегство. Вещи собирали в спешке и нервической ажитации. Мама оттягивала дату отъезда до последнего, а в конце августа поставила семью перед фактом – через два дня бабушку выписывают из больницы и им нужно быть рядом. Стопки коробок с вещами росли, словно бамбук, буквально на глазах. Кто бы мог подумать, что в их маленькой квартирке скопилось столько хлама. Кое-что пришлось выбросить, что-то отдать или подарить, многое оставить, чтобы потом решить, как поступить с мебелью или многовековыми балконными залежами.

Складывая книги, Соня не прекращала стенать и возмущаться.

– Последний класс! Как можно всё бросить и переехать сейчас? Как же мои друзья?

Вера Андреевна отложила в коробку с пометкой «мусор» стопку старых книг, немного подумав, добавила сверху школьные поделки Сони.

– Найдёшь новых. Краснодар намного больше и возможностей там тоже больше. Радоваться должна, что для тебя всё так сложилось. Всё равно бы поехала туда через год поступать в институт.

Соня возмутилась.

– Радоваться? Чему радоваться? Я буду оканчивать школу с незнакомыми людьми, а не со своими друзьями. Ещё неизвестно, какой там класс и как меня примут.

Вера Андреевна оглядела Соню с ног до головы, въедливо и тщательно, веско кивнула, словно признаваясь самой себе, что дочке достались хорошие гены, непроглядно-чёрные глаза придавали внешности экзотичность, правда, порождали и неуместные вопросы об ответвлениях в родословной. Соня была яркой, красивой, но капризное выражение лица и налёт высокомерия портили приятные черты. Вере Андреевне досадно было ощущать где-то глубоко внутри постыдную зависть. Нехорошо ведь завидовать родной дочери. Ей самой не досталось

ни пышной смоляной гривы, ни графичных глаз. Всего пришлось добиваться упорным трудом и характером. А Соня выезжала на внешности, ещё и сомневалась, что в новой школе ей будет тяжело влиться в коллектив.

– Чего вдруг тебя не примут?

– А как же секция лёгкой атлетики? Как же группа беллиданса? Репетиторы?

– Точно! – спохватилась Вера Андреевна. – Я же математичке за два месяца вперёд заплатила, нужно деньги вернуть. А секции и танцульки свои новые найдёшь. Там выбор больше.

Она придвинула новую пустую коробку и не глядя свалила туда старые школьные тетради.

– Зачем только всё это хранили? Переезд как раз кстати. Избавимся наконец от всего этогохлама.

Соня протяжно вздохнула. Выбрасывать дорогие сердцу вещи, как и переезжать, ей не хотелось. Она вообще не любила перемены и сюрпризы. Привыкала к людям, атмосфере и местам. А мама недавно открыла для себя новую философию минимализма и с головой окунулась в очищение. Переезд удачно вписался в её новое мировоззрение. К Сониному сожалению, под лишний хлам попадали и её наряды.

В качестве компенсации за огорчение она планировала выпросить обновки, а добилась только одной пары обуви и кое-чего по мелочи. Мама не прогибалась и не шла на компромисс, отстаивала новую точку зрения, будто проповедовала её с самого рождения. А ведь всего месяц назад поклонялась совсем другому богу и беспрестанно повторяла, что детей нужно просто любить, а остальное само собой приложится.

В Краснодар приехали ночью. Соня, не распаковывая вещи, завалилась на сырую нерастеленную кровать и позволила себе как следует выплакаться. Чужой дом, чужой город и бабушка с заскоками, о которой она слышала только настораживающее и пугающее. Теперь это не просто громкий голос из телефонной трубки, теперь это её реальность, пропахшая лекарствами и снобизмом. Дворянка. Ну конечно! Хорошо хоть, не царица.

Перед первым сентября Соня почти успокоилась и убедила себя в том, что плюсов действительно больше. Она ведь новенькая, значит, её ожидает пристальное волнующее внимание. Нужно сразу себя правильно подать. Не заводить знакомства абы с кем, первые дни держаться дружески, но на расстоянии, чтобы выяснить расклад симпатий и сил в новом классе, понять, кто тут верховодит, а с кем лучше не общаться. Соня примеряла маски, как одежду, проигрывала в голове сценарии знакомства, заготавливала остроумные шутки. В старой школе к ней давно не обращались по имени. Она убедила в этом всех, кроме учителей, они, к сожалению, продолжали величать ее громоздким именем «Софья». Здесь нужно проделать тот же фокус и внедрить прозвище на правах имени, иначе она просто не будет реагировать. Соня не её имя, оно вялое, пухлое, неприглядное. Она Кайла. Нечто среднее между устрашающей индийской богиней и женщиной-волчицей.

Соня подготовила одежду, букет цветов и выражение лица. И в последнюю очередь подумала о том, что нужно будет разузнать о секциях и репетиторах. В прежней школе у неё были проблемы с математикой, спасала только зубрежка и дополнительные занятия. Свою пятёрку она выгрызала, прекрасно осознавая, чего ей это стоит, но перед одноклассниками каждый день разыгрывала спектакль с врожденными математическими способностями. Будто прочитала один раз и всё запомнила, а домашние задания писала вообще на ходу, по пути на секцию лёгкой атлетики.

С этим тоже нужно что-то делать. Спорт она ненавидела, ей не нравилось потеть и выглядеть неопрятно, но спортивная секция была необходима сначала как галочка в личном деле: красивая, умная, спортивная. А потом Соня влюбилась в мальчика из секции. Правда, быстро сменила одного на другого, при этом незаметно сама стала объектом симпатии, а спустя пару лет заметила, что это и престижно, и полезно для её фигуры. А значит, стоит потерпеть.

Единственное, чем она действительно занималась с удовольствием – это танцы живота. Когда Соня попала туда впервые, их называли именно так. Потом переименовали в восточные танцы и в конце перешли на англоязычный вариант. У Сони не просто получалось танцевать красиво и талантливо, она была удивительно гармонична. Экзотичная внешность словно была создана для беллиданса, а Соня умела подчеркнуть необычный разрез глаз и белизну кожи. Эту маску она носила с превеликим удовольствием, тогда ещё не зная про Одри Хепберн и ища в себе восточные корни. В Краснодаре Соня планировала распрощаться с лёгкой атлетикой и найти танцевальный класс. Радость и для тела, и для души, не то что этот утомительный спорт.

Всё прошло, как она и планировала, даже лучше. Её встретили не слишком дружелюбно, но заинтригованно, Соня насчитала десяток откровенно восхищённых взглядов, завистливые тоже были и радовали, пожалуй, ещё больше. Теперь предстояло разобраться в иерархии класса. Это было задачей посложнее, лидеры могли быть неявными. Опаснее всего ненароком сдружиться с изгоями, их следовало вычислить в первую очередь. Для человека наблюдательного это не так уж сложно, тем более что в новом классе расслоение оказалось чётким и не смазанным напускной вежливостью.

Верховодила Олеся. Самая красивая девочка в классе. До появления Сони, конечно. Несмотря на форму, уровень состоятельности легко вычислялся по деталям: серёжки, колготки, обувь, сумка. У Сони глаз на такое был намётан, деталям она всегда придавала большое значение.

О своих талантах и способностях Соня намеренно умолчала, пусть всё открывается постепенно. Сначала на уроке химии она поразила учительницу и одноклассников знаниями выше школьного уровня, на литературе вступила в дискуссию о реальных прототипах рассказа Куприна «Гранатовый браслет» и необходимости трагического финала.

Одноклассники притихли и прислушались. Соня умела говорить, зря, что ли, весь вечер репетировала перед зеркалом потрясающую спонтанную речь.

– Устами генерала Аносова писатель провозглашает, что нельзя проходить мимо редкого дара – большой и чистой любви. Любовь должна быть трагедией, величайшей тайной в мире!

Учительница вскинула брови и веско кивнула.

– Всё так, всё так. Я так понимаю, взгляд Волкова тебе ближе. А сама ты как думаешь? Стоит ли замыкаться в своём чувстве, как в скорлупе?

Соня растерялась. Она никак не думала. Заучила выдержки из статей и планировала процитировать ещё парочку, но своего мнения у неё не имелось. Не озаботилась им, привыкла запоминать тонны информации, но не анализировать. Интуитивно догадалась, что учительница жаждет спора, и кивнула. А дальше от неё требовалось только стоять с умным видом, а в конце получить пятерку и зависть одноклассников.

Олеся мрачнела всё больше с каждым раскрывающимся в Соне талантом. Теперь школьная принцесса разглядела в ней опасную соперницу и гадала – принять в свиту или начать травлю.

Пока Соня нежилась в лучах славы, каждое утро подбирала гардероб и изучала одноклассников, они тоже присматривались к ней. Всё шло как нужно. И тут как гром среди ясного неба – ещё один новенький и, к сожалению, не молчаливый заморыш, обречённый стать её влюблённой тенью. Марк в первый же день умудрился запомнить имена одноклассников. Непокоримо уверенный в своей исключительности, он не пытался понравиться, просто был собой. И Соню это взбесило больше всего. Он нагло воровал внимание, предназначенное ей, и то, что от неё требовало усилий, делал явно ненамеренно и даже без желания.

К уроку физкультуры Соня, естественно, готовилась с особой тщательностью. Не дай бог предстать перед одноклассниками в замызганном бюстгальтере или с небритыми ногами.

Неделю назад в раздевалке она наблюдала некрасивую сцену. Олеся со своими приспешницами издевалась над одноклассницей, которую Соня ещё в первый день записала в парии.

Тут даже не нужно было присматриваться. Олеся с едкой лёгкостью раздавала клички. Имя этой девушки знали только учителя, но и они чаще обращались по фамилии, одноклассники же называли её Монашкой. Догадаться почему не составляло труда. Кристина носила юбку до пят, никогда не красилась, застёгивала безразмерную рубашку под горло, волосы собирала в плотную косу. Её блестящая пшеничная шевелюра не давала Олеся покоя, Соня хоть и была обладательницей чёрной гривы, всё равно позавидовала длине и толщине косы.

Олеся искренне ненавидела Монашку, не проходило и дня, чтобы она не бросила в её адрес замечание или не сотворила маленькую обидную подлость. Кристина каждый раз съёживалась, будто могла стать ещё неприметнее.

В этот раз в женской раздевалке царило особенное волнение. Пока погода стояла тёплая, уроки физкультуры проводили на улице, и можно было смело красоваться в обтягивающих майках, даже топах, ну и посмотреть на Марка во всей красе. Даже в рубашке и брюках было видно, что ему есть чем похвастаться.

Олеся уже переделалась в спортивную форму и, полулёжа на скамье, поглядывала на суетящихся одноклассниц. Самые стеснительные жались по углам, снимали одежду фрагментами, шорты натягивали под юбку, футболку надевали, отвернувшись к стене. Соня не торопилась, откровенно демонстрировала дорогое нижнее бельё, выпрошенное у папы как подарок на будущий день рождения. Своей фигуры он не стеснялась, зря, что ли, посвятила столько лет ненавистой лёгкой атлетике. Натягивая форму, она неосознанно читала надписи на стенах.

Чаще всего упоминалось имя «Сергей». Тут были признания в любви, неприличные пожелания и стихи, посвящённые его загадочной персоне. Пару раз это имя вписывалось в секретную формулу «Сергей + такая-то = любовь». Женские имена менялись неоднократно. Сергей не был мифическим существом, он существовал реально и учился в параллельном классе, но пока не появлялся в школе. Если верить Олеся, он ещё не вернулся с родителями из-за границы. Сергей слыл признанным красавчиком и, конечно же, хулиганом, что придавало ему пикантный шарм.

Кристина, приподняв подол складками, пыталась натянуть спортивные штаны, так чтобы не мелькнула голая кожа ног. Олеся наблюдала за её пыhtением с нескрываемым злорадством.

– Господи, и чего она там прячет? Несметные сокровища в панталонах? Драгоценную девственность?

Подруги Олеся тут же громко рассмеялись, соглашаясь, что девственность в семнадцать лет на драгоценность не тянет, скорее на позорное клеймо. Кристина наконец справилась с юбкой. Сняла её и, отвернувшись лицом к стене, начала расстегивать блузку. Олеся бросила взгляд на подругу и кивнула. Та подошла к Монашке и дернула за лямки лифчика так, что резинка больно хлопнула по коже. Кристина взвизгнула и, прижав руки к груди, резко развернулась.

– Отстаньте от меня!

Олеся снова кивнула, призывая подруг в помощь. Эта забава не была новинкой. Они знали, что делать. Силой отняли руки Кристины от груди и заставили выпрямиться. Олеся встала, прошлась вдоль скамейки, пренебрежительно разглядывая полуголую девушку.

– Вы только посмотрите на этот лиффон. Бабушкины ракеты! Кажется, Мадонна такое носила на заре своей порнокарьеры. А монашка не так проста, как кажется. Прелюбодействует от души. А потом просто замаливает гадостные грешки в своей баптистской церкви. Хорошо придумала.

Соня молча наблюдала за сценой унижения и не вмешивалась. Олеся вызывала в ней неприязнь своей странной необоснованной агрессией. Издевательства ей явно доставляли удовольствие. Но и Кристина ей не нравилась. Пугливая, неряшливая и суматошливая, как облезлая голодная мышь. Пусть сами разбираются. Олеся собрала большую группу поддержки и не

только среди девочек, такие, если захотят, могут жизнь любого ученика превратить в ад. Быть изгоем точно не входило в планы Сони.

На уроке Крестину не трогали. Побаивались физрука. Резкий и шумный мужчина советской закалки использовал свисток по любому поводу и наказывал отжиманиями. Когда-то он выступал за сборную края по баскетболу, поэтому обладал внушительным ростом, а с возрастом обзавелся и объёмами.

Занятие проходило на уличной площадке. Сначала бегали на стадионе, девочки, правда, больше ходили и беседовали, но стоило им поймать строгий взгляд физрука, переходили на лёгкую трусцу. Соня сразу догадалась, как выделиться на общем фоне, просто побежала, легко обогнала самую многочисленную группу ребят и поравнялась с теми, кто реально соревновался друг с другом. Как по команде все развернули головы в её сторону, а когда она вырвалась на несколько шагов вперёд, уловила игривый свист.

Марк бежал в нескольких метрах от неё. Легко, размашисто, широкими шагами. Соня припомнила, что Маруська Игоревна говорила о его спортивных достижениях. Учительница не преувеличивала, Марк двигался как опытный спортсмен, экономно и одновременно грациозно. Тренер в Анапе на первой тренировке озвучивал у кого талант, а кому придется пахать. Он не скрывал от Сони, что она из работяг и только за счёт упорства может приблизиться к результатам атлетов, одарённых от природы. Соня не слишком-то упиралась. На районных соревнованиях входила в тройку призёров, и это её устраивало.

А вот Марк даже школьный урок физкультуры воспринял как вызов и возможность стать лучшим. «Выпендрёжник» – окрестила его Соня, догонять не стала, бежала сзади и рассматривала его спину, по собственному опыту зная, как нервирует пристальный взгляд, нацеленный в лопатки.

Марк ни разу не оглянулся, к концу дистанции ускорился и финишировал первым. Соня перешла на лёгкую трусцу и позволила обогнать себя группе ребят, с которыми пока ещё не придумала как общаться: высокомерно или дружелюбно. Пусть думают, что они сильнее. Мужчин такая мысль обычно тешит, а слабые барышни вызывают у них нежность и симпатию.

Оставшуюся часть урока ребята играли в баскетбол, а девочки довольствовались ролью зрительниц. Олеся хищно следила за передвижением Марка по площадке, когда он делал бросок, даже взволнованно приподнималась и вытягивала шею.

– Видели, какой прыжок?

Одноклассницы охотно соглашались.

– Хорошо, повезло же, что он не к бэшкам попал, а к нам.

Олеся сощурилась.

– Кажется, Серёга останется не у дел. Вот сюрприз для него будет, когда он вернётся. И знаете, я бы проголосовала за Марка.

Её подруги согласно закивали.

– Красавчик, конечно.

– Смазливенький.

– Ухоженный такой, правда, молчаливый какой-то.

Соня не прислушивалась к разговору, она сама следила за игрой, болела за команду, которая проигрывала.

Олеся довольно громко комментировала броски и финты, нарочно отвлекая игроков от баскетбола.

– Бублик давите, чего он под ногами путается. Только делает вид, что знает, как мяч держать, а сам боится его, как девушки.

Парня по кличке Бублик тут же послушно придавили к стене и вывели из игры. Он плашмя врезался в преграду, сполз на пол, но быстро поднялся и вернулся на площадку. Бро-

сил на Олеся короткий и злой взгляд, но она не придала этому значения, переключила свою язвительность на другого одноклассника.

– Максим, кажется, забыл, что кросс закончился, бежит с мячом под мышкой, как с дамской сумочкой. Эй, склеротичка, мяч тебе зачем?

Тут же раздался свисток, мяч разыграла другая команда. Олеся не успокаивалась, продолжала осыпать ребят насмешками. Теперь Соня прислушалась и внимательно запоминала. Больше других доставалось Бублику, что, в принципе, было объяснимо. Высокий, нескладный, как паук-долгоножка. Но не это было источником неприязни. Бублик не мог похвастаться состоятельными родителями. Спортивная форма была ему мала, тонкие кисти рук нелепо выглядывали из рукавов, а штаны заканчивались выше края носков. Вся его одежда кричала о нехватке денег. Поношенная, застиранная, кое-где явно штопанная. В отличие от Кристины, он не молчал и не и съёживался под градом насмешек, огрызался как мог и, если его толкали, толкал в ответ.

Олеся предпочитала травить его опосредованно, через одноклассников, которых одаривала своей благосклонностью. Больше других старался Костя, влюблённый в свою повелительницу. На предыдущем уроке физкультуры играли в волейбол. По приказу Олеси в Бублика летели все подачи и нападающие удары. Он отбивался, раскраснелся и взмок, влажные волосы прилипли ко лбу, край короткой футболки выбился из-за резинки штанов и торчал как хвост. Несколько раз он получил мячом в лоб, после самого неожиданного и сильного удара растянулся на полу нелепой кривоконечной звездой. Олеся была довольна. Проучила Бублика за то, что на перемене он послал её по известному адресу.

Соня наблюдала за отношениями в классе с изумлением и затаённым страхом. В её предыдущей школе такого не было. Случались небольшие стычки и ссоры, но на фоне травли под руководством Олеси всё это выглядело безобидным баловством. В Анапе бок о бок учились дети из состоятельных семей и не очень, но не пересекались, словно существовали в разных вселенных. Как говорила Соня: знали своё место. Она с первого класса слыла лучшей ученицей и самой красивой девочкой в школе и не особенно вникала в проблемы середнячков.

Олеся же вела себя как Червонная королева из сказки Кэрролла. С виду аккуратная ухоженная куколка умела плевать ядом и профессионально унижать неудобных ей подданных. Если бы могла казнить, то подписала бы не один смертный приговор. Соня впервые засомневалась, нужны ли ей регалии школьной элиты. Скорее всего, за них придётся заплатить высокую цену. Олеся свой трон просто так не уступит. А тут ещё и Марк объявился, ещё один претендент на лидерство. Пожалуй, без собственного войска из обожателей ей не обойтись и стоит пересмотреть план завоевания школы.

Странно, но никто не жаловался на Олеся. Та же Кристина терпела, бродила тихой тенью, на перемене искала людные места или оставалась в классе, если там был учитель. За помощью к директору не шла. Может, это было частью её веры? Прощать каждый день и подставлять другую щёку. Другого объяснения Соня не находила. Бублик не проявлял такого уж смирения, всегда кусался в ответ, не соглашался с ролью побитой собаки, но, опять же, не доносил на Олеся даже классному руководителю.

Уже к концу недели Соня поняла, почему никто из обиженных учеников не просит помощи. Учительница сама оказалась объектом травли. Но не такой прямолинейной, а изощрённой и слегка завуалированной под пошлые шуточки.

Всю неделю Соня тайно наблюдала за Марком, делая вид, что его не существует. Вокруг него и так вился рой любезных одноклассниц. Внимания ему и без неё хватало. На переменах он почти всегда уходил и пропускал большую часть Олесиных выпадов. Создавалась впечатление, что он нарочно не вливается в класс, сохраняет дистанцию и не ищет дружбы. Его вполне устраивало собственное общество. Понравиться или стать лидером он не пытался, про-

сто-напросто уже считая себя таковым. Это показное безразличие к школьной иерархии Соню жутко бесило.

На уроке биологии Марк сидел через проход справа от Сони. Между ними повис целый метр пустого пространства, но она ощущала его присутствие острее, чем на уроке истории, когда парень сидел за её спиной. Боковым зрением Соня несколько раз ловила его взгляд. И ей это не понравилось. Там не было восхищения, к которому она привыкла. Скорее насмешка и любопытство.

Маруська Игоревна рассказывала про механизмы эволюции и бродила между рядами, взволнованно размахивая руками. Ученики слушали вполуха. Почти весь ряд у окна разомлел на солнце и растёкся по партам, некоторые записывали, большинство же занималось чем-то своим, видимо, более важным. В кабинете стоял гул напряжённого шёпота.

Маруська Игоревна прошла мимо Сони, слегка зацепив взглядом страницу её тетради, улыбнулась, выражая одобрение. Ещё бы, Соня конспектировала быстро и красиво, не забывая выделять термины цветными ручками.

Стараясь не поворачиваться в сторону Марка, Соня лениво проследила за передвижением учительницы, только успела подумать, что при такой выдающейся пятой точке ей не стоит носить облегающие вещи, как с задней парты кто-то озвучил её мысль.

– Вот это жопа.

Маруська Игоревна на секунду запнулась. Её плечи окаменели, шея покраснела. На дерзкую реплику она не отреагировала. Почти сразу продолжила рассказывать о возникновении и развитии жизни на Земле. Правда, её голос немного дрожал. Соня присмотрелась и разглядела поверх серой юбки учительницы, прямо на ягодице, алый опечаток большой ладони. Кто-то умудрился пощупать Маруську и, судя по цвету, было в этом что-то наглое, пошлое, сделанное без согласия. Такой неоновый-яркий, словно сигнал светофора, цвет носили следы насилия.

Класс сдержанно засмеялся, кое-где смешки прозвучали громче, по кабинету эхом пронеслась неприятная фраза. Соня оглянулась, столкнулась взглядом с Костей. Надо же, его имя она запомнила. Крупный и какой-то нелепый детина с кустистыми не по возрасту бровями и несоразмерно огромными руками. Он нагло улыбался, откровенно демонстрируя авторство реплики. Костя частенько брал на себя роль исполнителя воли Олеси. Осуществлял все её грязные поручения. У него не хватало воображения придумывать гадости, но исполнял он их с большим удовольствием и старанием.

Смешки постепенно утихли, Маруська Игоревна вернулась к столу и, опустив учебник, обвела класс несмелым взглядом. Нарочно прошла по макушкам, чтобы не смотреть никому в глаза.

– Какие у вас будут вопросы?

С последней парты вновь взметнулась рука. Соня видела, как несколько минут назад Олеся передала Косте записку. Много же ему понадобилось времени, чтобы прочитать и запомнить.

Учительница нехотя кивнула.

– Да, Костя, что ты хотел спросить?

– У меня вопрос насчет эволюции, можно?

Соня удивлённо приподняла брови, ученики зашептались, даже Маруська Игоревна изумленно выдохнула.

– Задавай.

– Выживают те виды, которые больше других приспособились, так? Вот интересно, какие преимущества перед другими особями даёт большая задница?

Учительница застыла, от необходимости отвечать и хоть как-то реагировать её спас прозвучавший звонок, правда, его почти заглушил хохот учеников. Костя вскочил и поклонился,

довольный произведенным эффектом, потом развернулся к Олесе. Получив от неё одобрение в виде вздетого вверх большого пальца, расплылся в широкой улыбке.

Маруська Игоревна, пунцовая, как томат, убежала в подсобку и захлопнула двери. Соня задержалась, собирая высыпавшиеся из пенала ручки. Застёгивая рюкзак, увидела, что Марк тоже не ушёл, стоит в проходе, гипнотизируя двери, за которыми скрылась учительница. На его лице читалась жалость и замешательство. Кажется, обычаями нового класса он был удивлён не меньше Сони и сейчас явно колебался между желанием уйти и узнать, что там с учительницей и не наложила ли она на себя руки после такой неприятной сцены.

Он приблизился на шаг и наконец решился.

– Соня...

– Кайла, – тут же перебила она, отчего-то жутко заволновавшись. Марк впервые обратился к ней.

– Кайла, – хмыкнул он, – мне не совсем удобно тревожить Марию Игоревну, скорее всего, она сейчас плачет, не могла бы ты заглянуть к ней? Предложить воды или, может, платок.

Соня нахмурилась, увидела в проёме дверей силуэт Кости и решительно покачала головой.

– Она сама виновата, надела облегающую юбку, будто нарочно напрашивалась на подобную шутку. К тому же совершенно не умеет поддерживать дисциплину. Чем раньше она поймёт, что ей не место в школе, тем лучше. Меньше прольёт слёз.

Марк удивлённо вскинул брови и отшатнулся. Почти сразу на его лице расцвело непривычно гадливое выражение. И этот неприятный взгляд предназначался Соне.

Она накинула лямку рюкзака и быстро вышла из класса, зацепив плечом Костю. Не хватало ещё нажать себе врага в лице Олеси. Пока нет собственной группы поддержки, с такой зубастой королевой лучше не конфликтовать. Ей было до жути страшно оказаться на месте Бублика или Монашки.

2 глава. Сизый октябрь

*Цвет тишины и печали
Синие волны качали,
Совесть не спит,
Сизым бурлит,
Чайкой кричит на причале.*

Соня растерялась. Такое случалось и раньше, но нечасто. Порой во время массажа клиенты плакали, обычно это происходило с женщинами на первый взгляд собранными и строгими. Сегодняшняя же клиентка ревела навзрыд.

Как Соня узнала, такое бывало и у других массажистов. Всё-таки наше тело и эмоции связаны намного сильнее, чем мы думаем. Многие физиологические зажимы в мышцах, боли в спине оказываются следствием эмоционального дисбаланса. Железные леди, привыкшие всё контролировать, в том числе и свои душевные порывы, страдали больше раскрепощённых и импульсивных женщин. И когда под руками Сони они расслаблялись, случался вот такой взрыв. Плакали, раскрывали душу и жаловались на жестокую судьбу. Лидировали три причины: измена мужа, лишний вес, неблагодарные дети.

Прежде чем продолжить, Соне пришлось переждать пик рыданий. Она с осторожностью коснулась растревоженной клиентки, мельком глянула на часы. На лимфодренажный массаж записывалась ещё одна дама, перерыв между сеансами получался небольшой, и теперь у неё не хватит времени нормально пообедать и отдохнуть, успеть бы проветрить кабинет.

Соня лукавила. Ей хотелось не просто отдохнуть, но и забраться в инстаграм. Пока её смелости хватило на то, чтобы подписаться на Марка в ответ и посмотреть в интернете самые свежие его фотографии. Перед глазами стояло лицо с отрепетированной улыбкой. Соня не стала листать всю ленту, ограничилась парой снимков, но и по ним было понятно, что свою привлекательность он превратил в источник дохода.

Отпустив клиентку, Соня сделала кофе и, взяв телефон, вышла в интернет. Несколько минут бродила по разным сайтам, просмотрела какой-то ролик про бесшумный пылесос и только потом зашла в профиль Марка. Чувствовала она себя как преступница, проникшая на чужую территорию, даже воровато оглянулась, будто кто-то мог её увидеть.

Сегодня появились новые фото, судя по антуражу, с рекламы автомобильных шин. Марк позировал в джинсовом комбинезоне, будто случайно испачканный в мазуте, в меру лохматый и якобы вспотевший. Большинство снимков крупным планом до пояса, на одном он сидел за рулём машины. Соня неосознанно присмотрелась к ногам, но они скрывались в тени салона, а вот плечи разглядела во всех подробностях. Марк и в семнадцать лет был высоким и атлетичным, сейчас же выглядел как человек, для которого тело – его работа. Только Соня подозревала, что, несмотря на все способности и стремление к чемпионству, вершины Олимпа для него навсегда недоступны.

Она нехотя признала, что возраст ему идёт. Большую часть одноклассников время расплющило, пощипав им макушки, Марк же перерос миловидность, обрёл то, что принято называть мужественностью. Наверное, у женщин он пользуется популярностью, может, и сам уже не такой привередливый, как в школьные годы, а может, и наоборот, абсолютно зазвездился. Соня провела пальцем по экрану, будто могла почувствовать тепло его кожи и, устыдившись собственного порыва, поспешно отдернула руку.

Она никогда бы не подумала, что Марк свяжет жизнь с рекламой и со всем этим позированием перед камерой. Настолько это было противоестественно его натуре. В семнадцать лет, выиграв соревнования, он отказался фотографироваться и давать интервью журналисту

местной газеты. Нынешнюю его жизнь она не могла представить. Чем он вообще занимается? Целыми днями умасливает кожу, готовит тело к съёмкам и бегают по кастингам? Любит ли он, как и раньше, ласточек, слушает «Сектор газа»? Судя по аватарке, его странная страсть к ласточкам не прошла. Соня так и не поняла, что для Марка значат эти птицы, почему именно они?

Как же всё-таки время перекраивает людей, и дело тут не во внешних изменениях. Её маниакальное желание всех восхищать и во всём быть лучшей не просто притихло, оно почти испарилось. Почему когда-то ей казалось таким важным создавать правильное впечатление, быть темой разговоров в курилке и объектом зависти? А сейчас было стыдно вспоминать собственные поступки. Хотелось бы всё переиграть, прожить некоторые моменты заново, но, к сожалению, только в фантазиях Соня смело давала отпор Олеся и отталкивала Сергея. Какая же она была самовлюблённая и ограниченная, трусливая позёрша, а ещё Марка таким называла.

Соня хотела рассмотреть и другие фото, но не успела. Телефон неожиданно завибрировал, врываясь в её преступные мысли звонкой трелью. Соня дёрнулась, едва не уронила мобильник, перехватила на лету и прижала к уху, не глядя на имя абонента.

– Алло.

– София Николаевна?

– Да.

– Добрый день. Это Мария Степановна.

Соня протяжно вздохнула и, приложив ладонь к щеке, почувствовала жар заалевшей от стыда кожи. Посещение профиля Марка её совесть рассматривала как нечто непозволительное и запрещённое, а тут ещё и звонок классной руководительницы Юли. Он, как оповещение МЧС, не предвещал ничего хорошего.

– Вас вызывают к директору.

Соня несколько секунд обдумывала эту информацию. С начала учебного года это случилось впервые. Без выходов Юля продержалась почти полтора месяца. Последний раз на подобное чаепитие её приглашали в марте из-за драки, которую учинила её дочка. Тогда они еле избежали постановки на учёт. Удалось замять. Обе стороны не хотели портить детям будущее отметками в личном деле. Соня же до сих пор считала, что Юля поступила правильно, защитив одноклассницу, руки, правда, зря распустила, но с некоторыми по-другому никак. Втайне она гордилась дочкой, хотя для видимости пришлось прочитать лекцию о необходимости решать споры мирным путём, а в кабинете директора изображать раскаяние и заверять, что это никогда не повторится.

– С Юлей?

– Да. Я оставлю её после уроков. Анна Витальевна хочет видеть вас двоих.

– Что она натворила?

– Ну почему сразу натворила? Она у вас хорошая девочка. Это по поводу её учёбы, ну и внешнего вида.

Соня не сдержала вздоха облегчения. С учёбой как-нибудь разберутся. Осталось выдержать последний год и пережить ЕГЭ.

– Хорошо, я приду.

– Я бы тоже хотела с вами побеседовать, но без Юли, конечно. Это важно. Только сегодня я не успею. Когда мы сможем с вами увидеться?

Соня потянулась за блокнотом, перелистала страницы в поисках окон между сеансами и с сожалением выдохнула.

– Только на следующей неделе, в среду около пяти.

– Хорошо. До свидания.

– До свидания.

Положив телефон на подоконник, Соня несколько раз прошлась по комнате, нервно одёрнула футболку и замерла перед зеркалом. Там, где она касалась щеки, остался след. Четкий и яркий сизый узор пяти пальцев. Схватив сумочку, Соня попыталась замазать следы пудрой, но неприятная краска проступала поверх косметики, парила над кожей серо-голубым маревом. Стыдно. Ей было стыдно, и она сама себя заклеимила этой эмоцией. Хорошо, что эти отпечатки проходят в течение нескольких дней, бледнея с каждым днём. Невидимые для других, для неё они – тавро запрещённых мыслей.

Ещё час она прокручивала в голове все возможные сценарии беседы в кабинете директора, последняя на сегодня клиентка почти весь сеанс болтала по телефону. Так Соня стала свидетельницей очень откровенного разговора, пестревшего личными подробностями. Неловкость добавила яркости в сизые отпечатки не её щеках.

Соню всегда удивляла такая простота и откровенность, заходящая за грань дозволенного. Где эта грань, Соня определяла интуитивно, если щёки пламенели, хотелось отвести взгляд и стереть память собеседнику – значит, грань уже пройдена. Нужно было остановиться чуть раньше. Она не знала, с кем говорила женщина, скорее всего, с подругой, но даже для ушей подруги это было слишком, а Соню посетительница и подавно воспринимала как предмет мебели, и то, что массажист всё слышит, её не волновало.

Распознавшись с болтливой клиенткой, Соня решила, что больше с ней работать не будет. К счастью, она могла себе позволить выбирать.

Проехав часть пути на автобусе, оставшиеся два километра Соня прошла пешком. Тёплый октябрь располагал к прогулке, подсовывал под подошвы хрустящие листья, шелестел ими на ветру, шептал стихи. Хотелось остановиться, прислушаться и насладиться последними солнечными днями, дальше по прогнозу ожидался дожди.

Разговор у директора согнал с Сони минорное настроение. Как она и догадывалась, проблема с оценками плотно сплелась с вызывающим видом Юли. Её дочь не проявляла рвения и старания, огрызалась, писала небрежно, а тетради её выглядели так, будто она во время дождя выдирала их из грязных рук бродяги. Всё это Соня слышала не один раз, знала и сама, но выслушивать от постороннего человека было крайне неприятно, она изо всех сил сдерживалась, чтобы не вспылить и не ответить грубостью. Воспитанная и элегантная Соня превращалась в фурию, когда дело касалось её детей.

Анна Витальевна распалялась всё больше, покорность обвиняемых создавала впечатление, что они согласны со всеми упрёками, а Соня нервно стискивала край платья. Когда-то она не сдержалась, хотела защитить дочку, но вышло только хуже.

Юля тогда перешла в четвёртый класс после переезда в Краснодар, Тимуру было чуть больше трёх, он часто и подолгу болел, требовал много внимания и переставал капризничать только в объятиях родителей. Кирилл открывал новую точку, пропадал допоздна на работе и не мог помочь. Соня понадеялась на ответственность старшей дочери, какое-то время не проверяла домашние задания, позволила ей самой собирать портфель. Юля никогда не отличалась организованностью, постоянно что-то забывала и путала. В дневнике начали появляться первые двойки. Пришлось вернуться к тотальному контролю.

Держа на руках Тимура, Соня часами сидела рядом с Юлей, делала с ней домашние задания, мастерила поделки, готовила проекты, но Юля всё равно умудрялась приносить двойки. Четвёрка стала недостижимой отметкой, а тройка – поводом устроить семейный праздник. Соня выбивалась из сил, воевала с Юлей, нервничала и плакала. Чего она только ни перепробовала: похвалу, обещания, шантаж, угрозы, даже предлагала оплатить пятёрки, но Юля проявила потрясающее упорство в нежелании учиться. Эта война длилась почти всю осень. Соня заставляла Юлю переписывать небрежно выполненные задания, от бессилия кричала так, что соседи перестали с ней здороваться.

После звонка учительницы, грозящей походом к директору, Соня сорвалась на Юлю.

– Сколько можно?! Небрежно, грязно. Вообще не стараешься! Будто тебе наплевать.
Юля вскочила.

– А мне и наплевать! Для тебя школа важнее родной дочери. Ты фашистка! Хуже даже нашей учительницы. Ты меня не любишь!

Соня положила на стол очередной чистый лист и указала на верхнюю строчку.

– Переписывай с самого начала. Опять всё в исправлениях, тут даже тройку поставить жалко. Тут кол!

– Не буду!

– Будешь!

– Какая разница, завтра я уйду из дома!

– Только иди мимо школы, чтобы домашку занести. Пиши!

Юля заревела навзрыд и, заикаясь от обиды и злости, принялась переписывать примеры заново. С математикой она не дружила. Эти антиспособности ей явно достались от Сони, но победить ненавистные цифры Юля не пыталась. Смирилась с тем, что это не её, и просто опустила руки. Соню это просто убивало. Она никак не могла понять, почему дочка не хочет и не пытается вникнуть. В своё время математика была и её больным местом, а потому она сидела над учебниками и ходила к репетитору, чтобы не отстать от программы, и чтобы одноклассники, не дай бог, не сочли её глупой. А Юле было всё равно, что о ней подумают друзья и учителя, просто наплевать.

Юля снова протяжно всхлипнула.

– Я тупая.

– Ты не тупая, – Соня вздохнула, – ты ленивая. Пиши.

– Тупая! Переведите меня в другую школу, – Юля швырнула тетрадь на пол.

Соня подняла тетрадь, снова положила перед дочерью.

– Да при чём тут школа? В другой школе ничего не изменится, туда всё равно перейдёт твоя лень. Пиши.

– Я уйду из дома!

– Ты это уже говорила. Хлеб захвати.

Юля вскочила, кинулась к полке и достала кошелек.

– У меня есть деньги, я накопила. Сбегу от вас, будете потом плакать.

Соня устало потёрла виски. Скандал с уроками порядком затянулся.

– Ты долго не протянешь. Не сможешь сосчитать правильно, тебя обманут, и помрёшь с голоду.

Юля бросила кошелек на стол и, не прекращая ныть, начала переписывать заново.

Тимур сидел за своим маленьким столиком, болтал ножками в полосатых колготках и рисовал каракули, которые считал цифрами. Соня и Юля на время забыли о нём, так увлеклись боевыми действиями, а он смотрел, слушал и каждый раз, когда они повышали голос, вздрагивал и сдерживал слёзы. Поначалу, когда это только началось, он плакал и пугался, но за два месяца свыкся, хотя иногда недоверчиво спрашивал Соню:

– Мама, ты мама?

В результате скандалов и тотального контроля Юля кое-как выбралась из «лебединого озера», но, что бы она ни делала, выше тройки не получала. Соня отчаялась. Однажды, листая тетрадь Юли, присмотрелась внимательнее и увидела, что тройки стоят даже за те работы, где нет ни одной ошибки, учительница снижала отметку за исправления и выходящие за поля цифры. Соня не стала мелочиться и с тетрадью пошла прямо к директору. Тимура пришлось взять с собой. Можно было дождаться Кирилла и оставить сына с ним, но Соня не могла ждать. Она кипела негодованием и жаждой справедливости.

Директор её приняла сразу, посюсюкала с серьёзным не по возрасту Тимуром и миролюбиво поинтересовалась, что привело к ней Соню. Это была последняя фраза, сказанная ею в хорошем настроении.

Соня высказала всё, что думала.

– Юля ненавидит школу и считает себя тупой. Что бы она ни делала, по математике выше тройки не получает. Вот смотрите, – Соня раскрыла тетрадь, – разве это правильные оценки? Заслужила она тройку? У учительницы явно предвзятое отношение к моей дочери, благодаря ей Юля просто ненавидит учиться, домашняя работа – пытка для всей нашей семьи! Я сама уже ненавижу школу.

– Стоит признать, ваш ребенок запущен.

– Запущен? – опешила Соня.

– В таком возрасте вы должны делать с ней домашнее задание, а не позволять самой писать всё, что вздумается.

– Мы делаем домашнее задание вместе.

– Оно и видно, сплошная грязь, почерк просто ужасный. Ребёнок явно не старается.

– Откуда вы знаете, как мы делаем домашнее задание? Да мы сидим над этими треклятыми учебниками часами.

Анна Витальевна сощурилась.

– Значит, мало сидите. Ваша прямая обязанность как родителей мотивировать и учить детей дома. Всё, что задано, должно быть освоено.

Соня недоуменно тряхнула головой.

– Моя обязанность? Я полагала, что это обязанность школы.

Директору явно не понравился выпад Сони. Она была учителем старой закалки и считала, что авторитет педагога неприкосновенен. А ещё всегда вставала на сторону своих коллег. Истеричных мамашек, облизывающих своих бестолковых чад, много, а вот учителей в школе не хватает.

С того дня стало только хуже. Соня тысячу раз пожалела, что пошла к директору. За её крестовый поход учительница отыгрывалась на Юле. Кое-как они пережили последний год в начальной школе, Юля сбежала в пятый класс, а Соня сделала выводы. Учителя поменялись, но директор остался прежний, и память у Анны Витальевны оказалось слишком хорошей.

Соня много раз мысленно возвращалась в тот год и приходила к выводу, что тогда упустила Юлю. Если раньше дочка не горела желанием учиться и ленилась, то теперь она действительно ненавидела школу, и это не было преувеличением.

Слушая Анну Витальевну, Соня словно читала мантру: остался последний год, и эта война со школой уйдёт в прошлое. Нужно только потерпеть. Тимур, слава богу, учится без проблем и дороги в кабинет директора не знает.

Выйдя в коридор, она тяжело вздохнула и поймала пристальный взгляд дочери.

– Почему ты так смотришь?

Юля промолчала, вышла на улицу и вместо ответа спросила:

– Разве ты не должна быть на моей стороне?

Соня опустила взгляд, кленовый пожухлый лист нанизался на каблук и преследовал её раздражающим шелестом. Стянув его и отбросив в сторону, она снова догнала Юлю.

– При чём тут вообще сторона? Юль, ты неправа. Двойки же никто не придумал. Ты их действительно заработала, как и замечания за свою грубую прямолинейность.

Юля вспыхнула:

– Я не приспособленка какая-то и не лгунья. Говорю правду, как есть. А она многим колет глаза и уши режет.

– То, что ты считаешь правдой, часто выглядит как оскорбление. Ну и оценки у тебя и правда аховые, и это в выпускном классе.

Юля насупилась, нервно дернула за ляжку чехла с гитарой.

– Что-то золотая медаль не помешала тебе залететь. Ты с папой тогда хоть встречалась?

Соня резко остановилась, в одно мгновение её щёки запылали алым, горячо стало даже шее. Она несколько раз глубоко вдохнула, прикрыла глаза, притупляя обиду, пытаясь загнать назад жгучие слёзы. Юля не первый раз произносила нечто подобное, но никогда раньше не намекала на то, что Кирилл не её отец. Они поженились, когда Соня была на третьем месяце беременности, и не делали секрета из её положения, скрывать это было бы странно. В восемнадцать редко женятся по другой причине.

– Пусть залетела. Да, по неосторожности. Но я не жалею, ведь у меня появилась ты.

– Мам, прости. Я не хотела и про папу ляпнула, не подумав. Просто... просто мне надоело это всё. Школа, прессинг, учёба целыми днями. А директорша меня просто ненавидит.

Соня поравнялась с Юлей, несколько кварталов они шли молча, разглядывая полуголые деревья и блестящие витрины. Унылая всё-таки пора, ощущение, что город не засыпает, а умирает, листья в основном не жёлто-багряные, как любят живописать поэты, а буро-коричневые, как старческая сморщенная кожа.

На остановке Юля неожиданно отступила на несколько шагов.

– Я не поеду домой.

Соня посмотрела на часы.

– Уже темнеет.

– Я знаю, вернусь до девяти.

– Куда ты?

Юля в мгновение ошетибилась.

– Это допрос, мам?

– Нет.

Юля несколько секунд помолчала и решила поделиться.

– Я запустила в сети флешмоб, ещё летом. Называется «Сделай это». А сама так и не сделала то, о чём столько лет мечтаю.

– Это... законно?

– Нет, конечно, – Юля громко рассмеялась. – Да ладно, шучу, законно, но секрет.

Соня нахмурилась.

– Надеюсь, это не пирсинг в копчик и не тату на белках глаз.

Юля удивленно вскинула брови.

– Хорошая идея, ма. Не ожидала, что ты о таком знаешь.

Соня вздохнула.

– Юль, приезжай не поздно.

– Если на ужин шаурма, приеду.

– Шаурма. Из-за встречи с Анной Витальевной я ничего не успела приготовить.

– Ну так это ж гуд! Хоть один плюс от этого гадского директорского «чаепития».

На автобусе Соня ехала, глубоко погрузившись в мысли, постукивала каблуком о пол и вертела в пальцах телефон. Едва не пропустила свою остановку. Дом встречал её издали остроконечной крышей на флигеле. Не много домов в Краснодаре могли похвастаться таким приамбаром в архитектуре. Дом действительно был старый, выглядел как кошмарный сон зодчего и требовал либо убрать все разнокалиберные надстройки, либо снести всё это и построить новое современное здание. Основа его была каменной, с претензией на готичность, а все остальные части, кроме флигеля, – деревянные, а потому слегка скособоженные временем и погодой. Кирилл постепенно приводил дом в порядок, каждый год обновлял покраску и облагораживал сад. Но тут требовался ремонт масштабнее и кардинальнее. Если раньше против него была бабушка, то теперь пришла очередь мамы воевать за каждую разохшуюся доску.

Облетевшие деревья окружили здание, будто взяли в плен, ночью скреблись ветками в окна, когда-то пугали Тимура до кошмарных снов. Юлька назло перед сном рассказывала ему страшилки, а потом стыдила за то, что он верит во всякую чепуху. Соня и не заметила, как привыкла к «дворянской усадьбе» и приноворилась к вечно незакрывающимся дверям и потолкам с лепниной. Любимой комнатой по праву стала кухня – самая современная, уютная, не пестрящая серыми отпечатками почивших людей. В доме, где умирали люди, всегда оставались такие следы, похожие на клочья паутины и пыльный налёт. Эта серость не стиралась и не отмывалась, постепенно выцветала, но не исчезала. Чем больше горя видели стены, тем плотнее их оплетало кружево скорби.

Кирилл не видел этого потустороннего дизайна, но интуитивно больше времени проводил в самых новых комнатах, познавших ремонт. Вера Андреевна, наоборот, уединялась с вышивкой в своей спальне, где от старости или болезней умерло не одно поколение женщин Колоницких.

Соня переделалась и направилась на кухню. Кирилл уже заварил чай и разложил шаурму веером, будто праздничное блюдо. Тимур качался в кресле-качалке, за которое регулярно шла внутрисемейная безжалостная борьба, и читал книгу. Соня присмотрелась к обложке – Зоценко. Неплохой выбор, мораль там, конечно, прямолинейная, как лобовое столкновение, но для десяти лет то что нужно. В этом возрасте по собственному желанию Юля читала только этикетки на шоколадках и инструкцию на туалетном освежителе. Тимур же с книгами не расставался и с каждым годом всё больше походил на Кирилла. Светловолосый, бледнокожий, с выгоревшими до белизны бровями и задумчивой складкой на лбу, а теперь ещё и с характерным прищуром голубых глаз.

Соня тоже много читала, в школьные годы не вылезала из книг, но сказать, что получала от процесса удовольствие, было бы неправдой. Скорее принимала это как необходимость. Как ещё быть отличницей, если не читать? Были, правда, и любимые книги, прочитанные не из-под палки, а по собственному желанию.

Увидев Соню, Тимур отвлёкся.

– Привет, мам. Папа сегодня раньше приехал.

Кирилл налил чай в кружку и, поставив заварник, присмотрелся к Соне. Он всегда тонко чувствовал её настроение.

– В школу вызывали?

Она устало кивнула.

– Ага.

В комнату вошла Вера Андреевна, брякнула на стол старый альбом, так что зазвенели фамильные серебряные ложки.

– Держи, Тим. По линии Колоницких тут полное собрание. Насчёт Тихомировых могу только до бабушки рассказать. Не подумала расспрашивать о родословной, пока Коля был жив. Можно позвонить его двоюродной сестре, вдруг она что-то вспомнит.

Тимур отложил книгу и привстал.

– Вот это альбом. Антиквариат настоящий.

Соня вымыла руки и, сев за стол, потянулась к чашке с горячим чаем. Кирилл сел рядом и ободряюще сжал её ладонь. Пока Вера Андреевна и Тимур обсуждали школьное задание, он склонился к Соне.

– Что про Юльку говорили?

Соня чуть повернула голову.

– Как обычно. Я уже почти привыкла. «Беспрестанные сигналы тревоги усыпляют». И всё равно обидно и стыдно, ужасно стыдно.

Кирилл поцеловал костяшки пальцев Сони.

– Тебе-то почему стыдно? Юля не переживает.

– Юля пофигистка. Не понимаю, в кого она такая? Кир, устала я чувствовать себя виноватой.

Тимур откусил большой кусок шаурмы и ткнул пальцем в альбом.

– Пап, сможешь с заданием? Нужно что-то особенное сделать. У Максима отец столяр, он точно реальное дерево вырежет, а у Катки мама учитель рисования, там наверняка картина будет. Мне тоже нужно что-то необычное, такого альбома у них нет и дворян в роду тоже.

Соня и Кирилл переглянулись.

– Просто написать нельзя?

Тимур посмотрел на них так, что им сразу же стало неловко за это легкомысленное предложение.

– Ладно, что-нибудь придумаем, – нехотя согласился Кирилл, – инкрустируем алмазами, в конце концов, украсим сусальным золотом. У вас там конкурс явно не среди учеников, а среди родителей. В прошлом году ваша Сотникова наняла художника ко Дню матери. Хорошо, члены жюри не слепые, сразу поняли, что это не девятилетний ребенок нарисовал. Ладно, потом об учёбе. Ешь, пока тёплая.

Соня допила чай и потянулась к альбому. Дверь громко хлопнула, судя по звуку, на пол полетели тяжёлые ботинки Юли, шлёпнулась небрежно повешенная куртка.

– Где моя божественная шаурма?

Юля влетела в комнату, сразу же кинулась к столу. Соня только успела отодвинуть тарелку.

– А руки мыть?

– Да блин!

Юля развернулась к раковине, выкрутила вентиль на всю мощь и подставила руки под сильно бьющую струю. Кое-как намочила ладони, тряхнула и вытерла о джинсы. Соня покачала головой, но промолчала.

Пока семья обсуждала прошедший день и с удовольствием поглощала бесполезный фаст-фуд, Соня листала старые страницы. В альбоме сохранились по-настоящему раритетные снимки, пожелтевшие, чёрно-белые. Некоторые лица для Сони не имели имён, для бабушки они точно что-то значили, дальние родственники или друзья, а может, и первая любовь.

Вера Андреевна помнила не всех. Сосредоточенно хмурясь, сверялась с родословной и задумчиво бормотала:

– Это, кажется, твой троюродный дедушка, моряк, погиб молодым. А этот, с лютой ухмылкой опытного жулика, был врачом. О, а это мой отец. Я его таким и не помню. Мне было лет десять, когда он повесился.

Соня покосилась на Тимура.

– Мам, потом.

Вера Андреевна уже перелистнула страницу и продолжила вспоминать.

– А вот и Феодосий Аристархович молодой. О, нужно его сегодня позвать на прогулку, пока погода благоволит.

Соня и Кирилл переглянулись.

– Мам. Не забудь принять лекарство.

– Я уже проследил. Всё нормально. Выпила, – прошептал Кирилл. – Я погуляю с мамой.

Ближе к концу появились фотографии новее – со школьной поры Сони. Их добавила мама, для бабушки она так и осталась милым ребёнком, взрослую Соню Ольга Станиславовна не приняла, не разглядела в ней дворянскую кость.

Соня вздохнула и снова опустила взгляд на страницы альбома.

Вот девчушка-первоклассница, отдалённо напоминающая Соню, держит букет гладиолусов. Тогда они жили в Анапе. Вот они с мамой и папой на набережной едят мороженое и щурятся от солнца. А вот снова школа – девятый класс. Одноклассницы похожи на вульгар-

ных женщин, а мальчишки – на гадких утят. Сейчас, спустя долгое время, заметно, насколько по-разному они выросли. Девочкам словно подмешивали в еду гормоны, а мальчикам – не докладывали мяса. Такие нелепые и претенциозные.

Кирилл поцеловал Соню в макушку. Она настолько глубоко погрузилась в воспоминания, что от неожиданности вздрогнула.

– Что?

– Погуляем, говорю, часик и вернёмся.

– Зонт возьмите.

– Верну маму в целости и сухости. Не переживай. Дождь сегодня не обещают.

Юля заметно расстроилась.

– Ты обещал со мной в нарды сыграть.

Кирилл приостановился у порога.

– С братом поиграй.

Тимур обрадовался и даже привстал, но Юля охладила его пыл.

– Он всегда выигрывает, никакой надежды на удачу, всё просчитывает.

– Приду и сыграем, – Кирилл коснулся руки Сони. – Можешь посуду не мыть. Я сам.

Отдохни.

Соня рассеянно кивнула, уткнувшись взглядом в фотографию одиннадцатого класса. Костя тогда купил дешёвенький плёночный фотоаппарат и таскался за Олесей восхищённой фанатской тенью. Учитель физкультуры сам предложил их снять на ступеньках школы. Он как раз шёл из курилки, увидел потуги Кости в качестве фотокорреспондента и решил показать, как нужно обращаться с аппаратом. В принципе, почти никто намеренно не позировал, на снимок попала толпа чуть ли не на ходу. Олеся вышла вперёд, встала по центру, остальные замерли там, где их застал щелчок камеры. Тогда Соня и не заметила, кто где стоял. Она ощутила только одного человека. Марк был позади неё. Близко, очень близко.

– Мам, кто это?

Юлин голос ворвался в мысли сигналом тревоги. Соня тряхнула головой и проследила за пальцем дочери. Чёрный ноготь уткнулся в лоб Марка.

– Одноклассник.

Юля хмыкнула.

– Я поняла, что не учитель. Я его не видела на других фотках, и даже в выпускном альбоме его, кажется, нет.

– Он не любил камеры, а когда снимали для виньетки, он в больнице был. Не попал на фотосессию.

– Он прикольный. Кого-то мне напоминает, – она задумчиво нахмурилась, – не могу понять, лицо такое знакомое. Небось, был у вас школьным бабником.

Соня занервничала. Юля вполне могла видеть Марка на фото в журнале или в инстаграме.

– Да нет, не был. Молчаливым был, самоуверенным. Заносчивым, наверное, даже. Девчонки за ним, конечно, бегали, но он не менял их как перчатки. С одной только и встречался и то недолго.

Юля улыбнулась и сместила палец на изображение Сони.

– Ты, мать, тут тоже ничего. Туши можно было бы побольше, и губы совсем не накрашены. Юбка, правда, у тебя микроскопическая, а ещё меня ругала за внешний вид. Это типа модно так было труселями светить? Сейчас ты, честно говоря, круче выглядишь, не как развратная школьница из аниме.

Соня покачала головой.

– До твоей яркости мне далеко, – она захлопнула альбом и отодвинула его на край стола. – Хватит ностальгировать. Тебе пора уроки делать, а Тиму древо мастерить.

– Блин, мам, только нормальным человеком показалась и опять уроки.

Соня убрала со стола, снова прошлась по дому, расставляя по местам сдвинутую мебель, выровняла шторы. Сложила посуду в раковину. Только успела включить воду, как телефон тренькнул одиночным сигналом. Вытерев руки полотенцем, она взяла мобильник, отчего-то сильно тревожась. Написать в это время мог кто угодно, в родительском чате к вечеру всегда начиналась оживлённая переписка: сравнивали задачи по математике, ругались, что много задают, и возмущались по поводу ежегодных поборов на благоустройство школы. Писали и клиенты, чтобы отменить или подтвердить сеанс массажа. Но Соня словно чувствовала – это всё не то, и заволновалась так, что во рту пересохло, а сердце пустилось вскачь.

Мигающим сигналом в голове пульсировало: «Марк». Утвердившись в догадке, она изумлённо охнула. Его сообщение, всего одно слово: «Привет».

Соня смотрела на экран несколько минут, напротив слова светился зелёный кружок, Марк ещё был в сети и, возможно, ждал ответа, но Соня не то что ответить, вдохнуть не могла. Смотрела на экран, ощущая, как захлебывается эмоциями.

Когда вернулся Кирилл, она так и стояла, телефон уже потух, она не ответила. Сизые отпечатки на лице пламенели и обжигали. Кирилл приблизился, провёл ладонями по её щекам. Его поцелуи, лёгкие и освежающие, приходились как раз на эти узоры – метки стыда и смущения. Он обнял Соню, прижал к груди и принялся бережно стирать с её лица влажные дорожки.

– Опять из-за Юли расстроилась? Ну ладно, ладно. Тш-ш-ш. Бестолковая она порой, но с характером. Это гораздо важнее, чем пятёрка по математике.

Соня всхлипнула и уткнулась лбом в мягкий свитер, пропитавшийся ароматами специй и жареной курицы. Кирилл почти всегда пах шаурмой. Вкусно, привычно и успокаивающе. Её родной Кирилл.

Марк пах по-другому. В семнадцать лет она впервые поняла, что можно влюбиться в чей-то запах настолько, что он будет преследовать фантомным ароматом и шевелить волосы на затылке.

На переменах женский туалет никогда не использовался по назначению. Если кому-то действительно требовалось выйти по нужде, все делали это время урока и посещали одиночные учительские туалеты, расположенные на каждом этаже. Общая девчачья уборная была предназначена для разборок, сплетен и слезливых исповедей. Ютилась она в закутке коридора, ведущего к спортзалу, у самой лестницы, выход на которую всегда была закрыт. Благодаря этому обстоятельству образовался тупик вдали от учеников, мигрирующих с урока на урок.

Для туалетной комнаты слишком уж грязно и некомфортно. Сюда порой забежали пятиклашки, ещё не прознавшие, что так делать ни в коем случае нельзя. Довольно быстро убеждались, что женская уборная в архитектуре школы выполняет другую функцию. Кто вообще придумал открытые кабинки? Электрические стулья выглядели уютнее и привлекательнее, чем эти персональные посадочные места. Зато здесь было большое и длинное зеркало и стена с регулярно обновляемой информацией о жизни школы. Точнее, личной жизни, чаще всего интимного характера. В раздевалках цензура пропускала не всё, здесь же можно было узнать свежие сплетни: кто, с кем и когда совершил грехопадение.

После урока физкультуры Соня зашла в уборную, чтобы поправить перед зеркалом макияж. Пока расчёсывалась и переплетала волосы, прочитала новости о ненавистном Абросимове. На побелке острыми торопливыми буквами кто-то выскреб жизненно важную информацию: «У Марка потрясающая задница». Чуть ниже красовалось обращение непосредственно к нему: «Марик, ты самый лучший, я тебя обожаю». Соня хмыкнула. Можно подумать, он прочтёт это в женском туалете. А вообще, бесит! Появился в школе чуть больше месяца назад

и уже попал на стену почёта. Интересно, а в мужском туалете о ней пишут? Было бы обидно, если нет.

Дверь приоткрылась, в туалет ввалилась компания Олеси. Её лучшие подружки, Вика и Марина, держали под руки Кристину. Грубо втолкнув её, захлопнули дверь. Олеся прошлась до окна, распахнула форточку в замазанном белой краской окне и вытянула из сумки пачку сигарет.

– Ты же в туалет собиралась? – обратилась она к Кристине. – Ну так писай.

Девушка дёрнулась, с надеждой оглянулась на дверь.

– Нужно идти на биологию.

– Маруська подождёт. Костя её, если что, отвлечёт. – Олеся чиркнула зажигалкой, подкурила сигарету и с видимым удовольствием выдохнула дым в сторону окна.

– В вашем монастыре курить разрешено? Или, как и всё, что приносит удовольствие, под запретом?

Соня не шевельнулась, продолжила расчёсывать волосы, глядя на беседу одноклассниц в отражении. Олеся кивнула Вике, приказывая подвести Кристину к ней. Та не сильно упиралась, держали её крепко, не вырваться, а попытка пошевелиться явно доставляла боль. Марина и Вика, словно два конвоира, удерживали в тисках перепуганную девушку.

Олеся стряхнула пепел прямо на подоконник.

– Это ты на меня донесла нашей психологине?

Кристина нахмурилась.

– Не я.

Марина и Вика переглянулись и одновременно усилили хватку. Кристина взвизгнула, но не отступилась от слов.

– Не я! Зачем мне это?

Олеся скользнула взглядом по Соне.

– Кайла, а ты как думаешь, она? – не дождавшись ответа, снова повернулась к Кристине. – Ладно, поверю и отплачу тебе добротой.

Глубоко затянувшись, она обхватила Кристину пальцами за подбородок и, придвинувшись вплотную, выдохнула дым прямо ей в лицо.

– Хоть попробуешь, что такое хорошие сигареты, а не дешёвка какая-нибудь, типа «Космоса» или «Донского табака», или что там твой папочка курит.

Повторив процедуру несколько раз, Олеся выкинула окурочек в форточку, тщательно вымыла руки. Выходя из комнаты, кивком дала знак подругам отпустить Монашку. Марина и Вика послушно отступили и ушли следом.

Кристина закашлялась и кинулась к раковине. Торопливо и неаккуратно набрала в рот воды и тут же выплюнула обратно. Выпрямившись, остановилась напротив зеркала и оглядела своё растрёпанное отражение. Её лицо покрывали тёмно-синие пятна, а на подбородке отчетливо проступали полулунные следы от ногтей Олеси. Кристина пригладила волосы и столкнулась взглядом с Соней.

– Я не доносила, правда.

Соня собрала волосы в хвост, накрасила губы.

– Я понятия не имею, кто такая психологиня. Мне можешь ничего не доказывать и не объяснять.

– Это наш школьный психолог.

Соня накинула лямку рюкзака на плечо, бросила в зеркало ещё один взгляд, чтобы оценить уже не лицо, а образ в целом. Если бы эту юбку увидела бабуля-дворянка, пожалуй, обозвала бы её блудницей. Соне же нравилось, как сочетается строгая белая рубашка, плотные чулки и ультракороткая клетчатая юбка. В автобусе две пожилые женщины довольно громко высказались о её вызывающем виде. Соне сначала стало неловко, но потом она решила считать

это комплиментом. Они просто ей завидуют: её молодости, красоте и фигуре. Для них самое интересное осталось в прошлом. Сколько им? Тридцать пять? А может, и больше. Дома ждёт диванный муж с пивным брюшком, борщи и коллекция непарных носков по углам, а вот у неё всё впереди.

Взявшись за ручку двери, Соня приостановилась.

– Почему ты не идёшь к директору? Или к этой самой психологине? Олеся не оставит тебя в покое.

Кристина вздохнула.

– До пятого класса мы с Олесей были лучшими подругами.

Соня на секунду растерялась. Их нынешние отношения дружбой и не пахли.

– Оттого, что ты молчишь, как овца на заклании, и позволяешь себя унижать, становится только хуже. Роль жертвы тебе, похоже, нравится и вполне устраивает.

Соня вышла из помещения, не забыв принять величественный самоуверенный вид. Она не пыталась обидеть Кристину, действительно полагая, что вина той в мягкотелости, трусости, ну и неопрятности. Тяжело, что ли, вымыть голову и отстирать жёлтые пятна на блузке? И этот вечно виноватый подбострастный взгляд, не хватало только надписи на лбу «пинайте меня, я всё приму, я всё заслужила».

На урок Соня шла нарочно медленно, отрабатывала коридорную походку от бедра и неуловимую загадочную улыбку, а в голове всё ещё прокручивалась сцена в женском туалете. Ей не давали покоя сине-коричневые пятна на щеках Кристины. Чьи это были эмоции? Самой Кристины или Олеси? С тех пор как Соня увидела подобные отпечатки и научилась различать цвета, прошло много лет. В детстве Соня думала, что это никакая не особенность и все видят эти радужные разводы. Мама только умилялась её репликам типа: «Дядя сегодня синий, а папа в розовых пятнышках».

Чем старше Соня становилась, тем явственнее понимала, что эта эмоциональная палитра доступна не всем. Точнее, никому, кроме неё. Она осторожно выспрашивала родных и знакомых, пытаясь найти в них такие же способности, а со временем то, что поначалу считала даром, переименовала в отклонение, досадную помеху. Зачем ей ненужное и неприятное знание о том, что сосед бьёт жену, или умение видеть серые следы на дороге, по которой прошёл недавно умерший человек? Естественно, своими наблюдениями и замечаниями она ни с кем не делилась. Не хватало ещё прослыть ненормальной.

Их класс пестрел разными оттенками. Но цвета распределились неравномерно. Марк почти всегда щеголял в янтарных разводах. Каждое утро родители обновляли поцелуи на его щеках. К концу учебного дня они бледнели, но всё равно раздражающе отдавали канареечным блеском. Соня не могла представить, как он, такой великовозрастный и самовлюблённый, позволяет маме себя целовать? В её воображении это выглядело нелепо и даже постыдно.

Олеся ежедневно оставляла на своих жертвах сине-коричневые отпечатки. Злость, обиду и страх. То, что носила в себе, она вылиwała на неугодных ей одноклассников. Заполучив эти неприятные метки, они разносили их по классу, словно заразу. На некоторых пятна не задерживались и таяли, побеждённые другими, более сильными эмоциями. На Бублике горели ярко, но недолго, он вспыхивал мгновенно, огрызался, но быстро затухал. Олеся была для него всего лишь раздражителем, он не тратил на неё лишние эмоции.

В середине октября Соня сделала неприятное открытие. После контрольной по математике учительница выстроила в неровную башню их тетради и попросила раздать. Класс засуетился и запустил тетради по рядам, те, кто сидели ближе к доске, забирали свои и передавали стопку дальше. На этом уроке Бублик сидел перед Соней, иногда оборачивался, но чаще маячил напряжённой спиной и демонстрировал давно отросшие на затылке светлые волосы. Когда дисперсия контрольных работ дошла до Бублика, он развернулся к Соне и осторожно положил

на край парты её тетрадь. Поймав его взгляд, она явственно, будто услышала эти слова, осознала, что нравится ему. Этого ещё не хватало!

С того дня Соня старательно избегала даже взглядов в сторону Бублика, не дай бог парень решит, что у него есть шанс, или проявит активность. Эта симпатия могла испортить тот образ, который Соня старательно создавала с первого дня в классе. Вот если бы в неё влюбился Сергей – школьный красавчик и объект девичьих грёз, она бы отреагировала совсем по-другому. В этом направлении Соня ещё не активничала, пока только позволяла собой любоваться, разыгрывая карту недоступности. Сергей абсолютно точно знал о её существовании, несколько раз она ловила его взгляд в столовой на перемене, но дальше этих гляделок общение не двигалось.

Сергей не просто так считался красавчиком и слыл завидной партией. Высокий, даже выше Марка, самоуверенный хозяин жизни с замашками хулигана. Намеренно развязный, небрежный в одежде, купленной явно не на рынке. Из-за воротника рубашки на шею и коротко стриженный затылок выползала замысловатая татуировка. Из Сониных ровесников он был первым, у кого она увидела тату. По школе он перемещался барской походкой, мог отвесить подзатыльник пробегающей мимо малышне, а мог и одарить конфетой. Он явно наслаждался этим элементом непредсказуемости. Соня нехотя признала, что он не просто привлекательный, он чертовски привлекательный.

Вокруг него постоянно вились девчонки. Олеся тоже входила в этот круг и почти каждую перемену сбегала погреться в лучах его сияния. Вдвоём они горели гораздо ярче. Самых верных подданных она таскала за собой и позволяла постоять рядом. Странно, что при всей популярности и звёздности Сергей и Олеся не встречались, хотя одна из надписей в женском туалете и сообщала, что когда-то их связывали более тесные отношения.

Также к середине октября Соня наконец-то запомнила имена одноклассников и убедила учителей в собственной исключительности. С ней общались почти все в классе, ровно, уважительно, единственным, с кем она не разговаривала, был Марк. С того дня, как он обратился к ней после урока биологии, прошло несколько недель. Тот момент стал точкой отсчёта холодной молчаливой войны. Боевые действия велись опосредованно, полигоном чаще всего становились уроки. Если Марк отвечал у доски, Соня всегда находила, чем дополнить его ответ и намекнуть, что некоторые данные порядком устарели. Уроки физики напоминали соревнование и доставляли истинное удовольствие учителю, помешанному на своём предмете. Петр Петрович неосознанно поддерживал их соперничество, бешеной молекулой метался по классу, весь в меловой пыли и волнении, предлагая всё новые и новые задания. Соня и Марк каждый раз пытались решить задачи разными способами и доказать, что так быстрее и правильнее. К огорчению Сони, Марк часто выигрывал. Её добытых потом и кровью знаний не хватало, чтобы победить его природную сообразительность.

Последний раз они скрестили шпаги на уроке литературы, и причиной конфронтации стала пьеса «Гроза». Даже не так. Началось все с поэзии Есенина. Учительница, не скрывая осуждения, поведала о его любвеобильной натуре и запрещённых связях с замужними дамами, перепрыгнула на противостояние личности и общества, а потом плавно перешла к её любимому Островскому. В классе это давно стало бородатой шуткой. Людмила Арсеньевна обожала писателя, когда-то писала диссертацию по его творчеству и умело прилепляла свои исследования к любому уроку. Соня заметила эту страсть и, поддержав тему, встала на сторону Добролюбова.

– Конец пьесы не зря кажется Добролюбову отрадным, ведь это вызов. Вызов самодурной силе, протест против кабановских понятий, доведённый...

– То есть покончить жизнь самоубийством – это признак силы? – перебил Соню Марк и только потом встал. – Простите, что вмешался. Я не согласен.

Людмила Арсеньевна откинулась на спинку стула и, сложив руки на пышной груди, скептически приподняла брови. Кружевная лямка комбинации показалась в глубоком вырезе платья и несколько подпортила её строгий образ.

– В данном случае да. София права. Катерина в пьесе не просто слабая женщина. В ней воплотился образ великой идеи освобождения.

Соня чуть скривилась, она не смогла убедить учительницу обращаться к ней «Кайла», пришлось согласиться на Софию. Оглянулась на Марка, не сдержавшись, высокомерно улыбнулась. Сможет ли он противостоять доводам Людмилы Арсеньевны?

Марк не растерялся. Он явно на этот счёт имел свое мнение.

– Как можно назвать самоубийство правильным решением? Признаком силы? Позвольте процитировать другого Островского. Вы точно должны знать эти строчки: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое». Пожалуй, лучше я уже не скажу. Сила в борьбе с обстоятельствами и условиями, а не в уходе от них. Самоубийство – трусость.

Соня растерялась, в глазах учительницы явно зажёгся огонёк одобрения. Несмотря на некоторую узость во взглядах, она ценила смелость и умение размышлять самостоятельно. И Соня это знала, любила поднимать на уроке литературы спорные темы, но никогда не вторгалась в святая святых – творчество Островского. Тут можно было только восхищаться и соглашаться. А Марк рискнул. Только у Сони осталось впечатление, что сделал он это нарочно, чтобы в очередной раз поспорить именно с ней, а не поразить учительницу свободомыслием.

Соня негодовала: бесит, как же бесит его самоуверенное позёрство! Выпендрёжник! Затычка в каждой дырке. И везде-то он лучший и первый. Заколебал уже своим всезнанием. Тоже мне, умник нашёлся.

Класс опустел, осталась только Соня, остервенело запикивающая учебники в рюкзак, и Марк, складывающий свои тетради с намеренной неспешностью. Соня бросила на него недовольный взгляд:

– Я не считаю самоубийство слабостью. Катерину не оправдываю. Она мне вообще не нравится как персонаж. Люди, которые решились на этот отчаянный шаг, не трусы. Просто представь, насколько невыносима и мучительна их действительность, что смерть видится выходом?

Марк приблизился к Соне, замер почти вплотную и внимательно заглянул в глаза.

– Надо же, у тебя есть собственные мысли.

Соня невольно отступила и разнервничалась. Она с трудом переносила, когда к ней подходили так близко. Это не просто нервировало, это злило и раздражало. Но тут было какое-то другое чувство, правда, пугало оно не меньше. Только спустя несколько секунд она осознала, что Марк её только что оскорбил.

– Естественно, есть. Ты не единственный тут претендуешь на медаль.

Марк недоверчиво хмыкнул.

– Отличница, – произнёс он, как будто оскорбил.

– Ты тоже отличник.

– Отличники бывают разные. Некоторые сообразительные, способные анализировать и делать выводы, а другие просто заучивают всё подряд. Читай умные книжки, Соня. Может, когда-нибудь количество перерастет в качество. А может, и нет.

Соня вспыхнула. Когда она придумала остроумный ответ, Марк уже вышел из класса. И опять он намеренно назвал её настоящим именем, хотя в классе ее давно приняли как Кайлу.

Ещё неделя прошла почти без обоюдных нападений. Молчаливая война перешла в хроническую стадию, но не в перемирие. На уроке истории Соня не могла сосредоточиться, ощущала затылком взгляд Марка, но делала вид, что ей всё равно. Елозила, психовала и постоянно

отвлекалась на странные щекочущие ощущения, словно он не только смотрел, но и касался её. Он злил и нервировал одним своим присутствием, но больше всего Соню сердила собственная реакция. Почему она вообще так волнуется?

Когда прозвенел звонок, она торопливо поднялась и принялась собирать ручки в пенал. Бублик, занимавший место через проход, торопился ещё больше. Явно куда-то опаздывал. Случайно зацепил учебником карандаш, и тот покатился по полу в сторону Сони. Никто не сдвинулся и не предпринял попытки его поднять.

Олеся рассмеялась.

– Сифачный карандаш никто не хочет трогать. Потом не отмоешься от вшей и ничтожности. Она, знаешь, какая прилипчивая зараза. Вши-то хоть дихлофосом можно вывести, а клеймо на всю жизнь.

Соня накинула лямку рюкзака, она не слышала сейчас ни едких слов Олеси, ни смеха её свиты, все ещё пребывая в своих мыслях и мечтая сбежать от пронзающего взгляда Марка. Бублик понял, что никто карандаш ему не подаст и, присев на одно колено, потянулся вперед. Соня как раз обошла стул и ринулась к двери. Случайно пнула карандаш носком туфли и только тогда увидела сидящего на полу Бублика. Он чуть отклонился и проводил отлетевший карандаш глазами, полными искренней детской обиды.

Хохот усилился, Олеся зааплодировала, за ней тут же повторил Костя – Марина и Вика присоединились с секундным опозданием.

– Правильно, Кайла. Пусть на коленях пресмыкается, там ему и место.

Соня, тряхнув головой, рывком вернулась в реальность, на Бублика не смотрела, почему-то сразу оглянулась и поймала взгляд Марка. От неприкрытой неприязни на его лице по спине Сони прошёл озноб. Марк не аплодировал и не смеялся, он смотрел на Соню, и если раньше его взгляд обжигал, то теперь выстукивал до самых внутренностей.

Соня растерялась, на секунду замерла, так и не решив, как поступить, молча покинула класс. На душе осталось тягостное чувство, а презрительно сощуренные глаза Марка преследовали её до самого дома.

Тогда как в школе она боролась за место под солнцем, дома приходилось привыкать к причудам бабушки. Ольга Станиславовна напоминала пирамидальный тополь. Длинная, высокая, несгибаемая. Несмотря на почтенный возраст, держала себя прямо, будто в молодости вместо корсета заполучила в позвоночник стальную спицу. Каждый день она укладывала волосы в сложную причёску и наносила макияж, унизывала пальцы многочисленными кольцами. Она не сильно обрадовалась возвращению дочери с мужем-плебеем и черноокой незнакомкой, выкупившейся из милого ребенка. Новых родственников приняла прохладно, не стеснялась выражать недовольство и нарочно громко бурчала, обращаясь за сочувствием к почившим предкам. Вместо утреннего приветствия от Ольги Станиславовны чаще всего звучали различные вариации одной и той же фразы.

– Слетелись стервятники расклевать моё дворянское тело. Не дождётесь! Я ещё в памяти и при уме, ничего подписывать не буду!

Бабушка пребывала в уверенности, что её скоро выживут из родного дома или отравят, подмешав в лекарства крысиный яд. Она никому не доверяла, с маниакальной подозрительностью пересчитывала балясины в перилах и керамические подсвечники, регулярно проверяла «не украли ли чего приبلудные родственнички».

После возвращения из больницы Ольга Станиславовна жила по опрокинутому режиму. Перепутав день и ночь, могла проспать до заката, а с наступлением сумерек оживала и принималась за ревизию «дворянского гнезда». Бродила по дому и гремела посудой, что-то представляла и громогласно возмущалась. Иногда открывала крышку старого расстроенного рояля и принималась музицировать. Играла она замечательно даже на скрипучем инструменте, но в три часа ночи никто не мог по достоинству оценить её талант.

Поначалу в качестве спальни Соня выбрала самую уютную и светлую комнату, но через пару дней переехала во флигель – мрачный и продуваемый сквозняками, с пятном осыпавшейся штукатурки на потолке. По бабушкиной версии этот обвал случился из-за пробки от шампанского, которую выпустил не кто-нибудь, а сам купец Мазепа. Ремонтировать потолок категорически запрещалось, это приравнивалось к вандализму, хуже этого – только прилепить руки к статуе Венеры. Но у флигеля было неоспоримое преимущество – он располагался дальше всех от гостиной с роялем.

С бабушкой Соня старалась не сталкиваться и, если не пропадала в школе, библиотеке или танцевальной студии, просто бродила по городу. Теперь она явственно осознала, почему мама рано выпорхнула из семейного гнезда и не хотела возвращаться. Бабушка была деспотичной и высокомерной, проявление заботы к ней требовало недюжинных усилий, а уважение вообще находилось за гранью фантастики. Соня научилась только терпеть, любить пока не получалось. Как родственницу Соня бабушку не воспринимала, скорее как часть дома. Ольга Станиславовна даже пахла как старинный особняк – пылью, сыростью и концентрированным временем.

Хуже всего приходилось Вере Андреевне. На неё легла обязанность следить за приёмом лекарств, водить бабулю на променад, ну и ежедневно убеждать, что никто не планирует забрать её фамильные драгоценности. Несмотря на древний вид, дом был оснащён современной техникой, ваннные комнаты располагались на обоих этажах, а в гостиной под кружевной салфеткой прятался телевизор, где-то в стене периодически включалось радио, замурованное по всем правилам семейного скелета.

Половина комнат в доме не использовалась, двери в них были заперты, а ключи хранились у бабушки. Порой Соню мучило любопытство, но она предпочла оставить его неудовлетворённым, чем вызвать гнев Ольги Станиславовны. С первых же дней бабушка вспылала к Соне особенной нелюбовью, окрестила распутной простолюдинкой и запретила трогать фарфоровый горшок.

Удачно и вовремя Соня нашла танцевальную студию, теперь у неё появилась ещё одна причина сбежать из дома с флигелем. Преподавательница танцев обрадовалась Соне, с первого же занятия оценила её пластичность и постановила:

– С такой фактурой только солировать, никаких групповых. Персик ты мой.

От комплимента Соня растаяла, с трудом удержалась от несолидного радостного визга и вежливо кивнула.

– Спасибо. Я люблю танцевать.

– У меня на тебя планы. Тут не танец живота, нет, тут танец спины нужен. Какая она у тебя гибкая и говорящая. Я уже представляю, как это будет.

Соня снова сдержанно кивнула, а так и хотелось закричать: хвалите, хвалите меня ещё!

Рядом с танцевальной студией, чуть ли не стенка в стенку, располагался музыкальный магазин с огромной витриной. Обычно Соня ускорялась и, прячась от соблазна, пробегала мимо. Она никому не рассказывала о своей мечте играть на гитаре, считала её немодной. Каждый раз, когда взгляд падал на инструменты, выставленные за стеклом, она сама себе придумывала отговорки. Какая гитара? Маникюр придётся обрезать, осанка испортится и вообще не останется времени на учёбу и репетитора.

Однажды она не прошла мимо, остановилась, обездвиженная музыкой. В помещении находились и другие люди, такие же замороженные песней. Играла невысокая, шупленькая девушка с короткой стрижкой, в безразмерной мальчишеской одежде. Соня осторожно прошла вглубь магазина. Сделав вид, что рассматривает инструменты, вслушалась в голос исполнительницы. Песня была ей незнакома, из неё тоской сочилось что-то почти мученическое и не по возрасту глубокое. Соня застыла на вдохе, сжала кулаки. Ей не нравилась собственная непредсказуемая реакция на музыку. Порой она могла расплакаться из-за простенькой песни с неза-

мысловатыми словами, а иногда не нужны были и слова. Мелодия вонзалась в сердце и трепала его в клочья, заставляя рыдать от безысходности или необъяснимой печали. Не дождавшись последнего куплета, Соня покинула магазин. По дороге домой вспоминала импровизированный концерт в магазине и грустно улыбалась. Она мечтала играть на гитаре, а кто-то исполнил её мечту. Ну ничего, теперь у неё есть танцы, а это музыка тела.

После первой запоминающейся встречи Соня сталкивалась с незнакомкой ещё несколько раз. Оказывается, владелец магазина использовал её выступления как рекламу своего бизнеса. Придумал он ловко и удачно. Девушка играла виртуозно и, самое главное, – с душой. Её пальцы парили над декой и грифом с такой скоростью, что казалось, их как минимум двадцать. Голос у неё был печальный, немного потусторонний и абсолютно не вязался с внешностью.

Соня здоровалась с музыкантшей кивком, а однажды не сдержалась и зааплодировала. С того дня узнала, что зовут исполнительницу Надей и, несмотря на внешность подростка, школу она окончила несколько лет назад.

Через неделю после случая с карандашом Олеся дождалась перемены и подошла к Соне.

– Мы сегодня после уроков собираемся в кафе. Пойдёшь с нами?

Соня задумалась. Это был шанс попасть в элитную компанию и навсегда избавиться от страха оказаться на месте Монашки или Бублика.

– Куда идёте? – с нарочитым безразличием протянула она.

– Тут рядом, в «Грильяж», была?

– Я недавно в городе, многого ещё не знаю.

– Ну вот и узнаешь. – Не успела Олеся закончить предложение, как её ослепила вспышка.

Она зажмурилась и махнула рукой. – Идиот, что ли? Предупреждать надо, что снимаешь!

Костя опустил фотоаппарат.

– Не хотел упустить хороший кадр.

– Откуда я знаю, что он хороший, я не видела, как ты подкрался. Не дай бог, хоть одна неудачная фотка просочится, я тебя придушу. Прежде чем кому-то показывать, дай мне. Я сама выберу, какие хорошие, а какие нет.

Марина недовольно нахмурилась.

– Костя много на этой неделе фоткал, там и мы были. А если на каком-то снимке я или Вика хорошо получимся, а ты не очень?

Олеся удивленно вытаращилась на подруг.

– Вы идиотки?

Девушки синхронно замотали головами, а Костя снова навёл объектив.

– Сейчас предупреждаю, буду фоткать.

Олеся повернулась, склонила голову и улыбнулась. Несколько раз поменяла позу и положение рук. Костя, не переставая, щёлкал, ловил удачные ракурсы. Олеся резко остановилась и закрыла объектив ладонью.

– Хватит.

Следующая фотосессия случилась внезапно, когда одиннадцатый «В» расходился по домам. После гардеробной треть класса оказалась на ступеньках практически одновременно. В дверях Соня столкнулась с Марком, он едва заметно отшатнулся от неё и пропустил вперёд. Костя сбежал вниз, хотел запечатлеть колоритную Олеся на ступеньках на фоне посредственной ученической массы. Правда, успел сделать всего пару кадров, прежде чем его настиг физрук, вырвавшийся из-за угла.

– Накупляют игрушек, а пользоваться не умеют. Смотри, как нужно кнопку удерживать, чтобы была резкость. Ребята, замрите, где стоите.

Соня послушно остановилась и нашла взглядом объектив. Ветер забрался под пальто и взлохматил волосы, норовя приподнять подол и без того короткой юбки. Откидывая пряди с лица, Соня коснулась ладонью жесткого воротника чужой куртки и обернулась. Позади неё

стоял Марк. На неё он не смотрел, устремил взгляд куда-то вдаль, не пытался выйти из-за спин ребят, словно прятался от объектива. Соня торопливо отвернулась. Она и не заметила, что он подошёл так близко. Лопатками ощущала исходящее от него тепло, дышала неглубоко, рывками, и только спустя несколько секунд поняла, что принюхивается. Никогда раньше Соня не обращала внимания на запах. Даже не так. Мальчишки на физкультуре вызывали в ней отвращение, смешанное с гадливостью. Их запах отталкивал, и Соня абсолютно точно была солидарна с Олесей, называвшей их потными скунсами.

Время словно застыло, близость Марка нервировала, он не шевелился, но пока щёлкал затвор, стоял непозволительно близко, прикасаясь к ней всей поверхностью тела, обнимал без рук и, кажется, тоже не дышал.

Соня первой разорвала этот странный контакт и спустилась к Олесе.

– Так мы идём в «Грильяж»?

– Да, сейчас, – она приподнялась на носочках и нашла взглядом Марка. – Марк, ты идешь?

Он посмотрел на Соню, но ответил Олесе.

– Не могу, у меня тренировка.

– Как хочешь. Второго приглашения можешь не дожидаться.

Марк безразлично пожал плечами. Расстроенным он не выглядел.

Кафе оказалось уютной маленькой кофейней с кусачими ценами. Соня взяла себе только американо. Карманными деньгами её не баловали, к тому же она уже потратилась на занятия по беллидансу и планировала потратиться ещё. Мама ссужала крохотные суммы и контролировала все её расходы, с тех пор как они переехали в Краснодар, деньгами спонсировал папа. Делал это с заговорщическим и жутко довольным видом, а потом добавлял: «Только маме не говори». Даже Соня, не будучи великим педагогом, понимала, что это неправильный подход к воспитанию. Разве не должны родители выступать одним фронтом? Абсолютно точно разрешать то, что другой родитель запрещает, неверно. Папа, похоже, наслаждался ролью хорошего полицейского. На фоне мамы, ставшей адепткой минимализма, он выглядел щедрым добряком.

Когда принесли кофе, Олеся сделала глоток и приступила к допросу под дружественным соусом.

– А правду говорят, что ты живёшь в усадьбе Колоницких?

Соня задумалась, решила кивнуть.

Марина и Вика переглянулись.

– Ты же Тихомирова?

– Но бабушка моя Колоницкая.

– Охренеть, – протянул Костя, – а тебя не пугает призрак деда, повесившегося на чердаке?

Соня вздрогнула, но постаралась улыбнуться.

– Нет.

– А правда, что он полюбил горничную, но твоя бабка её прибила, расчленила, закопала в саду, а он с горя повесился.

Соня вздохнула. Реальную версию она узнала не так давно от самой Ольги Станиславовны. Не было никакой горничной. Было отчаяние и неразделённая любовь, но не к горничной. Имя разлучницы бабушка не озвучивала, называла её «другая женщина». Естественно, с Соней она своими переживаниями не делилась. Бродя по дому, бормотала проклятия в адрес мужа и подколотной змеюки. Желая потратить свободное время на подслушивание, можно было узнать и больше, но Соню эта история пугала, ещё больше страшила возможность убедиться в том, что бабушка действительно приложила руку к смерти деда, и повесился он не сам. Нафталиновую, злопамятную бабушку Соня вполне представляла в роли хладнокровной убийцы.

– Нет, но версия хорошая.

– Ладно, чушь всё это, – оборвала Олеся. – Кайла, я тебя не просто так позвала. Между прочим, Сергей уже несколько раз про тебя спрашивал.

Соня сдержанно улыбнулась, показывать, как ей это приятно, было бы непростительной ошибкой.

– А сам он подойти и спросить про меня у меня не может?

Марина и Вика переглянулись.

– Он тебе нравится, да?

– Симпатичный, – согласилась Соня, продолжая изображать безразличие, хотя в душе ликовала. Ага, он её заметил!

Олеся развернулась к Косте.

– Принеси-ка нам печенье и попроси поставить мою любимую песню.

Как только он ушел, Олеся склонилась над столом.

– Если что, я не против. Даю добро на ваши отношения. И, в принципе, рекомендую его как хорошего любовника. Там всё в порядке.

Глаза Марины загорелись возмущением, губы сжались в тонкую линию. Соня с удивлением поняла, что она-то точно против. Интересно, знает ли Олеся, что одна из её подруг влюблена в Сергея? Во всяком случае, теперь стало понятно, почему Марина таскается за ней хвостом и заглядывает в рот. Кроме явных преимуществ, которые давала дружба с королевой школы, тут просматривалось и скрытое стремление подобраться к Сергею. В принципе, привязанность в этой компании строилась на взаимной выгоде и страхе. Олеся обзавелась подданными, а они, в свою очередь, кое-что от неё получали. Кто-то защиту и популярность, кто-то надежду на её благосклонность или другие преимущества. Соня пока не все разгадала.

Она откинулась на спинку стула, задумчиво постучала ногтем о край чашки.

– Я пока не решила, нравится ли мне Сергей.

– Нормально вообще. Не решила она, – возмутилась Олеся. – А кто тебе нравится? Абросимов, что ли?

Соня с трудом удержала невозмутимое выражение лица.

– Нет. При чём тут вообще Абросимов?

Олеся задумалась.

– Он почему-то тебя тоже терпеть не может. Насчёт Марка предупреждаю. Я к нему присматриваюсь, пока не определюсь, его не трогать, – она на секунду замолчала, отпила капучино и продолжила на тон выше: – На выходных соревнования по кроссу на Затоне. Физрук намекал, что ждёт от нас поддержки, у нашей школы есть все шансы на победу. Теперь вдвойне. Марк, оказывается, лёгкой атлетикой занимается и будет участвовать. Сергей, кстати, тоже. Посмотрим, если Марк победит, я буду с ним ласковее. Фактурный мальчик, с перспективами. Узнать бы, кто его родители. В общем, на Затоне будет видно, куда плясать.

Вернулся Костя и поставил перед Олесей блюдо с печеньем.

– Вы про соревнования? Я тоже хотел участвовать в кроссе, но из нашего класса взяли только троих.

Олеся скептически оглядела мощную фигуру Кости.

– А ты что, бегать собрался, да ладно! – увидев его насупленные брови, поспешно добавила: – Вот бокс или борьба – это твоё. Бег – это несерьёзно, да и непрактично. Так ты всегда меня сможешь защитить.

Костя тут же расплылся в улыбке, а Соня сделала вывод, что о влюблённости Марины в Сергея Олеся, естественно, знает. Порой она проявляла редкостную ограниченность, но дурой не была и умела манипулировать своими подданными. Значит, таков её план, возможно, она хочет наказать Марину или продемонстрировать, как шатко её место на школьном олимпе и кому она всем обязана.

Соня встала и достала из рюкзака кошелёк.

– Мне нужно идти, – отсчитав сумму, равную стоимости американо, отодвинула стул.

– Мы обычно поровну скидываемся, – заметила Олеся, разглядывая Соню с пронзительной вьедливостью, – ещё три сотки добавь.

Соня молча достала нужную сумму и с деланой небрежностью кинула поверх счёта.

– До завтра. Спасибо, что позвали. Хорошее кафе, уютное.

Уже на улице она судорожно вспоминала, хватит ли у неё денег, чтобы добраться домой. Дорого ей обошелся кофе в компании Олеси.

К выходным погода решила выкатить на небо яркое солнце и приглушить ветер. Соня не сказала родителям, что собирается на соревнования, иначе начались бы вопросы: почему она сама не участвует и до сих пор не записалась в секцию лёгкой атлетики? Уложив распущенные волосы, она натянула джинсы, надела кроссовки и замерла перед открытыми дверцами шкафа. Укутываться не хотелось, в этих джинсах её фигура выглядела аппетитно-соблазнительной, такую возможность покрасоваться не в школьной форме нельзя было упускать. Тем более солнечно, можно обойтись короткой лёгкой курточкой.

Соня вышла на порог, зябко поёжилась и застыла на верхней ступеньке. Только сейчас она осознала, что понятия не имеет, где находится Затон и что это вообще такое. Вчера Олеся с видом величайшего одолжения дала ей свой номер телефона.

Соня вышла во двор, оглядела притихший сад и нажала кнопку вызова. Пока слушала гудки, несколько раз порывалась бросить трубку. Её терзали двойственные чувства. Она доби-лась того, чтобы её приняли в компанию, но сблизиться с ними не планировала, друзьями их точно не считала, скорее временными полезными знакомыми. В Анапе остались одноклассники, но друзей там тоже не было. Это Соня поняла, только переехав. Её телефон молчал, не разрывался от сообщений и звонков. Они вычеркнули её из жизни так же легко, как и она их.

Олеся взяла трубку, торопливо, почти криком объяснила, как добраться до Затона, и, не прощаясь, отключилась. Спасибо, что хотя бы подробно рассказала.

Уже подходя к парку, Соня поняла, что не ошиблась. Людей собралось много, среди лысоватых деревьев мелькали яркие куртки, гомон голосов сливался с музыкой, гулом машин и подбадривающими выкриками. Соревнования уже начались. На неделе физрук говорил, что в воскресенье состоится городской кросс среди старшеклассников. Не слишком высокий уровень состязаний компенсировался денежным призом за первое место, а школе перепали слава и почёт.

Дистанция представляла собой неровный овал окружностью в пятьсот метров. Часть трассы проходила вдоль реки прямо по дамбе, часть петляла в парке, финиш расположился на подъёме плешивого пологого холма. Девушкам предстояло бежать четыре круга, а юношам – шесть. То, что к концу дистанции у бегунов сил почти не останется, организаторов не слишком заботило, зато место было широкое и свободное от деревьев. Можно без помех фотографировать и снимать бегунов для местных выпусков новостей.

Соня опоздала к началу состязаний как минимум на пару часов. Уже пришло время самых сильных женских забегов. Как всегда, под конец выступали претенденты на пьедестал, отобранные по заявленному при регистрации времени. Спортсмены из последних забегов отличались не только формой, но и поведением. В отличие от суетливых новичков, эти были молчаливые и нацеленные на результат.

Соня оглядела возбуждённые лица зрителей, и ей даже стало немного завидно. Может, не стоило бросать занятия в секции? Такие ощущения ни с чем нельзя сравнить: будоражащие, пьянящие, и, кажется, ей впервые их не хватало. Сегодня же она примерила роль зрительницы, а не участницы. Это было непривычно и немножко обидно. Правда, увидев финиш, Соня передумала. В тройку победителей она бы не вошла, а проигрывать на глазах у всех – сомнительное удовольствие.

После женских забегов начинались мужские. Свой новый класс почти в полном составе Соня нашла на дамбе. Оттуда просматривалась большая часть дистанции и финишная прямая. Чуть в стороне разминались бегуны. На общем фоне, словно павлин в курятнике, выделялся Сергей, соединивший разминку с демонстрацией себя любимого. Как ни странно, выглядел он гармонично и естественно. Не играл и не притворялся, он был таким. Со всех сторон его обступили знакомые и незнакомые девчонки, там же была и Олеся со своей свитой. Из их компании беспрестанно слышался смех, шутки, пожелания победы. Марина восхищённо глядела на своего кумира, Олеся с видом знатока щупала его бицепсы. Соня хмыкнула. Можно подумать, он на руках побежит.

Ближе к реке разминалась группа бегунов в одинаковых спортивных костюмах, среди них был и Марк. Они представляли спортивный клуб и тренировались у одного наставника. В сторону класса Марк не смотрел, сосредоточенно вращал руками, прислушиваясь к музыке в наушниках. Соне даже стало его немного жалко. Сергея поддерживала целая толпа поклонниц, а Марк будто не учился с ними в одном в классе, прибыл с Луны, лунатиком и остался. Соня оборвала лепестки проклюнувшемуся сочувствию. Сам виноват. Сколько раз Олеся его приглашала в компанию, флиртowała, пыталась подружиться, но он отвергал все предложения. Вот уж точно – одиночка.

Большую жалость вызывал только Бублик. Он разминался в одиночестве и выглядел убого в своём куцем выгоревшем костюме и с голыми щиколотками. Его участие стало для Сони сюрпризом, поэтому, когда Бублик на неё посмотрел, она не сразу отвела взгляд. Он радостно встрепенулся, потом резко вздохнул и выпрямился, Соня поняла, что он к ней подойдёт, и с трудом поборола желание убежать, оглянулась и вжала голову в плечи, изо всех сил желая, чтобы никто их не увидел.

Бублик остановился в шаге, неловко сжал край кофты.

– Если я буду первым, то свою победу посвящу тебе.

Соня тихо ойкнула. О симпатии Бублика она догадывалась, но трусливо надеялась, что после случая с карандашом он больше к ней не подойдёт.

– Выиграй сначала, – напомнила она.

– Я буду стараться.

Соня снова оглянулась и напоролась на взгляд Марка. Он не улыбался, не разминался, просто смотрел прямо на неё и словно прислушивался.

– Желаю удачи, – выдавила из себя Соня и, развернувшись, ушла в толпу, скупившуюся у старта.

Соню заметил Костя и помахал ей рукой. Забеги они наблюдали уже в общей компании. Большую часть времени исход соревнований никого не волновал. Олеся злорадствовала и подшучивала над бегунами. Всё, что она произносила тихо, Костя озвучивал в полный голос. Зрители хохотали и с удовольствием подхватывали некоторые реплики. Соня мысленно поставила ещё одну галочку – однозначно определился школьный арлекин. Правда, своего чувства юмора Косте не хватало, но он охотно паразитировал на злоязычной Олесе, продолжая благоговеть перед ней и ждать взаимности.

Бублик бежал в предпоследнем забеге. Олеся не оставила его без внимания. Беспрестанно суфлировала, подкидывая Косте реплики.

– А что, жирафам тоже можно участвовать?

Грянул дружный хохот.

– Эй, Бублик, шнурок развязался! Пропашешь рылом дёрн.

Бублик оглянулся и, несмотря на то, что фразу выкрикнул Костя, показал неприличную комбинацию из пальцев именно Олесе.

На следующем круге Соня заметила, что он прихрамывает, присмотревшись, поняла, что бежит одноклассник в одной шиповке. Такое, к сожалению, случалось. В давке кто-то насту-

пил на задник обуви, Бублик предпочел скинуть её, а не бежать вполсилы, пытаясь удержать шиповку на носке. Хорошо, что наступивший не расцарапал ему голень. Шипы на кроссовой обуви были длинными, как когти, могли привести и к серьёзной травме.

Олеся, естественно, заметила произошедшее и поспешила прокомментировать:

– Золушка туфельку потеряла, торопитесь найти, иначе упустите возможность заполучить в жёны принцессу.

Бублик, не оглядываясь, послал Олеся на три буквы и, стиснув зубы, ускорился. В своем забеге к финишу он пришёл первым. Соня неожиданно обрадовалась. Надо же, в одной шиповке, без поддержки, да ещё под градом насмешек, он умудрился показать хороший результат.

Последнего забега ожидали с волнением. На финиш вышли претенденты на пьедестал. Увидев их короткие шорты и майки, Соня передернулась. Солнце спряталось ещё пару часов назад, от реки тянуло сыростью. Джинсовая щегольская курточка абсолютно не грела. В толпе было немного теплее, но спина заметно мёрзла, и зубы выстукивали дробь.

Сергей послал воздушный поцелуй в толпу поклонниц, подмигнул девушке-фотографу, картинно поклонился и только потом принял стартовое положение. Кроме него, никто так не рисовался. Остальные бегуны заметно нервничали, разрывали шипами землю, одёргивали майки. Марк не шевелился, словно прислушивался к себе.

Когда прозвучал стартовый выстрел, Соня вздрогнула и едва не ринулась бежать. Сердце колотилось как сумасшедшее, ноги перетаптывались, не в силах устоять на месте. После первого круга Марк оказался последним, правда, бегуны не растянулись, продвигались компактной группой, выделять лидеров пока было рано. После второго круга он вырвался вперёд, а Соня разозлилась, едва не посоветовала ему поберечь силы, мысленно обозвала «всемогущим идиотом», возомнившим себя великим атлетом.

На соревнованиях частенько появлялись полоумные, решившие в самом начале захватить лидерство. Опытные бегуны использовали их как пейсмейкеров³, а в конце обгоняли, отсидевшись за спиной. Такие зайцы сдувались ближе к концу, с трудом доползали до финиша, истратив силы ещё к середине забега.

Марк не выглядел как новичок, видимо, знал, что делает. Ускорялся постепенно, будто набирающий высоту самолёт. Длинными шагами вырывался вперёд. После четвёртого круга определилась тройка лидеров, остальные отстали от них почти на сто метров. Сразу за Марком бежал Сергей. Соня переводила взгляд с одного на другого и никак не могла понять, чьей победы ждёт. Оба бежали красиво и легко, как Маугли в мультике, будто не касаясь земли. Соня невольно залюбовалась ими.

Олесе некогда было шутить. Она смотрела на Марка зачарованными глазами и кусала губы.

– Блин, он хорош.

Марина и Вика оглушительно кричали, им сейчас было не до подруги. Они подпрыгивали, махали руками и произносили одно и то же имя:

– Сергей! Сергей! Сергей!

В пятом круге лидировал Сергей, Марк бежал за его спиной, но не обгонял, явно выжидая. На финишной прямой развернулась настоящая борьба. Соня изумлённо застыла. Откуда только у них взялись силы после почти трех километров дистанции? Оба ускорились и бежали вровень, но на последней сотне Сергей «подсел», его скорость резко упала, шаг укоротился, последнее метры он преодолел почти пешком, а потом сразу остановился как вкопанный. Выложился по полной. Марк финишировал первым, потом пробежался немного трусцой, успокаивая дыхание, и перешёл на ходьбу.

³ Бегун, задающий темп.

Он победил.

Несколько секунд Соня беззвучно ликовала, оказывается, болела она всё-таки за Марка. Следующая мысль оказалась более отрезвляющей: Абросимов опять первый. Выскочка и самолюблённый позёр снова доказал всем, что он лучше. Один – ноль в его пользу.

Визг Олеси вырвал Соню из раздумий.

– Марк выиграл! Ну всё, девочки, теперь он точно мой.

Решительность в её взгляде и плотно сжатые губы не оставляли сомнений: Марк теперь никуда от неё не денется. Приговорён к Олесиной симпатии.

Пока готовили площадку к награждению, температура упала ещё на пару градусов, сгустились тучи, воздух насытился влажной взвесью. Соня дрожала, куталась в белую несерьёзную куртку, но домой не уходила. Спрятавшись в толпе, она наблюдала за тем, как Олеся поздравляла Марка, повиснув на его шее, что-то говорила ему на ухо и даже поцеловала в щёку. Сергей сдержанно пожал ему руку, Костя хлопнул по плечу. К Марку подошёл журналист из местной газеты, но он отказался от интервью, вежливо послал и фотографа.

На секунду Соня отвлеклась и упустила момент, когда одноклассники затерялись в толпе. Соревнования закончились, больше её здесь ничто не держало. Зачем ей это награждение? Всё и так ясно. Бублик не вошёл в тройку, исчез сразу же, как объявили результаты, хмурый и злой. К Соне больше не подходил, явно стыдился своего провала.

Соня переступала с ноги на ногу, поджимая замерзшие пальцы в кроссовках, и с тоской вспоминала отвергнутую утром утеплённую куртку.

– Надень.

Она оглянулась. Не сразу сообразила, что обращаются к ней, да и голос почему-то не узнала. Чуть охрипший, явно простуженный. Рядом с ней стоял Марк и протягивал свою спортивную олимпийку.

– Мне не холодно.

– Оно и видно. Синяя уже, смотреть страшно.

– Страшно – не смотри.

Соня опустила взгляд на его руку, не шелохнулась, стояла, стиснув пальцами воротник джинсовой куртки.

Марк молча накинул олимпийку на её плечи, соединил края и одним непрерывным движением застегнул молнию. Провел ладонями по плечам, разглаживая плотную ткань. Сдвинулся пальцами на затылок и осторожно освободил из-под воротника её волосы.

– Слишком страшно. Страшное всегда притягивает внимание. Как катастрофа или шторм.

Соня нервно хмыкнула. Попыталась подобрать достойный ответ, но мысли путались, там, где его пальцы коснулись шеи, кожа болезненно горела. Кажется, она всё-таки перемерзла и теперь заболевает. В теплой олимпийке озноб почему-то усилился.

– Поздравляю, что ли.

– Спасибо. Я показал не лучший свой результат. Тренер советовал поберечься, не тот уровень, чтобы рвать жилы.

Соня не прокомментировала ответ Марка, прозвучавший высокомерно. Оказывается, он ещё и не упирался. Спрятав нос в воротник олимпийки, она отвела взгляд.

Он качнулся с пятки на носок.

– Мне нужно идти на награждение.

– Иди.

Только когда Марк отошёл, Соня вдохнула. Что это вообще сейчас было? Он же её терпеть не может. В принципе, как и она его. Зачем он вообще к ней подошёл? Тут таких синих и озябших целая поляна. Та же Олеся в платье, пусть её греет своей пропахшей потом олимпийкой. Соня снова вдохнула, в этот раз осторожно и медленно. Опять этот запах. Краска стыда

хлынула на щёки от осознания того, что ей нравится нюхать одежду Марка. Это похоже на какое-то извращение. Это же пот, пусть и с лёгким ароматом дезодоранта и, кажется, сигарет. Запах кожи, запах Марка. Точно извращение.

Толпа вокруг Сони оживилась и двинулась в сторону сооруженного пьедестала. Рядом показалась Олеся. Сначала она скользнула взглядом мимо Сони, но потом узнала и удивлённо вскинула брови.

– О, Кайла, у кого ты олимпийку отжала? У Марка, кажется, такая была.

Соня растерялась. Необходимые секунды для ответа ей подарил Костя, случайно наступивший на ногу Олеся.

Та громко завопила и стукнула его по плечу.

– Ты слон? Весь ботинок оттоптал своей лапищей. Пальцы расплющил! – она снова обернулась к Соне, та уже успела придумать отговорку.

– Один из его друзей по секции отдал. У них у всех такая форма.

Олеся одобритительно кивнула.

– Ну ты даёшь! Уже успела охомутать спортсменчика. Симпатишный хоть?

Соня сделала вид, что задумалась.

– Если честно, не очень, но как даритель олимпийки сойдёт.

Олеся засмеялась. Циничность Кайлы ей, определённо, нравилась.

– В понедельник начинаю окучивать Марка. Пора ему уже привыкать к званию моего парня.

Но на следующий день Марк не пришёл в школу. Заболел. Олимпийка вместе с запахом пролежала у Сони почти неделю, и только в пятницу она её постирала, изничтожив вместе с будоражащим ароматом воспоминание о том, как Марк укутал её и согрел.

3 глава. Янтарный ноябрь

*Принятие, вера и ласка,
Янтарно-медовая маска,
Всполох закатный,
Лимонные пятна,
Родительская раскраска.*

Тимур сосредоточенно жевал кашу, судя по задумчивому лицу, повторял про себя стихотворение. Кирилл словно подслушивал его мысли и периодически напоминал строчки:

– Зеленый золотой, багряный...

Еще спустя несколько секунд:

– Блестят в лазури голубой...

Вчера вечером они вместе разучивали стихотворение, Кирилл помнил, где возникали препятствия, и пытался помочь. Литературу Тимур брал измором. Красивые эпитеты и аллегории оставались для него бездушными словами, он не видел картинку, не включал воображение. Злился, что нельзя записать строчки в «дано» и решить, как уравнение или задачу. В итоге просто заучивал, о выразительности чтения не заботился, тараторил, как робот. Никак не мог смириться с тем, что в чем-то не лучший. Это же всего лишь литература, стишки наизусть!

Соня вращала в пальцах телефон и задумчиво рассматривала Тимура. Его щеки, макушка и лоб отливали янтарными оттисками поцелуев. Тимур пока еще разрешал себя обнимать, да и сам тянулся за порцией ласки. Юлька же отталкивала её раз за разом и как-то незаметно перестала перед уходом целовать и говорить, что любит. Она не позволяла приблизиться, не то что обнять. Все время была настороже и на взводе, как сторожевой пес на колбасном заводе, который и себе не доверяет, а потому добровольно сидит на привязи.

Вера Андреевна покачивалась в кресле-качалке и вязала узкий цветной шарф. Вернее, то, что могло бы быть шарфом, если бы она остановилась несколько десятков метров назад. Ей просто нравился сам процесс вязания и чередование цветных полосок. Результат её абсолютно не волновал. Шерстяной кишкой вполне можно было обернуть всю семью, причем три раза. Часть шарфа лежала на коленях Веры Андреевны, середина покоилась под столом, словно спящий измождённый удав, а начало, если верить слухам, можно было обнаружить в коридоре на пути к спальне Юли.

На чердаке что-то грохнуло, со стороны флигеля послышался скрип, затем протяжный стон. Все одновременно повернули головы, прислушались и снова продолжили свое занятие. «Дворянская усадьба» представляла собой вместилище самых разных звуков. К ним привыкли, словно к дыханию дома. Спустя несколько секунд где-то на чердаке заработало радио. На него давно никто не обращал внимания. Ну радио и радио. Правда, никто его не включал и в глаза не видел.

Веским кивком Тимур поставил гипотетическую точку в стихотворении и повернулся к Соне.

– Мам, нас снимать будут для альбома.

– Что?

Тимур щелкнул пальцами, имитируя взрослый жест, явно подсмотренный у папы.

– Говорю, нас снимать будут. Ну, для выпуска.

– Ноябрь же. Не рано о выпускном думать? Да и холодно сегодня, дождь. Вроде говорили весной, что надо на улице сделать фото. Будете похожи на мороженных креветок.

Кирилл задумчиво покачал головой.

– Точно сегодня. Вчера в чате обсуждали. Ты же вроде в телефоне весь вечер просидела. Там такая война развернулась эпичная. Я даже фильм бросил смотреть, мамская схватка обещала перерасти в поножовщину с кровавыми реками, покруче любого триллера.

Соня фыркнула, а Тимур засмеялся.

– Так что это точно сегодня. После физры.

– Еще и после физры, – недовольно протянула Соня, – будете взъерошенные и красные.

Кирилл кивнул.

– Будем, конечно. Это же одна из причин вчерашней родительской бойни.

Соня снова опустила взгляд на телефон. Ее пальцы нервно постукивали по тёмному экрану и одновременно ласково поглаживали гладкий бок мобильного. Да, она весь вечер тарасилась в телефон, но переписку в чате пропустила. Она бы не заметила и алый капс лок от МЧС, сигналивший о надвигающемся землетрясении. Её мозг превратился в одноядерный процессор и обрабатывал одну-единственную неподъемную мысль: вчера она переписывалась с Марком.

С того дня как он прислал сообщение со словом «привет», прошла неделя, Соня несколько раз порывалась написать что-то незначительное, например, «как дела», «и тебе привет», «сколько лет, сколько зим» и каждый раз отдергивала палец. Все это выглядело неестественно и легковесно. Фальшиво.

Но ведь Марк смог.

Вчера в ленте мелькнул ролик, на котором она споткнулась: руки на руле мотоцикла и убегающая вдаль ночная дорога, вспоротая светом фары. Чаще всего Соня пролистывала ленту в инстаграме в беззвучном режиме, останавливалась только на знакомых лицах, в этот раз включила звук. Почти минуту картинка практически не менялась: асфальт, ускользающий от колеса мотоцикла, и мужские руки. В рычание мотора вплеталась песня, наложенная поверх ролика – «Твой звонок» группы «Сектор газа». Последний раз Соня слышала эту песню лет десять назад из проезжающей мимо тонированной шестерки, а до этого только в наушниках у Марка. Группу эту всегда считала верхом безвкусицы и вульгарщины. Как можно слушать эту какофонию из мата, грубости и набора неприятных уху звуков? Да еще открыто признавать, что эта музыка нравится? Для этого нужно иметь редкостное самомнение. Или быть Марком.

Прокрутив ролик несколько раз, она с неудовольствием признала, что песня откликается в ней напряженным дрожанием диафрагмы, а губы невольно проговаривают слова припева. Когда она их выучить успела?

Соня зашла в переписку с одиноким просроченным сообщением и написала:

«Ты всё еще слушаешь этот ужас?»

Прежде чем подумала, нажала отправить. Застыла с телефоном в руках в каком-то ледяном оцепенении. Сердце огненным комом колотилось в животе, отдаваясь в ушах чётким «бух-бух». Время растянулось, замедлилось и сосредоточилось на аватарке с ласточкой.

Соня сомневалась, что он ответит, и уже сто раз успела пожалеть о том, что написала. Экран ещё не потух, когда под ее сообщением появилась строчка «прочитано только что», а ниже бледные буквы, складывающиеся в слово «печатает...». Соня выключила экран и, отбросив телефон в сторону, вскочила с кровати. Прошла по комнате от окна к дверям, нервно взлохматила волосы и снова села на кровать. Её знобило и трясло в лихорадке, а эта дурацкая приставучая песня продолжала звучать в голове повторяющейся строчкой и гитарными записями. Соня постучала ребром мобильного по лбу, сжала его и только потом включила экран. Под её сообщением обнаружился ответ.

«Привет».

«Привет», – написала Соня в каком-то заторможенном состоянии.

«Ты очень медленно читаешь. Одно слово в неделю».

Соня вздохнула с обреченностью и написала:

«Я никогда не была особенно умной».

Марк откликнулся сразу. Явно не раздумывал.

«Это правда. Но не настолько же».

Соня хотела возмутиться, ответить так, как подсказывало самолюбие, приученное к препирательствам с Марком, но передумала. Они давно не школьники. К чему эта перезревшая война? Скорее всего, он просто пошутил, и, если бы она видела его мимику, восприняла бы фразу не так. Может, он улыбался. Подтянув подушку, она уложила ее между коленей, уперлась локтями и снова застыла. Что вообще писать? О чем с ним говорить? С выпускного в школе прошло восемнадцать лет. Целая вечность. Её пальцы в нерешительности подрагивали над клавиатурой. В итоге она констатировала банальный факт:

«У тебя мотоцикл».

«Это не мой чоппер. Скажем так, дали покататься».

«Мне это ни о чем не говорит. Что такое чоппер? Мотоцикл и мотоцикл. Вижу, что не самокат, ты ведь не на нем сейчас едешь и отвечаешь на сообщения?»

Пока мигал курсор, Соня успела представить, как он несётся по ночной трассе, небрежно держа руль одной рукой, и смотрит на экран. В ответ пришла фотография. Надо думать, тот самый чоппер, правда, без самого Марка. Новенький блестящий мотоцикл с длинной вилкой руля и узким передним колесом. Хищный, блестящий, изогнутый, больше похожий на произведение искусства, чем на средство передвижения.

«Это и есть чоппер?»

«Да, тот, который в ролике. Хотя руль на чопперах и называется “обезьянья вешалка”, я точно не обезьяна, чтобы писать на скорости сто километров в час. Ролик еще вчера выкладывал. У меня другой мотоцикл».

Соня хмыкнула. Решив, что он наверняка ждет вопроса, какой же именно у него мотоцикл, нарочно промолчала. Бросив взгляд в зеркало напротив кровати, неосознанно пригладив волосы, поправила лямку пижамного топа и нахмурилась: она прихорашивалась, будто Марк мог ее увидеть.

«Так ты модель?»

«Я предпочитаю называть себя лицом бренда».

Соня ухмыльнулась. Ага – лицо бренда. Неужели ему самому не нравится то, чем он занимается? Стыдится? Неловко? Может, там много неприглядного: контракты через постель, унижение, пьяные дебоши?

«Никогда бы не подумала, что ты будешь позировать перед камерой. И это всё. Не представляю».

«Я сам в шоке. Правда. Я сейчас не шучу. Но ты тоже изменилась».

Соня снова бросила взгляд на зеркало. Очертила пальцем бровь, чуть приподняла уголок губ и нервно улыбнулась. До нее с опозданием начала доходить мысль, что она переписывается с Марком. Почему вообще он ей написал? Это так удивительно и даже страшно. Ведь последний раз они общались в состоянии, которое даже войной назвать нельзя. Всё было хуже, гораздо хуже и больнее.

«Я знаю».

«У тебя дети».

«Двое».

«Да. Я посмотрел твой профиль. Дочка так на тебя похожа».

Соня вздохнула.

«И похожа и не похожа. По характеру – моя противоположность. Смелая, принципиальная и... двоечница».

Марк прислал смеющийся смайл.

«Представляю, как ты ее заклевала за двойки».

Соня вспыхнула. Откуда ему знать? И вообще, легко давать советы, когда своих детей нет. Она насупилась. Коротко и нервно настучала вопрос:

«У тебя есть дети?»

«Насколько я знаю, нет, – задумчивый смайл, а сразу за ним: – Ты очень красивая».

Соня неожиданно шумно вздохнула, запустив пятерню в распущенные волосы, потянула их и намотала прядь на нос. Хотела ответить какой-нибудь безобидной фразой или вообще написать, что ей пора идти, но не успела. В комнату вошел Кирилл.

– Юльки еще нет. Опять где-то бродит с гитарой. И на звонки не отвечает.

Соня поспешно закрыла сообщения. Пока Кирилл переодевался после душа, несколько раз набрала номер дочери, но ответом ей были длинные гудки.

– Не слышит, наверное.

Кирилл одернул задрывшуюся на влажном теле футболку, и подмигнул.

– У меня подозрение, что у нее цветет любовь. С гитарой этой как сумасшедшая носится. Дерганая стала, не знаешь, чего ожидать.

– Да? Она всегда такая.

Телефон Сони просигналил входящим сообщением, почти сразу еще тремя.

Кирилл кивнул.

– Юля?

Соня включила мобильный и, неловко пряча экран, посмотрела, кто ей написал.

– Нет. Это по работе.

Телефон опять тренькнул два раза.

– Поздновато тебе по работе пишут, – возмутился Кирилл, – совести у некоторых нет. Если Юлька не ответит через пять минут, я начну её позорить и трезвонить друзьям.

Едва он договорил, как завибрировал телефон. Кирилл широко улыбнулся, продемонстрировав имя на входящем звонке. Поверх фотографии дочери, сделанной два года назад, ярко горела надпись «Юлька-Жулька».

– Легка на помине. Будто задницей чувствует, что начало подгорать. Потрясающая интуиция, – приложив телефон к уху, Кирилл направился к двери, на выходе из спальни оглянувшись, – тебе чай сделать?

Соня заторможенно кивнула, продолжая прижимать мобильный экраном к груди. Юля нашлась. Она всегда находилась. Действительно чувала задницей, когда нужно объявиться без последствий для себя. Соню огорошила другая мысль. Юля позвонила не ей, а Кириллу, хотя последним пропущенным был её звонок. Вроде мелочь, но именно она ярче любого откровенного признания говорила о том, что Юлька её ставит на второе место и доверяет отцу гораздо больше, чем ей.

Телефон снова пискнул, жалобно и тихо, будто она его слишком сильно прижала. Соня открыла переписку с Марком и прочитала лестницу из сообщений.

«Ты всегда была красивая, еще в школе».

«Но сейчас это ты, а не маска».

«Ладно. Не бери в голову».

«Просто хотел тебе написать. Я знаю, что ты замужем».

«Ничего не имел в виду. Просто, наверное, ностальгия по прошлому».

«Приятно было пообщаться».

«Пока, Соня».

Соня несколько раз прочитала семь сообщений, вернулась к началу переписки и снова рассмотрела фото чоппера. Руки уже не дрожали, её не трясло, наоборот, мышцы сковало онемением. Какая бессмысленная пустая беседа. Никто из них не написал того, что на самом деле тревожило. А может, Марка и не тревожило. Действительно ностальгия. Увидел её в ленте и написал. Всё-таки у них есть общее прошлое. Одиннадцатый класс, знакомые. Оба были

новенькими, попали в незнакомую обстановку. Можно даже сказать, враждебную. Приходилось выживать в недружелюбной школе, бороться за место под солнцем и сражаться друг с другом, а еще доказывать всем, что золотая медаль даётся не за красивые глаза. Медаль едва не сорвалась, оба едва не загубили свое будущее.

Вряд ли он снова напишет. И не нужно. Абсолютно точно не стоит им общаться. «Пока, Соня» напоминало «прощай, Соня».

Ночью её мучили обрывки воспоминаний, видоизменённые причудливой фантазией в сумбурный сон с бессюжетным нагромождением небылиц. Встала она уставшая и разобранная, словно конструктор без важных деталей. Пожалуй, как и Юля, она хотела бы валяться в постели до самого обеда, спрятавшись от кусачей действительности под тёплым одеялом. Но её ждала работа и обязанности мамы.

Отложив телефон, Соня перевела взгляд на часы, хмуро покачала головой и, откинувшись на спинку стула, выкрикнула в коридор.

– Юля, в школу опоздаешь!

Тимур привстал.

– Дрыхнет. Схожу ее за ногу дёрну.

– Я сама.

– Давай я, – предложил Кирилл.

Соня решительно встала.

– Нет. Ты сейчас начнешь ее уговаривать, убеждать, она в итоге придумает новую болезнь, и ты сжалишься над ней. Оставишь дома. Я сама.

Соня прошла по коридору, следуя изгибам цветастого шарфа, будто по дорожке из хлебных крошек. Решительно толкнула дверь в спальню Юли. Оглядев сумрак в комнате, резко дернула штору. Бледное солнце лениво осветило углы и пристыженно ретировалось. Стало немного светлее, но неуютнее из-за дождя, скользящего по стеклу.

Соня включила свет.

– Вставай, до школы полчаса, ты даже позавтракать не успеешь.

Одеяло на кровати зашевелилось и засопело, но не приняло вертикальное положение. Соня дернула его за угол.

– Юль, сколько можно? Четверть только началась, а ты уже прогуливаешь.

– Я хочу спать, – пробурчала Юля, уткнувшись в подушку.

Соня прошлась по комнате, собирая разбросанные вещи.

– Все хотят спать, – она достала из шкафа форменную юбку, рубашку и положила на стул. – Юль, вставай.

– Я сегодня не иду в школу.

– Опять?

– Не хочу. Устала.

– Не нужно было допоздна гулять. Вставай сейчас же.

– Не-е-ет!

Соня остановилась рядом с кроватью, от бессильной злости сжала пальцы и стиснула зубы. Сев на край постели, несколько раз глубоко вдохнула. Возмущение кипело перцовой лавой, хотелось стащить Юлю с кровати, отрубить и как следует встряхнуть, но вместо этого она отвернула край одеяла, нащупала лохматую макушку дочери и, наклонившись, принялась целовать куда придется. Пусть и на дочке будут янтарные следы, метки любви, а не злости.

Юля опешила, явно не ожидала такого поворота. Вцепилась в подушку и готовилась бороться за сон, но он схлынул сам собой, когда вместо криков случились поцелуи.

Наконец она выкрутилась и отодвинулась к спинке кровати.

– Мам, ты чё? Это что вообще такое было? Обслюнявила меня всю.

– Вставай, ты в школу опаздываешь.

Соня улыбнулась. Ей план сработал. Юлины щеки пестрели лимонно-шафрановыми всполохами, в глазах светилось недоумение и приглушенная радость.

– Да встаю уже. Лучше в следующий раз водой меня поливай. Нацеловала меня, как пухложопую ляльку.

Соня поднялась, бросила взгляд на гитару в кресле и, скрывая улыбку, вышла из комнаты. Дальнейшие события она предвидела и без способностей оракула. Естественно, на первый урок Юля опоздает, даже если не будет завтракать, а потом снова позвонит классная руководительница и будет сокрушаться, что Юля прогуливает и, если так будет продолжаться, им предстоит посетить очередное «чаепитие» у директора.

Соня резко остановилась посередине коридора. Господи! Она ведь так и не встретилась с учительницей. А это было две недели назад! Сейчас вытолкает дочь в школу, соберется на работу и обязательно позвонит, дело, может, и не срочное, но точно важное, раз классная руководительница хотела поговорить наедине.

Эту мысль Соня помнила еще около часа, а потом благополучно забыла.

После переписки с Марком прошло две недели, Соня реагировала на каждый сигнал телефона, вздрагивала и с нарочитой медлительностью заглядывала в инстаграм. Марк не писал и не лайкал её фото. Видимо, сказал все, что хотел. Признав этот факт, Соня испытала облегчение, а следом погрузилась в тоскливое состояние апатии. Зачем он вообще разбередил воспоминания?

Ноябрь дышал в спину сипло и промозгло, покусывал утренней изморозью, влажно облизывал затяжными дождями. Последнее время Соне все время казалось, что она заболевает. Такое неприятное состояние преднедуга, вроде и кашля нет, и температуры, но одолевает слабость, сонливость и озноб. Работа требовала внимания и силы, а ей порой тяжело было подняться с постели. Почти все утренние сеансы Соня перенесла на послеобеденное время, хотела выспаться. Но чем больше спала, тем больше хотелось.

Кирилл заволновался. Отправив детей в школу, остался дома.

– Сонь, что-то ты мне не нравишься.

Она отвернула край одеяла, выставив наружу только взъерошенную макушку и нос.

– Я и не должна тебе нравиться, люби меня.

– Прямо сейчас?

Соня задумалась.

– Сейчас это будет похоже на некрофилию. Чувствую себя трупом.

Кирилл скривился.

– Фу, Сонька, – он пощупал её лоб, – что с тобой? Я переживаю. Может, нужно проверить щитовидку? Авитаминоз?

– Не знаю. Невесело мне. Всё такое серое и бессмысленное, как этот промозглый ноябрь. Дом все время стонет. Тоскливо, хоть вой.

Кирилл торопливо поднялся, наигранно хлопнул в ладоши.

– Я знаю, что тебе поможет. Поездка! Нужно выбраться из города, туда, где нет ничего серого. Помнишь, мы хотели съездить в Лаго-Наки? Там сейчас красиво. Скорее всего, снег лежит.

Соня приподнялась на локтях.

– Может быть. Придется клиентов предупредить, сеансы сдвинуть, – протянула она без энтузиазма.

– Сдвинешь. Это на пару дней. Детям тоже полезно будет отдохнуть. Поедем в пятницу после обеда, вернемся в воскресенье.

– Я подумаю. Дай мне еще часик поспать.

Кирилл покачал головой, скрутил Соню в охапку вместе с одеялом и понес в душ.

– Нет, Сонька, хватит оправдывать свое имя. Пришло время проснуться.

Муж оказался прав. Её встряхнула даже мысль о поездке. Детям пока не говорили, хотели сделать сюрприз. Втайне от них Соня собирала вещи и продумывала маршрут. Хорошо бы посетить водопады Руфабго, только пустят ли туда в такую холодрыгу? В любом случае их ждут красивые места: настоящие горы, покрытые пушистыми лесами, и скалистые берега реки Белой.

В четверг Соня все подготовила и утром наконец объявила о поездке. Тимур подпрыгнул, едва не упустил место в кресле-качалке, отвоёванное пару минут назад.

– О, круто. Как раз у нас тема в Кубановедении о достопримечательностях края. Нафоткаю и сделаю доклад.

Юля со стуком опустила на стол чашку, чай расплескался, запачкав манжет рубашки.

– Когда?

Соня растерялась. Радости от предстоящего приключения Юля точно не испытывала и даже не пыталась притворяться.

– Завтра после обеда.

– Я не еду.

– Как не едешь? Это семейная поездка.

– Я сказала, не еду. У меня другие планы.

Кирилл бросил взгляд на часы.

– Так, вы сейчас в школу опоздаете. Поговорим позже, – он повернулся к Соне, интенсивно сигнализируя бровями, – Юля как раз обдумает эту новость, и вечером поговорим.

Вечерний разговор с разъяренной Юлей достался Соне. После работы она решила заняться цветами. Продуваемый флигель с огромными окнами и легендарным пятном на потолке гораздо больше подходил для оранжереи, чем для спальни. Уже второй год Соня выращивала тут цветы, точнее созерцала, их медленное умирание. В садоводство иногда включалась Вера Андреевна, добывала косточки из магазинного авокадо, семечки из граната и закарпывала в опустевшие естественным путем горшки. Вскоре благополучно забывала, что за ними нужно ухаживать, а у Сони появлялись новые тяжелобольные приемыши.

Выживали только устойчивые к перепадам температуры и неравномерности заботы: сансевиерия, традесканция и алоэ. Именно эти цветы когда-то занимали подоконники и шкафы в классе. Маруська Игоревна развела в кабинете биологии сказочные джунгли, правда, из трёх видов комнатных цветов. Остальные не преодолевали порог совершеннолетия, помирали так же, как сейчас у Сони.

Входная дверь хлопнула так громко, что пятно на потолке чуть увеличилось. Соня вздрогнула, едва не выронила лейку. По коридору простучали быстрые нервные шаги, звонкие, как цокот копыт. В комнату влетела Юля и без предисловия выпалила:

– Я никуда не еду!

Соня поставила лейку.

– Мы уже всё решили и забронировали номер в гостинице. Тебе понравится.

Юля прошла вдоль окна, резко развернулась.

– Нет. Во-первых, у меня другие планы. Завтра Осенний бал, потом будет дискотека. Пенсионерская поездка мне нафиг не сдалась.

Соня задумалась.

– Ты участвуешь в выступлении?

В школьные годы Соня каждый год с воодушевлением окуналась в подготовку к Осеннему балу. Писала сценарий, курировала репетиции и, конечно же, блистала сама. День её высочайшего триумфа случился в одиннадцатом классе. Тогда она впервые не получила титул Мисс Осень, но стала настоящей королевой – и это было важнее, гораздо важнее и приятнее. Такую причину отказа от поездки она могла понять.

Но Юля насмешливо фыркнула.

– Ещё чего. Пусть другие мартышки кривляются. Придумали сценарий для пятого класса. Пусть сами на сцене позорятся.

– Тогда не понимаю, – Соня приподняла плетъ повядшей традесканции. Не могла вспомнить, когда поливала ее. Земля выглядела влажной, но куст сухим, – раз ты не участвуешь, не вижу проблемы.

Юля снова ошетилилась.

– Я вижу! Меня никто не спросил. А вдруг я не могу уехать на выходных? Не хочу, в конце концов.

Соня развернулась и тут же напоролась на взгляд дочери. Острый, злой, почти ненавидящий. На щеках Юли, на шее и даже на тонких ключицах кляксами расплывались коралловые разводы. Соня тяжело сглотнула, невольно подалась вперед, чтобы коснуться расцвеченной первой любовью дочери. Клубнично-мармеладные пятна с округлыми краями поблескивали оранжевыми всполохами. Абсолютно точно это была первая любовь. Но эти отпечатки принадлежали не Юле, а тому, кто её касался.

Соня опустила взгляд и нахмурилась. Коралловые извилистые узоры уходили на грудь, проступали сквозь серую рубашку и терялись на животе. Это были смелые прикосновения, слишком смелые для первой робкой любви. Память тут же подсунула Соне кадры из ее собственного прошлого. Она точно помнила, к чему приводят такие прикосновения. Её Юльке-Жульке уже семнадцать лет. Её девочке, из всех сил убегающей от детства, всего семнадцать лет!

– Ты едешь с нами, – безапелляционно заявила она.

Юля интуитивно уловила напряжение, зависшее, словно шаровая молния. Ни дышать, ни двинуться: рванёт.

– Нет! Вы меня в багажнике, что ли, повезёте?

– Надо будет, повезем.

– Почему? Зачем я вам там нужна? Скука смертная ваш Лаго-Наки.

Соня сложила руки на груди и выпрямилась.

– Я не думаю, что тебе стоит идти на дискотеку.

– Что? Мам, ты совсем уже? Почему это мне на дискотеку нельзя? Это не ночной клуб, не притон. Это школа!

Соня вздрогнула. Не обязательно идти в притон, чтобы совершить ошибку. Ей это не понадобилось.

– Нет. Я сказала: нет, ты никуда не пойдёшь! – Соня и сама понимала, что её категоричный отказ выглядит странно и глупо, но не могла остановиться.

Юля превратилась в грозовую тучу, её ноздри побелели, глаза сощурились.

– Хотя я и двоечница, мозгов у меня больше, чем у тебя. Предохраняться я точно умею! – Развернувшись, она выбежала из флигеля, громко хлопнув дверью.

Поездка всё-таки состоялась, но без Юли. После ссоры в царстве умирающих цветов с дочерью разговаривал Кирилл. Не убеждал поехать, а завуалировал разрешение остаться в два слоя ответственности: необходимость присматривать за бедовой бабушкой и обязанность встретить посылку из транспортной компании.

Уже в красивом номере гостиницы с видом на присыпанные снегом горы он отругал Соню за категоричность.

– Юльке семнадцать. Неадекватность – первый признак пубертата. Но ты-то чего такая твердолобая? Иногда я тебя не узнаю. Это какая-то другая Соня. Непробиваемо-упёртая.

Соня стыдливо опустила взгляд. В ней порой просыпалась Кайла, и эта Кайла была похуже самого взрывоопасного подростка. Адекватностью там и не пахло. Голые эмоции.

– Прости.

Кирилл вздохнул, притянул к себе Соню и, обняв, упёрся подбородком в её макушку.

– Зачем ты каждый раз доводишь до ссоры?

– Не довожу. Это происходит как-то само. Неужели ты думаешь, мне нравится выслушивать от Юльки обидные слова? Она же абсолютно себя не сдерживает, несет все подряд и это очень, очень больно слышать. Каждый раз тычет носом в моё раннее замужество и беременность. Типа, если тебе можно, почему мне нельзя?

– Кое в чем она права, – нехотя согласился Кирилл, – как ты можешь ей запретить секс до восемнадцати, если себе всё позволила. В этом вопросе ты для нее не авторитет. Поэтому лучше не касайся этой темы. Слишком зыбко. Она явно считает себя ошибкой.

Соня возмущено затрясла головой.

– Юлька не ошибка. Во сколько бы я ее ни родила – она не ошибка.

– Я знаю, мне-то можешь не доказывать. Но каждый раз, когда ты пытаешься ее оградить от опасных связей, запрещаешь и предупреждаешь, кажется, будто ты считаешь её ошибкой. Она считывает это интуитивно.

Соня протяжно вздохнула.

– Я боюсь за нее.

Кирилл прекрасно понял, чего именно опасалась Соня. Эти страхи терзали и его.

– Ты же понимаешь, что мы не можем запереть её в четырёх стенах и надеть пояс верности. Она взрослая девочка. Если это произойдет, лучше мы окажемся рядом с ней, а не против неё.

Соня понимала и сейчас, когда эмоции утихли, уже казнила себя за несдержанность. В следующий раз она не станет пороть горячку, выкажет себя мягкой и уравновешенной. Она обязана такой быть. Она же мать. На ее стороне опыт, возраст и любовь, в конце концов. Юля должна чувствовать, что в семье ее поймут и поддержат. Примут любой. Такова уж безусловная родительская любовь – янтарно-канареечная.

Отдых действительно пошёл Соне на пользу. Возможность ничего не делать и просто созерцать белые макушки гор вылечила её лучше любого лекарства. Спать больше не хотелось. Наоборот, в первый же день Соня открыла глаза до звонка будильника. Стараясь не потревожить Кирилла и Тимура, вскипятила чайник. Засунув в карман шоколадку, надела поверх махрового халата теплую куртку и вышла на террасу.

Воздух не просто бодрил, опьянял морозной чистотой, такой острой, что было больно дышать. От чашки шел пар, смягчал ментоловую жгучесть вдоха. Соня любовалась горами и изгибом реки, колючими кустами, заиндеветыми под тощей пленкой снега. В третий раз в жизни она ощутила на себе истину фразы: больно смотреть. Но не потому, что белизна слепит глаза, а от щемящего, скручивающего сердце восторга. Хочется замереть, застыть, законсервировать этот момент и стать его частью.

Позже, когда это болезненное ощущение схлынуло, она достала телефон и сделала несколько кадров. Все выходные она только и делала, что фотографировала и выкладывала лучшие снимки в инстаграм. Каждый раз удивлялась тому, что камера не передает глубину и масштаб панорамы. Большую часть снимков удаляла, самые удачные сохраняла в телефоне. В воскресенье, когда Кирилл собирал вещи, а Тимур сосредоточенно делал домашнее задание, Соня сидела в беседке на краю обрыва и, закутавшись в теплую куртку, наполнялась свободой. Переключая песни в плеере, подпевала исполнителям и лениво проглядывала ленту в инстаграме.

Последнее время она намеренно избегала постов Марка. Подумывала вообще отписаться от него, чтобы не мелькал и не бередил добытое с таким трудом спокойствие. Увидев его фото на фоне гор с рюкзаком, невольно застопорилась и прочитала подпись: «Лако-Наки». Судя по дате, он отдыхал где-то тут позавчера. Соня, не раздумывая, зашла в его профиль. Самые новые фото были сделаны в дороге, значит, он уже уехал. На снимках сам Марк отсутствовал,

фотографировал интересные места и просто красивые виды: дерево, завешенное цветными скворечниками, скрюченные кусты на фоне закатного неба, убегающую в туман дорогу.

Надо же, как близко они были друг к другу всего сутки назад. Интересно, видел ли он её снимки? Наверное, нет, во всяком случае, не лайкал. Она снова зашла в его профиль и впервые внимательно рассмотрела фотографии. По некоторым приметам опознала Москву, Питер, Венецию, даже Прагу, но большинство кадров никак не намекали на его место жительства. Просто широкий дом с огромными окнами и гуляющими по нему кошками. Соня насчитала целых три, все трёхцветные и беспородные. Надо же, кошатник. Почему-то она была уверена, что он любит собак. Собака и правда нашлась. Обычная дворняга, откормленная и лоснящаяся от любви и заботы.

Чаще животных Марк снимал только мотоциклы, и это были не чопперы. Соня не разбиралась в технике, но заметила, что на большинстве снимков нет знакомой «обезьянней вешалки», по-другому выглядели и колеса, сиденья и глушители. Видимо, мотоциклы – страсть Марка, причем самые разные.

А ещё было много пейзажей, красивых, словно нарисованных акварелью. Фотографий из рекламы, как ни странно, почти не обнаружилось. В своем профиле Марк их практически не выкладывал. А вот поиск по его имени выдал много интересного. Марк не ходил по подиуму, не продвигал парфюм и не презентовал нижнее бельё, чаще всего рекламировал инструменты, технику, мотоциклы и оборудование для тренажерных залов. Соня невольно хмыкнула. Внешность у него действительно была подходящая. Мужчине, представляющему такой «мужской» товар, нельзя не поверить.

На снимках из тренажерного зала Соня остановилась. На них Марк был наиболее обнажен, на некоторых фото даже без майки. Судя по всему, он не только рекламировал тренажеры, но и сам их регулярно использовал. Выглядел он, конечно, сногшибательно и вполне оправдывал комментарии под серией кадров. Женщины явно лишались дара речи, слов там практически не было, одни смайлы, истекающие слюной и стикеры в виде воздетого вверх большого пальца или языка пламени.

На одном из снимков, где Марк позировал спиной, Соня разглядела татуировку в виде птиц. На его лопатке поселилась ласточка, еще две, чуть поменьше, разлетались в стороны: к шее и плечу. Опять ласточки.

Выключив телефон, Соня перевернула его экраном вниз и снова развернулась к реке. Глубоко вдохнула морозный воздух, зажмурилась от удовольствия, почувствовав прилив сил. Теперь она сможет противостоять воспоминаниям. Она сильная и самодостаточная. Кем бы ни был для нее Марк, теперь он – прошлое.

Всего через три дня после поездки заболел Тимур. Юля не упустила возможности напомнить, что это все их чёртовое Лаго-Наки виновато, хорошо, что она не поехала, а то дом превратился бы в лазарет.

Ещё утром, собираясь в школу, Тимур избегал объятий, а получая традиционный поцелуй перед уходом, проявил чудеса эквилибристики. Умудрился так подставить щеку, что Соня попала куда-то в пушистый висок. Накануне он переживал из-за четверки по литературе, нервничал так, что не мог уснуть, бродил по коридору и получил от Веры Андреевны нагоняй: нечего топтать шарф и будить фамильных призраков.

Недомогание Соня не распознала, а ночью Тимура накрыло высокой температурой. Никакими жаропонижающими она не сбивалась, пришлось вызвать скорую. Любая, даже пустяковая, болячка у Тимура начиналась с высокой температуры, однажды случились судороги, оставившие в Соне страх на всю жизнь. У Юли такого никогда не было. Тимур ужасно боялся врачей, даже в десять лет не давался и увивался от любой процедуры. Пришлось зажать его как следует и силой оголить ягодицу. Кричал он так, что заглушил радио, а соседи уверились, что с этой странной семейкой лучше не иметь дело. Ночами они кого-то режут.

Выдержав испытание иголкой, Тимур сконфуженно извинился перед врачом. Свой страх перед белым халатом он не мог побороть и ужасно этого стыдился. Соне было неловко перед бригадой скорой и одновременно до слёз жаль сына. Пока Кирилл удерживал Тимура во время укола, она стояла в углу, совершенно сливаясь со стеной, и сжимала дрожащие руки.

Юлька болела редко, а вот Тимур в детстве постоянно попадал в больницу. Эта регулярность не приучила его ни к шприцам, ни к таблеткам. Завидев иголку, он белел до обморока и впадал в истерику. Соня до сих пор помнила, как однажды они вызвали скорую, а потом толпой гонялись за четырехлетним Тимуром по комнатам «дворянской усадьбы». Поймал врач, грубо схватил, перекинул через колено и безжалостно одним махом всадил длинную иголку в низ спины, явно попал не в предназначенную для экзекуции ягодицу, Тимур завизжал, но было уже поздно. Шприц опустел. Соня ревела вместо Тимура, он же был напуган до икоты. После этого заикался почти полгода, не отпускал мать от себя ни на шаг и все время переспрашивал, куда она идет, даже когда она просто вставала с дивана.

Учился Тимур с удовольствием и даже с каким-то остервенением. После плохих оценок заболел не впервые. Четвёрки подкашивали его, делая беззащитным перед коварными вирусами. Страшно было представить, на что способна тройка, а двойка, видимо, приравнивалась к выстрелу в упор. Вот и в этот раз четверка за чтение наизусть послужила толчком к болезни.

За окном притаилась полноценная ночь, все спали, кроме Сони и Тимура. Хотя болел сын часто, она никак не могла привыкнуть к этому страху. А вдруг упустит какую-то жуткую болезнь? Вдруг решит, что обычная простуда, а это окажется что-то смертельное? Каждый раз её трясло, словно в лихорадке, этот страх иссушал, лишал сна и порождал чувство вины. Опять она пропустила начало заболевания, где-то недоглядела и попустительски не заставила надеть шапку.

Уже в пятый раз Тимур рассказывал злополучное стихотворение, планировал завтра пойти в школу и пересдать на пятёрку. Соня обтирала его влажным полотенцем, ждала, когда подействует укол, и терпеливо повторяла:

- Четверка – хорошая оценка и уж точно не стоит твоего здоровья.
- Я могу лучше.
- У тебя все равно выйдет пятёрка в четверти. Одно стихотворение не играет роли.
- Я запнулся и букву «г» назвал «гх». Она это терпеть не может. Даже не дослушала, сразу посадила, хорошо, что не вlepила мне пару.

Соня пощупала лоб, приложила ладонь к своему лицу. Кажется, температура начала снижаться.

- Завтра ты все равно не идёшь в школу.
- М-а-ам?
- Т-и-им?
- У меня даже не болит ничего.
- Всего час назад на тебе можно было яичницу жарить и сушить мокрые рукавицы. Спи уже. Я еще немного посижу с тобой.

Тимур протяжно вздохнул.

- Давай завтра посмотрим. Если я буду огурчик, ты меня отпустишь.
- Завтра и посмотрим, – она наклонилась, коснулась губами лба сына, – спи, солнышко, я тебя люблю.
- Я тебя тоже люблю.

Тимур широко зевнул, предпринял попытку укрыться покрывалом, но Соня не позволила. Покачала головой. Приглушив свет на настольной лампе, пересела на кресло рядом с кроватью. Достала телефон, чтобы посмотреть, сколько прошло времени после укола. Надо же, почти час, до звонка будильника осталось всего ничего. Наверное, ей лучше перенести утрен-

ний сеанс. Какая из неё массажистка после бессонной ночи? Заснёт стоя, хорошо, если сверху на клиента не ляжет.

Беспокойство за Тимура немного утихло, ушло куда-то в подполье совести, оставив чуть горьковатый привкус. Тимур еще не спал, но уже впал в дремотное состояние. Как только у него снизится температура, она тоже сможет уснуть.

Листая ленту в инстаграме, Соня наткнулась на видео Марка, точнее, его зверинца. Женщин и детей в его профиле не обнаружилось, видимо, домашние питомцы и были его семьёй. А может, он просто предпочитал скрывать личную жизнь, или это было условием какой-нибудь рекламной компании. В кадр попала его рука, с откровенной нежностью поглаживающая шерсть собаки. Соня пролистала короткий ролик, не досмотрев до конца. Зашла в сообщения и, не раздумывая, написала:

«Почему ты приехал в Краснодар? Тогда, в семнадцать».

Отправив, поймала взглядом цифры 5:37. Он, естественно, спит, если, конечно, не обитает в другом часовом поясе. На ответ она не рассчитывала, всего секунду спустя после отправки пожалела об импульсивном поступке, но удалить не успела. Марк прочитал.

«Привет. Почему не спишь?»

«Я тебя разбудила?»

«Нет. Так почему?»

Соня придвинулась к Тимуру, пощупала его влажный лоб и облегченно выдохнула. Температура немного снизилась.

«Сын заболел, караулю температуру, – подумав, добавила: – Простуда. Надеюсь, ничего критичного».

«Понятно. Выздоровливайте. Спать, наверное, хочешь?»

Соня пожалала плечами, прислушалась к ощущениям. Спать ей точно не хотелось.

«Уже нет. Часа в два хотелось. А ты почему не спишь в пять утра?»

«У меня четыре».

«У тебя?»

«В Римини».

Соня нахмурилась. Судя по всему, это название города, только ей это ни о чем не говорило. Она уже хотела залезть в «Гугл», но Марк снова написал.

«Успела погуглить, двоечница?»

Соня снова вспыхнула и с досадой осознала, что ей жутко стыдно. Планировала найти ответ и солгать, что знает, где этот город, но в последний момент передумала. Зачем она снова влезает в шкуру неуверенной в себе, зависящей от чужого мнения школьницы? Она давно другая, просто Марк её помнил именно такой и все его реплики, намеренно или нет, возвращали её в прошлое, в то самое состояние. Превращение из гусеницы в бабочку она, к счастью, пережила. Как же сложно, буквально с кусками личности сдиралась маска капризной высокомерной Кайлы.

«Не успела», – призналась она.

«Это город в Италии. Там расположен музей мотоциклов. Есть даже Дукати Десмо 1972 года в потрясающем состоянии. На втором этаже вообще мотоциклы эпохи Антонио и Бруно⁴. Очень много представителей старой школы Бенелли».

Соня прочитала его сообщение как абракадабру.

«Я думала, ты там по работе».

«И это тоже. А ещё в Италии перекраивают мой Дукати. Они сохранили оригинальный стиль скремблера, но теперь это кастомный байк, единственный в своем роде. В Римини я давно хотел навестись. Почему ты спрашиваешь про Краснодар?»

⁴ Скелеты динозавров, обнаруженные на территории Италии в Вилладжо дель Пескаторе начале 90-х

«Подумала, что так и не узнала, почему ты был новеньким. Странно, когда в выпускном классе меняют школу».

«Ты тоже была новенькой».

«Я помню. Так почему?»

Марк печатал долго, Соня успела пощупать Тимура, укрыть его и переставить чашку с водой на стол. Наконец телефон коротко завибрировал.

«Мой отец был связан с Ростовской мафией. Большие деньги, наркотики и даже бриллианты. Спутался с наркокартелем из Китая, пришлось срочно убежать на весельной лодке по Дону, потом пересели на катер, и в итоге в Краснодар нас привез жуткий мужик в багажнике своей старой черной Волги. Разместил под видом родственников. Отцу пришлось записаться моим старшим братом, а матери – троюродной тётёй».

Соня перечитала дважды, на багажнике «Волги» вскинула брови, на конспирации под вымышленным родством, начала подозревать, что Марк её разыгрывает.

«Печальная история. Жалко бриллианты».

«Не поверила?»

«Сначала да».

«Папу повысили на работе. Хорошо повысили. Чтобы не потерять должность, пришлось переехать немедленно, деньги были нужны. Вот и все. Скучно. А ты?»

Тимур пошевелился, подтянув колени к груди, обхватил себя руками. Соня пригласила его влажные растрепанные волосы и улыбнулась: температура заметно упала. Укрыв его покрывалом, она выключила свет и вышла в коридор. Подсвечивая дорогу экраном телефона, набрала ответ:

«Я говорила, еще тогда. Бабушка заболела. За ней нужно было присматривать».

«Это которая дворянка, наследница голубых кровей и фамильного горшка?»

Соня резко остановилась, сердито настучала на клавиатуре.

«Ты опять?»

«Прости».

«Не прощу».

«А я тебя простил».

Прочитав сообщение, Соня застыла. От макушки до пят пронеслась ледяная волна, сразу за ней – горячая. Отвечать не хотелось, снова вернулось ощущение, что это неправильно. Весь этот разговор и выплывший из небытия Марк.

Телефон снова пискнул. Соня включила экран и прочитала:

«С Надей виделась?»

Преодолевая жгучее желание разбить телефон о стену, Соня коротко ответила:

«Нет».

«Она же в Краснодаре вроде живёт?»

Зря она понадеялась, что Марк почувствует её нежелание обсуждать Надю. Пришлось снова ответить.

«Да».

«И?»

«Нет. Не виделась».

«Понятно».

«Спокойной ночи».

«Спокойной ночи. Вернее, доброе утро».

Спрятав телефон в карман, Соня умылась прохладной водой и сняла халат. Постояла в темноте у зеркала и всё-таки прилегла на кровать. Кирилл, не просыпаясь, нащупал её и прижал ближе. Уткнувшись носом в её затылок, плотно прижался и собственнически уложил руку на её грудь. У нее оставался целый час на сон, но дрема не шла. Сердце колотилось,

а глаза горели, напряженно всматриваясь в прошлое. Постепенно запретные мысли о Марке вытеснила тревога за Тимура. Хоть бы эта сумасшедшая температура не вернулась. Уж лучше насморк и кашель, с ним она умела бороться без помощи пугающих сына врачей. Этот животный страх он впитал, будучи в утробе, очень уж часто Соне приходилось к ним обращаться в больницу.

Все уверяли, что вторая беременность проходит проще, не шокирует новыми ощущениями, да и переносится легче. Тимур с лёгкостью разрушил эту легенду. Соню накрыл полный букет незабываемых впечатлений: токсикоз, отёки, низкое давление и беспричинная плаксивость. Постоянно хотелось спать и есть, а Юлька требовала внимания, просилась гулять. В тот период любимой Сониной игрой стали нарды. Можно было, не вставая, подкидывать кубик и изображать вовлеченность.

Тогда их небольшая семья ютилась в двухкомнатной квартирке на девятом этаже. Анапа хоть и была для Сони родным городом, встретила неприветливо. С работой долго не ладилось, а потом нашлась временная должность администратора в санатории. Не зря говорят «нет ничего более постоянного, чем временное». Соня надолго осела в кресле администратора и тихо ненавидела суточные смены. Беременность она посчитала в каком-то смысле выходом, возможностью убежать от опостылевших трудовых будней. Всё складывалось как нельзя лучше. Тимуру предстояло родиться в тот же год, когда Юлька шла в первый класс. Соня предвкушала перспективу несколько лет отдыхать в декрете и помогать своей первоклашке осваивать школьную программу.

Когда Тимур родился, легче не стало. Он спал только на руках и короткими промежутками. Соня уставала, срывалась на Юлю и загоняла чувство вины перед детьми и мужем на вязкое дно подсознания. Считала себя дрянной женой – порой не успевала готовить и содержать дом в идеальной чистоте, последнее время не гладила постельное белье и джинсы, а на ужин подавала полуфабрикаты. В их семье настало время шаурмы. На нежность и секс у неё не оставалось ни времени, ни сил.

Еще хуже обстояло дело с материнскими обязанностями. Перед Тимуром она ощущала себя виноватой за то, что не смогла кормить его грудным молоком. Жидкое, синеватое и абсолютно не питательное, оно не давало ему насытиться, а еще его было мало. Больше месяца она мучила и себя, и сына, пытаясь, как настоящая мать, кормить грудью. Тимур плакал от голода и не набирал вес. Соня сдалась и дала ему смесь, развив в себе комплекс: хорошая мать не кормила бы ребенка искусственным суррогатом. Подруги и мама усердно намекали, что её полная на вид грудь абсолютно никудышная и сама Соня плохо старается.

В первом классе Юля еще не воевала с учительницей, но уже нудила, что, пока она сидит в школе, вся жизнь проходит мимо. Домашним заданием с ней занимался в основном Кирилл. Приезжал поздно вечером и привозил с собой праздник и отдых. Юля висла на нём мартышкой, щебетала без умолку и сразу же вспоминала все школьные события, которые почему-то не могла припомнить днем, когда к ней обращалась Соня.

Днём у Юли были дела поважнее, чем беседовать с вечно раздраженной и невыспавшейся мамой. После школы она ложилась на пол между диваном и креслом и, катаясь из стороны в сторону, беспрестанно повторяла: «Я ничья, я чужая».

Так и жили почти полгода, пока Соня не дошла до точки кипения. Тимур в очередной раз заболел, температуру сбивали три дня. На четвертый, едва ему стало лучше, Юля устроила скандал и отказалась убирать за собой магнитный конструктор. Кирилл задерживался на работе и не отвечал на звонки, а плов, который Соня варила к ужину, пригорел.

Юля отказалась есть «чернющую кашу». Насупившись, сидела в комнате и грызла яблоко. Конструктор Соня в итоге выбросила в урну, успев вырвать магнитный шарик из ладошки Тимура, осваивавшего мир на четвереньках.

Кирилл зашел в квартиру, перецеловал своих женщин, звонко чмокнул Тимура в лоб. Сгустившуюся грозовую тучу на небосклоне семейного счастья не заметил. Вымыв руки, сел за стол и подвинул к себе тарелку с пловом. Съев пару ложек, молча отодвинул в сторону.

Соня развернулась к нему, перевела взгляд на отвергнутый ужин.

– В чем дело?

Кирилл пожал плечами.

– Он, кажется, сгорел, ты только не расстраивайся. Сонь, я лучше шаурму съем. Привез парочку на всякий случай.

Услышав про шаурму, в комнату влетела Юлька.

– Ура! Шаурма!

Она потянулась к пакету, но Соня отодвинула его в сторону.

– Ешь плов.

– Мам, он гадкий и воняет ужасно.

Соня развернулась к плите, убрала крышку и, ни слова не говоря, изо всех сил бросила полную кастрюлю на пол. Жирный плов разлетелся по стене красивым веером, чернеющей массой вывалился на паркет, словно инопланетная чужеродная тварь. Тимур как раз дополз до коридора, ведущего на кухню. От грохота взвизгнул, шлепнулся на полный подгузник и залился плачем, Юля испуганно вжалась в угол комнаты, закрыв ладонями лицо. Кирилл укоризненно покачал головой, но промолчал.

Соня оглядела учиненный ею погром, развернулась и выбежала из кухни. На ходу стянула с вешалки куртку, зацепила зонт, не глядя влезла в высокие резиновые сапоги и кинулась вон из квартиры. Уже в подъезде дрожащими пальцами застегнула пуговицы и накинула капюшон. Пройгнорировав лифт, ринулась вниз по лестнице. Куда мчалась и зачем – не думала. Ей важно было убежать, от сгоревшего плова, от капризной Юльки, вечно болеющего Тима, понимающего мужа и, главное, от себя.

Несколько часов она бездумно ходила по улицам. Бродила, поворачивая наугад, огибая лужи, меняя направление и возвращаясь обратно. Мир отгородился от неё потоками дождя, а она от него – слезами. Дорогу Соня не видела. Чистое везение и невероятная удача, что тогда её не сбила машина. С тех пор как родился Тим, она не видела оттенки эмоций, реальность превратилась в беспросветный, мутный туман. Соня плакала в голос и неэстетично размазывала слезы по щекам вместе с тушью. Пальцы ног превратились в ледышки, джинсы и низ куртки промокли насквозь. Зонт кое-как спасал только голову, выстуженную ноябрьским ветром, и абсолютно не скрывал от хлестких и колких капель косого дождя.

Ноги сами привели её к дому. Сняв мокрую куртку, Соня аккуратно поставила раскрытый зонт в коридоре и на цыпочках пробралась в спальню. Кирилл дремал на спине, уложив поверх себя Тимура. Тот слегка подрагивал во сне и судорожно вдыхал. Он всегда так делал после затяжного истеричного плача с икотой. Видимо, ревел. Из-за неё.

Стараясь их не разбудить, Соня прикрыла двери в спальню и направилась на кухню. На пороге резко остановилась и застыла с поднятой в шаг ногой. У стены на корточках сидела Юля и, отскребая рис от обоев, аккуратно складывала его обратно в кастрюлю. На полу плова уже не было, остались только жирные масляные разводы, будто паркет облизывал огромный сенбернар.

Соня медленно приблизилась к Юле и, опустившись на колени, молча обняла. Уткнувшись носом в её холодную влажную рубашку, Юля покорно опустила руки и всхлипнула. Обе напряженно замерли в одной секунде от повторной истерики.

Соня не выдержала первой и расплакалась.

– Юль, прости меня, прости, пожалуйста.

Та не сразу смогла ответить, редела от всей души, заглатывая воздух большими порциями. От попыток успокоиться плач только усиливался, еще и набирал обороты.

– Мам, я... ты... не любишь... меня больше?

Соня отстранилась, положив ладони на плечи дочери, внимательно заглянула в её лицо.

– Люблю, конечно! Конечно, люблю! Юлечка, солнышко, как я могу тебя не любить?

Прости меня. Я просто устала.

– Я испугалась, думала, ты совсем ушла.

– Я не уйду. Никогда не уйду.

Юля снова разревелась, но теперь не так безнадежно и надрывно.

Кирилл ни слова не сказал о «пловном инциденте», но уже к концу недели нашел себе помощника в закуской и перестал задерживаться на работе. А через полгода отправил Соню исполнять мечту – получать среднее медицинское образование. Доучивалась Соня уже в Краснодаре, там же проходила многочисленные курсы массажа. Чтобы она все успевала, Кирилл нанял няню, которая занималась детьми, пока Соня сидела на занятиях и проходила практику. Когда ребята подросли, обязанности няни на себя взяла Вера Андреевна. Когда-то она с удовольствием возилась с пухлощекой непоседливой Юлькой, теперь же ей вручили двух внуков, хотя и за ней самой ненавязчиво приглядывали.

Плавая между прошлым и настоящим, Соня умудрилась задремать. Через секунду после того, как она плотно закрыла глаза, прозвенел будильник.

Соня не отпустила больного Тимура в школу, но сеанс массажа не перенесла. Собиралась на работу в сомнамбулическом состоянии. Даже патчи не поправили её уставшее и потрепанное бессонницей лицо. Красные прожилки в глазах придавали ей больной вид. Раньше она никогда не задумывалась о том, что в юности белки снежно-белые, оказывается, глаза ярче шеи и рук выдают возраст.

Несмотря на мелкий морозящий дождик, Соня снова шла пешком. Нахохлилась и, подняв воротник плаща, спряталась под зонтом. Под ногами хлюпало, над головой стучало, а цветы вдоль тротуара за ночь почернели от внезапного южного мороза. Быстрее бы уже выпал снег и прикрыл беззащитный оголенный город.

За квартал до места работы телефон тренькнул одиночным сообщением. Интуиция Сони не ошиблась. Писал Марк.

«Доброе утро».

Ниже он прикрепил картинку со взъерошенной совой с торчащим пером на макушке и разновеликими глазами.

Соня ухмыльнулась и набрала ответ.

«Откуда ты знаешь, что я так выгляжу? Хотя... может, даже хуже».

«Предположил. Бессонная ночь всё-таки. В твоём профиле последнее фото из Лаго-Наки, понятия не имею, как ты сейчас выглядишь. Как сын?»

«Лучше».

На этом короткая переписка закончилась. Соня печально улыбнулась. Всё-таки он знает, что она была рядом, возможно, в нескольких километрах, но не написал. Как же все это странно.

Весь сеанс массажа Соня прокручивала в голове мысль о том, что в таком виде, как сейчас, она бы не рискнула показаться Марку. Опустив взгляд на свои руки, массирующие мягкое податливое тело разомлевшей клиентки, представила на ногтях яркий лак. А почему бы и нет? Вызывающий длинный маникюр ей нельзя, но можно короткие и алые ногти. Проводив довольную женщину, Соня открыла окно для проветривания, замкнула свой кабинет и зашла в соседний.

Наташа встретила её беспардонной репликой.

– По тебе словно танк проехал. Плакала, что ли?

Зарина хмыкнула:

– Или с любовником кувыркалась.

Соня покачала головой.

– Тимур заболел. Бессонная ночь, – она села в кресло. – Наташ, я к тебе, кстати. Есть окно?

– Сейчас?

– Да.

– Есть. Как раз чаёвничать собирались. Тебе маникюр?

– Пока да, а потом педикюр хотела обновить.

Зарина разложила в кружки чайные пакетики, плеснула кипяток.

– Тебе бы шило отшлифовать. Серая какая-то стала. Крокодил натуральный.

– Мне просто нужно выспаться.

– Давай тебе гриву покрасим?

Зарина давно мечтала сделать что-нибудь с волосами Сони. Но та ни в какую не поддавалась. Длинные, густые, почти до пояса, без единого седого волоска, они ей виделись непахатым полем и пустым холстом. Пока только Наташа соглашалась на эксперименты с причёской. Сегодня она красовалась с фиолетово-синей шевелюрой и выстриженным виском.

– Нет, но можно заламинировать.

Дверь приоткрылась, в комнату вошла Лера.

– О, я вовремя. Сплетничаете?

– Соньку уговариваем на метаморфозы.

– И она чё?

Зарина громко поставила чайник на подоконник.

– Собралась прихорашиваться по методу спящей царевны. Задряхнуть и проснуться красивой.

Лера звонко рассмеялась. Среди подруг она была самой молодой, и проблемы возрастных изменений ее пока не волновали. Она частенько злорадствовала, когда они начинали рассказывать об утягивающих трусах или бюстгальтерах с широкими удобными лямками. Она же единственная в компании была не замужем и обожала истории из бракованной жизни. Желательно пикантные или тоскливые. Со всеми, кроме Сони, общалась ровно и немного высокомерно, свою молодость считала неоспоримым преимуществом и любила подшучивать над «пенсионерским клубом». Соня же её раздражала яркой привлекательностью, хищной и одновременно сдержанной.

– Тебе, кстати, пора на следующую эпиляцию, – напомнила она Соне, наливая чай.

Зарина и Наташа переглянулись.

– А чего это Сонька у нас эпилирует? Писюху?

Лера помакала пакетик чая и села на подлокотник.

– Всё. Под корень решила извести всю растительность. И правильно. Быть лохматкой нынче немодно.

Зарина громко рассмеялась, а потом резко замолчала и, хитро сощурившись, пригляделась к Соне.

– Сколько ты уже замужем?

Соня не успела ответить, её опередила Лера.

– Столько не живут.

– Ну, сколько? Юлька твоя выпускница, значит, лет двадцать.

– Восемнадцать, – поправила Соня.

– Да, это срок.

Наташа усадила Соню, заставила вытянуть руки.

– В какой цвет будем красить?

– Гранатовый.

Наташа кивнула со знанием дела.

– На коротких ногтях такие насыщенные цвета хорошо смотрятся.

Пока она занималась ногтями Сони, Зарина умудрилась наклеить на её лицо маску и подравнять кончики волос.

Лера убегала к клиенткам и снова возвращалась. Не хотела пропустить такую интересную тему: обсуждали любовников. Еще через час к ним присоединилась Тоня, создательница бровей в стиле Кары Делевинь. Популярный тренд шокировал даже опытную бровистку. Широкие брови придавали лицу злое выражение и грозность, все остальное терялось на фоне этих мощных дуг, и шли они далеко не всем. Но клиентки просили мохнатое коромысло, а она на этом зарабатывала.

Зарина бродила по комнате, размахивая расческой и громко возмущалась. Она единственная никуда не отлучалась, отправила домой трех клиенток и объявила выходной. У нее была беда. Ей изменял любовник.

– Я его придушу, пса гулящего! Прочла его переписку с этой сучкой. Я понимаю, изменять жене – это как бы вообще не обсуждается. – Бросила слегка виноватый взгляд в сторону Сони: – Сонька, сорян. Но изменять любовнице! Это ни в какие ворота не лезет. Скотобаза такая. Я его пригрела, подстригла, кстати, Лешего лохматого, а он писюндровича своего в другом месте паркует!

Наташа и Тоня сочувствующе закивали.

– Да уж, проблема.

– Урод, конечно. Соболезную.

Лера распаковала шоколадку, снова уселась на подлокотник с кружкой чая.

– То есть ты изменяешь мужу, а твой любовник изменяет тебе?

Зарина тяжело вздохнула.

– Представь.

– А замужем, оказывается, интересней, чем я думала.

Соня оглядела гранатовые ногти, похожие на капли запёкшейся крови, бросила взгляд на Леру.

– Не все мужья изменяют.

Подруги одновременно замолчали. В комнате повисла такая тишина, что было слышно, как Лера жуёт шоколадку. Первой отмерла Зарина.

– Сонь, ты, конечно, идеалистка и всё такое. Но все. Просто не всегда жены об этом знают.

– То есть ты утверждаешь, что Кирилл мне изменяет?

Наташа бросила на Зарину предостерегающий взгляд, Соне миролюбиво улыбнулась.

– Ничего она не утверждает. Не забывай – Заринка у нас пессимистка. Она вообще о людях невысокого мнения.

Зарина фыркнула.

– Вот не надо меня тут прикрывать и закруглять углы. Да, я так думаю. Соня правда не похожа на ту, которой изменяют, скорее на ту, с которой изменяют, на вид классическая разлучница. Я бы её на семейный праздник не пригласила, от греха подальше, – она снова повернулась к Соне, – восемнадцать лет – это много, это охрененно много. Кирилл уже раз сто успел погулять. Мужик симпатичный, без брюха, ухоженный. И ты дура, если сама еще ни разу не сходила налево. Хорошая измена укрепляет брак. Поверь пятиопытной женилке.

Лера громко рассмеялась.

– Такая философия мне нравится. А я замуж боялась, думала, придется всю жизнь спать с одним мужчиной. Это ж тоска такая, – её явно радовала мысль о том, что красивой и самоуверенной Соне тоже могут изменять.

Тоня задумчиво почесала подбородок, печально вздохнула.

– Не хочется соглашаться с Зариной, и еще месяц назад я бы встала на сторону Сони. Но мой благоверный сделал пакость и оставил следы.

Наташа покачала головой.

– Сочувствую, Тонь. Неужели нельзя изменять незаметно? И ему счастье и тебе спокойно. Там на холодильнике коробка конфет с коньяком. Открывай. Что думаешь? Разводиться?

Зарина возмущенно топнула ногой, запустила руку в коробку, взяла сразу три конфеты и закинула в рот.

– Да вы что, с ума сошли? Разводиться? Нужно использовать ситуацию, а развестись всегда успеется. Он-то себе быстро бабу найдет. Голодных и жаждущих нормальных мужиков много, а ты можешь остаться у разбитого корыта. Еще дети, ипотека у вас. Не дури.

Соня хотела поспорить, даже вдохнула поглубже, но передумала и, наоборот, плотно сжала губы. Препираться бессмысленно. Зарине действительно встречались только такие мужчины, вот она и не верила в брак, да и сама не умела быть верной. Ей можно только посочувствовать. Соне повезло больше. Кирилл ей не изменял. Никогда. Даже в самый тяжелый для их семьи период он не приносил на себе бордовые отпечатки.

После разговора с коллегами Соня вернулась в кабинет и оглядела себя в зеркале. Надо же, после косметической маски цвет лица улучшился, и глаза возвратили себе естественный блеск. Теперь она снова стала похожа на всегдашнюю себя. Соня сощурилась и, разглядев на виске чёткий сизый отпечаток, резко отпрянула от стекла.

Чем она лучше Зарины? Она не изменяла Кириллу, но разве переписка с Марком не то же самое? Совесть подсказывала, что очень близко к измене. Неспроста ей так тревожно и сладко, когда телефон тренькает одиночным сигналом. А может, зря она себя накручивает? Ничего же не было и не будет. Просто редкие беседы, даже не беседы, а переписка. И неизвестно, напишет ли он снова.

Из раздумий вывело внезапно открывшееся окно. Соня вздрогнула и кинулась к раздувшейся парусом шторе. Она открывала створку, когда проветривала кабинет, и забыла о ней. Промозглый ноябрь ввалился в комнату и, раскрыв объятия, пощипал за щёки. Такого холодного конца осени давно не случалось, в воздухе пахло снегом. Обычно Кубань радуется теплым климатом, а снегопад – редкое явление, достойное быть запечатлённым на камеру.

В тот год, когда состоялся её триумф на Осеннем балу, ноябрь был влажный и, пожалуй, такой же холодный.

Марина резко развернулась и едва не свалила горшок с алоэ. Вика возмущенно отпихнула её в сторону.

– Не ёрзай, отрастила себе жопу.

Огромные, просторные классы продувались насквозь, только у батарей было уютно и комфортно. На переменах заветные места не пустовали, их занимали в первую очередь. В кабинете биологии с доступом к вожаденному источнику тепла возникли проблемы. Маруська Игоревна устроила в своем классе оранжерею, правда, с довольно скудным набором флоры. Не слишком-то хороший из неё получился садик. Чтобы цветы получали больше света, она попросила трудовика прибить дополнительные широкие подоконники, они-то и закрыли доступ к теплу. Между дощечек втискивался только один в меру упитанный человек или два щуплых полубоком. Олеся, естественно, занимала одиночное место. Вике и Марине пришлось делить одну батарею на двоих.

Соня не рвалась к батареям, сидела за партой и изо всех сил делала вид, что ей тепло и нет никакого дела до Марка, стоящего всего в метре от неё. Он слушал музыку в наушниках, но басы прорывались наружу, отчетливо различались даже отдельные слова. За батареей Марк

тоже не воевал, да и замерзшим не выглядел: не застегнул воротник, не покрылся мурашками и не сутулился.

Марина выровняла горшок с алоэ, снова втиснулась в узкое пространство.

– Какого хрена Маруська развела тут висячие сады Семирамиды? Как специально, чтобы нас заморозить.

– Да, это её великий план, – вклинился Костя, – она же нас ненавидит.

– Взаимно, – хмыкнула Олеся.

Словно услышав их беседу, в кабинет вошла учительница, но не одна, в сопровождении директора. Класс притих, появление Бориса Константиновича не предвещало ничего хорошего. Олеся напряглась, Костя судорожно копался в памяти, пытаясь припомнить все свои проступки. За курение в раздевалке он уже получил, а больше ни на чем вроде не попался.

С опозданием ученики поднялись.

Борис Константинович великодушно махнул рукой.

– Сидите, сидите. Я по делу, – он оглядел класс, остановил взгляд на Соне, затем перевёл его на Марка. – Двадцать пятого планируется осенний бал.

Класс не дослушал и радостно загалдел, хотя новостью это не являлось. Бал давно стал ежегодным событием. Директор дождался, когда голоса утихнут, и продолжил:

– До меня дошла информация: запечатлеть школьные таланты приедет журналист с местного канала. Поэтому к балу мы решили приурочить еще и награждение наших лучших учеников. Победительница олимпиады по химии и чемпион городского кросса в вашем классе. Кроме них будет еще пять человек. Так что Абросимов и Тихомирова вам нужно будет прийти ещё на общую репетицию, чтобы прогнать награждение без сучка и задоринки.

Марк хмыкнул и, невзначай придвинувшись к Соне, оперся костяшками пальцев в столешницу. На олимпиаде он отстал от неё всего на пару баллов, успел по этому поводу не раз выразить злое удивление. Соня скосила взгляд в его сторону и, задрвав подбородок выше, демонстративно отодвинулась подальше от его руки.

– А дискотека будет? – поинтересовалась Вика.

– Дискотека будет, – недовольно подтвердил Борис Константинович, – к вам у меня особая просьба. Ваш класс всегда отличался творческим потенциалом. Вы дружные и сплоченные, не подведите меня, подготовьте выступление как следует.

Олеся отстранилась от батареи, скромно улыбнулась.

– Борис Константинович, можете на меня положиться. Всё сделаем! У нас не только бегуны и химики водятся.

– Очень на вас рассчитываю, – он развернулся к учительнице, – если будет нужен ключ от актового зала, без проблем берите в радиорубке, я предупрежу Артёма. Только вы с другими классами обговорите очередь.

Олеся благодарно улыбнулась.

– Спасибо вам, в классе, конечно, так не отрепетируешь. Ашки и бэшки тоже готовятся?

– Конечно. Но вы всегда меня выручали. Не представляю, что будем делать, когда вы уйдёте из школы. Эх, не подрастает подходящая замена.

– Будет сделано, – с готовностью подтвердила Олеся.

Уже на следующий день состоялась первая репетиция. Точнее, мозговой штурм. Олеся согнала класс в актовый зал, распустила шнурки на шторах, чтобы закрыть стеклянные двери и оградить важное совещание от любопытных учеников. Идеи были, но звучали как-то вяло, не впечатляюще. Олеся бродила вдоль сцены перед притихшими одноклассниками и возмущалась:

– Вы меня подводите! Если мы сейчас же не придумаем три адекватных номера, директор с нас спустит три шкуры.

– С тебя спустит, – напомнил Бублик.

Олеся развернулась на каблуках, бросила взгляд на Костю. Он тут же поднялся, сжал впечатляющих размеров кулак.

– Рот закрой. Тебя вообще никто не спрашивал.

Вика устало протянула:

– Давайте пародию какую-нибудь сделаем. Юмор всегда хорошо прокатывает.

Олеся снова прошла вдоль ряда первых кресел, остановилась напротив Марка, бесцеремонно выдернула из его уха наушник.

– Что ты там всё время слушаешь?

Он молча вынул из разъема шнур и добавил громкость. Зал тут же заполнился простецкими гитарными переборами и мужским речитативом. Все прислушались, некоторые сразу распознали знакомый мотив и заулыбались, Соня же не знала эту песню и, нахмурившись, попыталась различить слова. Услышав отрывок исповеди бомжа, она удивленно застыла. В таком ошарашенном состоянии прослушала песню до конца, хорошо, что там остался один куплет, не пришлось долго мучиться. Некоторые подпевали. Костя явно знал слова, даже ногой притопывал.

Олеся тоже была удивлена.

– «Сектор газа»? Да уж, музыкальный вкус у тебя специфический.

Марк пожал плечами, оправдываться и защищаться не подумал. Ему нравилось, и этого было достаточно.

Марина взволновано вскочила.

– А ведь можно реально пародию сделать с этой песней. Нарядить кого-нибудь в бомжа, пусть бродит по залу с шапкой и клянчит мелочь.

Олеся махнула рукой в сторону Бублика.

– Я даже знаю, кому можно доверить эту роль. И костюм искать не нужно. Бублик каждый день так наряжается. И это его парадное одеяние.

Бублик выслушал оскорбление с улыбкой, его злость выдали пальцы, сжавшиеся на спинке кресла.

– Это лучше, чем костюм шалавы, который в принципе не снимается, врос в кожу.

Олеся вспыхнула, ей не понадобилось ни просить, ни умоляюще смотреть, Костя вскочил без команды, кинулся к Бублику, одной рукой приподнял его за воротник хлипкого свитера и замахнулся.

– Что ты сказал, урод? Ты что-то много стал нарываться.

Ударить он не успел, Марк выключил музыку, приблизился к Косте и, положив ладонь на его плечо, с наигранной дружелюбностью похлопал.

– Оставь его в покое, найди себе равного по силе.

Костя скинул руку Марка.

– Тебя, что ли?

– Можно меня, – он бросил взгляд на окошко, ведущее в радиорубку, – но не в актовом зале. Оба вылетим из школы.

Костя отпустил воротник Бублика и брезгливо обтер руку о джинсы.

– Ещё одно слово – и ты труп. И не говори, что я тебя не предупреждал.

Бублик накинул на плечо лямку рюкзака и направился к двери. Ни с кем не прощался, вообще не сказал ни слова, только бросил злобный взгляд на Марка. Заступничество явно его оскорбило.

Несколько секунд в зале стояла тишина, воздух еще искрил напряжением после несостоявшейся драки. Соня опустила взгляд на сцепленные на коленях руки, только сейчас заметила, что сильно сжала кулаки.

Олеся хлопнула в ладоши.

– Ладно, проехали. Бублика вообще не нужно было звать на репетицию. Какой от него толк? Что насчет песни? Бомжа делаем?

Марина и Вика засмеялись одновременно и одинаково. Соня, в который раз подумала, что при такой безликости их легко спутать. Обе добровольно выбрали роли фрейлин Олеси, послушных и неприметных. И как-то так получилось, что прически они носили похожие – ассиметричное каре – и двигались одинаково. Порой даже заканчивали друг за дружку фразы. МариВика какая-то – один мозг на двоих.

– Это можно круто обыграть.

– Только вряд ли директору понравится наш юмор.

– Блин, я не подумала, – Олеся задумчиво постучала по подбородку длинным ногтем, – можно сделать нарезку из разных песен, и каждая будет пародией. Мальчишек нарядим в женские образы, а девчонок – наоборот.

– Прикольнo. Костю точно переоденем в хрупкую даму, ржач будет!

– А чё? Я могу! – Костя, естественно, обрадовался возможности сыграть роль шута на публике.

– И я буду участвовать, – успела застолбить место Марина. Она знала, что ведущим будет, скорее всего, Сергей, а у участников есть возможность видеть его на репетициях и за кулисами на выступлениях.

– Ну и я, – подхватила Вика.

– Кайла? – Олеся приблизилась почти вплотную. – Ты будешь участвовать?

Соня подняла взгляд, сделала вид, что раздумывает

– Я могу взять на себя отдельный номер. Танец.

Олеся нахмурилась.

– И что ты будешь танцевать?

– Пока еще не решила. Но к балу точно успею подготовиться. А ты?

Олеся снова прошла вдоль ряда, будто случайно скользнула пальцами по плечу Марка. Он снова слушал музыку в наушниках и сделал вид, что не заметил её жеста. В принципе, он уже две недели не реагировал никак, будто ничего не происходило. Флирт Олеси разбивался о глухую стену его вежливого безразличия.

– Я буду мисс Осенью от нашего класса. У меня и так есть чем заняться. Костюм шить и стихотворение разучивать.

Вика выставила два пальца.

– Два номера уже есть, остался еще один.

– Марк?

Он нехотя поднял взгляд.

– Нет, спасибо. Хочу в этот раз побыть зрителем.

Соню поневоле заинтриговала часть фразы «в этот раз». Интересно, а когда и с каким номером он выступал? Что умеет? Играет на гитаре или пианино, может, танцует тоже или фокусы показывает? О нём до сих пор никто ничего не знает. Джеймс Бонд какой-то под прикрытием.

Третий номер так и не придумали, разошлись по домам, решив разобраться с этим позже. Начались репетиции. Классы готовили свои номера втайне, когда репетировали в актовом зале, обязательно оставляли кого-то на карауле. Олеся на всякий случай велела общаться шифрами и разнесла фальшивый слух о том, что они готовят постановку одного из мифов древней Греции.

Олеся боялась плагиата, подозревала, что тупорылые ашки всё слижут, а бэшки просто разнесут информацию по школе, и сюрприза не получится. Кроме номера с пародией, решено было обыграть популярную рекламу. Эту часть программы готовили ребята из секции футбола. Они тренировались в одной команде и в классе держались компанией, общались в основном друг с другом. Те, что не были задействованы напрямую, помогали с костюмами и музы-

кой. Олеся командовала и изображала бешеную активность. Пару раз обращалась к директору, чтобы он знал: дело кипит, и она его организует чуть ли не в одиночку. Отметьте и запомните её вклад.

Марк на репетиции не ходил. Соня послушно сидела в середине зала и вяло давала советы по поводу расстановки на сцене, еще более вяло хвалила Олеся. Нельзя было не признать – читать стихи та умеет и владеет интонациями как настоящий профессиональный диктор. Костюм Осени Олесе шили на заказ, никакого кустарного наряда с самостоятельно приклеенными засохшими листьями клена не ожидалось.

Соня досадовала и злилась. Каждый Осенний бал она получала заветный титул и тонны восхищения, но в этой школе уже была своя королева, потеснить которую оказалось не так-то просто. Задуманный танец просто обязан был затмить Олеся, номер пародий и любой другой, готовящийся в строжайшей секретности.

Соню пару раз дергали, просили показать, что она будет исполнять, но она умело увиливала и обещала, что на генеральной репетиции кое-что продемонстрирует. Просто в школьной форме и в такой обуви танцевать неудобно и холодно. Клятвенно обещала, что не подведет, да и запороть номер невозможно. Участвует она одна.

Олеся была недовольна. Подозревала и боялась, что Соня придумала что-то сногшибательное, а она не готова к противостоянию. В свою компанию королева пригласила новенькую из эгоистичного принципа: держи врагов поближе. Вот и держала, страхась получить нож в спину.

Соня не просто так предложила свой номер. У неё действительно был план. В танцклассе она готовила необычную постановку. На первый взгляд это был танец живота, да не совсем. Эльвира Даниловна называла его танцем африканской кобры. Как сказала преподавательница, с такой пластичной спиной нужно использовать все тело: руки, грудь и, конечно, спину. На занятиях Соня отдыхала и латала прорехи в самолюбии. В школе она все время находилась в тени Олеся, заручившись ее расположением, избавилась от страха стать объектом травли. Всё также воевала с Марком и, к сожалению, часто проигрывала. Победа в олимпиаде по химии стоила Соне бессонных ночей и занятий у репетитора. Марк же часто делал уроки на перемене. Запоминал на ходу без особых усилий, чем бесил её до зубовного скрежета.

В танцевальной студии Соня была, несомненно, лучшей, купалась в комплиментах преподавателей и зависти других учениц. Окрылённая похвалой, она с легкостью выполняла то, что в анапской школе танцев только наблюдала у более опытных исполнительниц и мечтала повторить.

За неделю до Осеннего бала староста ашек заглянула в их класс:

– Тихомирову и Абросимову просят задержаться после уроков для репетиции награждения и, если можно, прийти чуть раньше.

Карина Давидовна нахмурила брови.

– С моего урока не отпуска. Тихомировой не мешало бы больше внимания уделять математике. Абросимов пусть идет хоть сейчас.

Соня вспыхнула, но удержала самоуверенное, спокойное выражение лица: какой позор! Ей, будущей медалистке, такой выговор на глазах у всех! Нужно срочно вытрясти из мамы деньги на еще одного репетитора. Ещё одного подобного унижения она не переживет.

Марк не встал, досидел до звонка и уже вместе с Соней пошел в актовый зал. Кроме них, среди лучших учеников оказалось еще семеро. Все призеры или победители конкурсов и городских олимпиад. Соня села в самом центре, несмотря на пустой зал, Марк расположился на соседнем кресле и развалился на подлокотниках так вальяжно, что Соне пришлось убрать свою руку в сторону и даже отодвинуться, чтобы ненароком его не коснуться. Пока завуч, нервный и суетливый, как осенняя мышь, толкал речь, Марк делал вид, что внимательно слушает, но когда оратор пошел по третьему кругу, достал плеер и вытянул из кармана наушники.

Соня бросила на него порицающий взгляд.

– Это некультурно. Пропустишь, когда к тебе обратятся.

Марк пожал плечами.

– Хочешь?

Соня колебалась несколько секунд. Воровато оглядев зал, взяла наушник.

– «Сектор Газа»?

– Не только, но и он там есть.

– Как можно слушать эту вульгарщину?

– Ушами, Соня, – Марк чуть придвинулся ближе, чтобы провода хватало на них двоих, и нажал кнопку, – сейчас будет моя любимая песня.

Соня вставила наушник, прикрыла волосами и с деловитой сосредоточенностью устремила взгляд на сцену. Начало песни показалось медленным и заунывным, но с припева мелодия зазвучала по-другому – с надрывом и басами. Слова показались ей знакомыми. В Анапе бывший одноклассник пел «Твой звонок» под гитару, тогда она впервые захотела освоить этот инструмент. С тех пор прошло три года, а гитара так и осталась задвинутой в подсознание мечтой.

Неподвижно, словно затаившись, они просидели три композиции, оба смотрели на сцену и словно не замечали, что соприкасаются плечами и коленями. Отодвинуться не пытались. Соне даже показалось, что Марк намеренно прижался к ней плотнее и склонил голову. Она делала вид, что ничего не происходит, старалась дышать ровно и неглубоко.

От Марка снова пахло сигаретами, хотя курящим его никто ни разу не видел. Он же спортсмен, да ещё и перспективный. Как-то не к лицу ему эта вредная привычка. Соня с некоторой досадой заметила, что Марк всегда ухоженный, опрятный, ни перхоти на плечах форменного пиджака, ни пятен на брюках, ни налета на зубах. А еще у Сони был персональный бзик: она всегда рассматривала уши. Лопухость не попадала в разряд недостатков, а вот грязные уши были приговором даже для самого красивого парня. Из-за сережки эта часть тела Марка притягивала внимание. Тут тоже все было в порядке: никаких залежей серы и лоснящихся полос грязи за ушами.

Он даже обувь всегда протирал и не считал это позерством. Никаких особенных деталей, говорящих о его благосостоянии, Соня не обнаружила, он носил только часы, на вид довольно старые, скорее всего, доставшиеся от кого-то в наследство. Точно не богач, но и не бедняк. Вещи добротные, но не ультра-новые, плеер тоже довольно старый, в прочем, как и музыка в нем.

Наконец, завуч выдохся. Увидев устремленный в их сторону взгляд, Соня торопливо и пристыженно вынула наушник. Случайно потянула за шнур слишком сильно и зацепила им за колечко на ухе Марка. Он скривился, но промолчал, убрал плеер в карман рюкзака, а потом неожиданно улыбнулся.

Соня растерялась, обычно он смотрел на нее свысока и с пренебрежением.

Учеников вызвали на сцену. Оказалось, правильно подняться по ступенькам и верно встать – это целое искусство, и им, бездарям косолапым, оно неподвластно.

Нудная и абсолютно бесполезная репетиция длилась уже час. В животе урчало от голода, Марк поглядывал на часы и нервничал. Десятый раз они выходили на сцену, выслушивали речь завуча, имитировали получение грамот и красивой дрессированной шеренгой покидали сцену.

Перед последним таким выходом в зал заглянул Сергей. Увидев Соню, улыбнулся ей и подмигнул, Марка намеренно проигнорировал. Последний выход прогнали уже с ведущим. Сергей шутил, будто перед ним был полный зал, а не горстка замученных отличников, решивших больше никогда не выделяться из серой массы. Он вовремя разрядил атмосферу и спас завуча от голодных и уставших активистов школы. Заключительный выход получился без-

упречным, ученики простояли с улыбками и даже правильно взяли невидимые грамоты, а потом так же грациозно спустились. Зал покидали неорганизованной торопливой толпой.

Соню задержал Сергей. Коснувшись её предплечья, заставил остановиться. Марк прошел мимо, едва не зацепив их. В этот раз Сергей его не проигнорировал, посмотрел вслед с нескрываемой злостью, явно не забыл, по чьей вине занял второе место в кроссе и не попал в число награждаемых. Отличником он не был, а потешить самолюбие и постоять рядом с лучшими из лучших ему очень хотелось.

Марк глянул на их руки, брезгливо скривился и вышел в коридор.

Соня успела перехватить этот взгляд и нахмурилась. Сергей не заметил, он вообще редко замечал обстановку, если начинал охоту. Правда, он не подозревал, что сам идет в силки, расставленные Соней.

– Я видел в программе твой номер.

– Да, я буду танцевать.

– А почему фонограмму не отдала ди-джею?

Соня замялась.

– Когда последний день?

Сергей упёрся рукой в стену на уровне ее лица, чуть склонился.

– Вчера. Но для тебя я сделаю исключение.

Она чуть отстранилась, такая близость нервировала.

– Послезавтра принесу.

– В четверг генеральная репетиция, должна быть фонограмма и ты вместе с танцем.

– Будет. Но танец покажу только в пятницу, на самом выступлении.

Сергей нахмурился.

– Так не положено.

– Еще не готов костюм, не могу танцевать в школьной форме.

– Кайла, – его интонации стали вкрадчивыми, – ты требуешь к себе особенного отношения?

– Конечно, требую.

Сергей загадочно улыбнулся и снова приблизился почти вплотную.

– Ну, смотри, должна будешь.

Соня выскользнула из почти объятий, поправила воротник блузки и отработанной походкой пошла по коридору, представляя, как Сергей провожает её восхищенным взглядом. Главное, не споткнуться, дойти до поворота королевским шагом. Она не ошиблась, Сергей смотрел завороченно, еще и присвистнул ей вслед. Наконец-то состоялась их первая беседа. Соня осталась довольна. Всё прошло как нельзя лучше, осталось закрепить эффект танцем.

Сигнальным огнем, затмевающим остальные мысли, горела проблема костюма. Он существовал, манил, дразнил и лишал сна, в первую очередь, потому что ей не принадлежал. Просить деньги у мамы было заведомо провальной идеей. Вера Андреевна даже на репетитора по химии согласилась скрепя сердце, а на костюм точно не даст ни рубля. Из Анапы переехало три концертных наряда, каждый был сшит на заказ и обошелся в кругленькую сумму. Мама вполне обоснованно могла заявить, что у дочери и так есть в чем танцевать.

Соня тоже так думала, пока Эльвира Даниловна не показала ей тот самый костюм. За него Соня готова была продать душу дьяволу, взять пожизненный кредит и получить двойку в четверти. Костюм состоял из двух элементов: юбки и топа. Только это и объединяло его с классическим нарядом восточной танцовщицы. Таких костюмов Соня раньше не видела и не щупала. Топ представлял собой переливающийся лоскут скользкой ткани, больше похожей на жидкий металл. Держался он за счёт нитки мелких стеклянных бусин, охватывающей шею и спину. От затылка веером расходилось пять таких нитей, они ниспадали и крепились к поясу юбки на уровне поясицы. Создавалось впечатление, что топ вообще не закреплен, держится

на груди каким-то чудом, а бусины стекают по спине, словно сверкающие капли воды. Юбка состояла из двух лоскутов такой же переливающейся ткани, прикреплённых к широкому поясу. Провокационные глубокие разрезы открывали взгляду ноги до самых бедер и распахивались на каждом шагу. Ткань юбки так же была расшита стеклянными бусинами.

Когда Соня впервые надела этот костюм, Эльвира Даниловна восхищенно ахнула.

– Переливчато-хрустальный хамелеон. Слово для тебя шили. А ну изобрази восьмерку.

Соня послушно выполнила элемент, но им не ограничилась, развернулась спиной и прошлась, покачивая бедрами. Бусины, повторили её движения чуть с задержкой, украсили мелодичным перезвоном. Ткань обтекала бедра и ноги, колыхалась маревом, словно нечто живое, и меняла цвет от золотого до серебристого с оттенками лазури и изумруда.

– Белилissimo-перфекто! Волосы нужно собрать в плотный пучок, можно на лоб обруч. Спину и руки открыть полностью. Только браслеты на запястья и щиколотки, они идут с этой неземной красотой в комплекте. Спина и плечи будут говорить за тебя, плавиться и соблазнять.

Соня выполнила связку и замерла.

– Он, наверное, очень дорого стоит?

– Очень, – согласилась Эльвира Даниловна, – неприлично дорого, из-за цены не хотела тебе его предлагать, но, когда увидела, просто влюбилась в ткань и вертикальные нити бус. Ты погляди, тут же кристаллы! О, мое бедное сердце, я хочу его себе. Где мои семнадцать лет!

Эльвира Даниловна обладала корпулентной фигурой, яркой аппетитной внешностью и при этом двигалась как ртуть. Соню она часто ругала за излишнюю худобу и советовала наесть жирок для текучести мышц.

Соня зачарованно разглядывала себя в зеркале и не узнавала. Из глубины прозрачной поверхности на неё смотрела Мата Хари, не меньше. Опасная, красивая, загадочная и манящая. Соня редко была довольна собой без оговорок. В принципе, впервые ей не хотелось придраться к деталям, нравилось абсолютно всё. Это ощущение хотелось удержать и желательно повторить.

– Я его куплю. Никому не отдавайте.

Нужной суммы у Сони не было. По пути домой она размышляла, как раздобыть деньги. Может, продать что-нибудь из бабушкиных «фамильных сокровищ» со штампом ныне разрушенной фабрики СССР? Почти всё, что Ольга Станиславовна считала уникальными реликвиями, на проверку оказывалось сущими безделушками, не стоящими и гроша. Попадались действительно редкие вещицы, но большинство из них имели ценность только для хозяйки дома и никогда не принадлежали дворянам в пятом поколении. Да и не позволит бабушка подобного самоуправства, в случае такого кощунства придушит Соню и повесит рядом с дедушкой на чердаке.

Что же делать?

Домой Соня шла, глубоко погружившись в невесёлые мысли. Костюм был ей необходим даже больше, чем репетитор по математике. Намного больше.

Во дворе дома её встретил папа. Он сосредоточенно сгребал в кучи опавшую листву. Увидев Соню, оперся руками о черенок граблей и достал пачку сигарет. Как раз хотел сделать перерыв.

– Ты сегодня задержалась, – он выбил одну сигарету и подкурил, – мать тебя искала. Кажется, насчет секции легкой атлетики. Думает, тебе стоит вернуться к спорту.

Соня пнула носком ботинка сморщенное старое яблоко. Вдохнула и сразу перешла к делу.

– Пап, мне нужны деньги на новый костюм для танцев.

Николай Николаевич глубоко и задумчиво затянулся. Выдохнул дым сквозь ноздри, поскреб подбородок.

– А матери почему не сказала?

– Она не даст.

– Не даст. Что-то она разошлась с этим маниакальным минимализмом. Я заколебался жрать только основные продукты, богатые клетчаткой и витаминами. Хочу пиццу или шаурму. Какую-нибудь гадость для гастрита и ожирения.

Соня хмыкнула.

– Странно, что она у тебя сигареты не отобрала.

– Так пыталась! Подсчитала, сколько я на них трачу, и решила, что лучше эти деньги отложить на отпуск или ремонт, – Николай Николаевич снова с видимым удовольствием затаился, – хочешь?

Соня усмехнулась и покачала головой.

– Я не курю, вообще-то.

– Ну, можно же попробовать. Неужели неинтересно?

– Нет.

– Ну давай.

– Пап, ты что? Я твоя дочь, между прочим. Ты должен меня отговаривать от вредных привычек, ругать за алкогольное дыхание и грозиться пристрелить любого моего ухажёра, как только он приблизится к забору.

– Ругать есть кому и без меня, – он потер шею, – на работе заездили, тут еще листву эту собирать. Дурдом, понимаешь? Дурдом. Не ценят вообще. Вчера только сломался принтер у бухгалтеров, а я им говорил, он у вас странно шумит. Нет, не послушали. Вобла сушеная эта вольтанутая, еще и съязвила. Они же типа умные, а я просто электрик.

Соня молча оглядела полупустой двор, заросший старыми липами и яблонями. Нарочно не ответила, не хотела поддерживать тему. О том, какой начальник козёл и коллеги тупицы, папа мог рассказывать вечно. Это была его любимая тема. Менялись места работы, руководители и сослуживцы, а претензии оставались прежними. Сослуживцы всегда были иродами, не умеющими ценить Николая Николаевича. Когда-то Соня возмущалась вместе с папой, охотно поддерживала пламя его праведного гнева, а потом... привыкла, что у него хорошо не бывает, всегда кто-то виноват. Поначалу папа воодушевленно повествовал, как прекрасно на новой работе, какой замечательный коллектив, не то что на прежней, но уже через пару месяцев появлялись первые причины недовольства. Папа не умел дружить. Конфликтовал гораздо чаще. Вот и с мамой в основном уживался, а не жил. Противоречил ей и втихаря делал все наоборот, получая удовольствие от скрытого бунта.

Соня поторопилась вернуться к теме беседы.

– Так что насчет костюма?

– Завтра зарплата, что-нибудь придумаю. Матери не говори. Будет наш секрет.

Соня кивнула, с опозданием вспомнила, что не поблагодарила.

– Спасибо, пап. Он мне правда очень нужен.

Той суммы, что дал отец, не хватило. Пришлось продать два своих костюма с большой скидкой за срочность и часть попросить у мамы якобы на школьный взнос. В результате хитрых манипуляций и капиталовложений в четверг Соня заполучила свою драгоценность и принесла домой. Пробравшись во флигель, она плотно закрыла двери и прижала к себе сверток. Наконец-то она поверила, что это не сон и не сказка, костюм принадлежит ей. Небольшой плотный пакет размером с толстую книгу стоил и денег, и переживаний, и даже обмана. Завтра она заткнет Олеся за пояс – и не за простой, а за расшитый бусами и кристаллами.

Ночью Соню грызли сомнения, звонко натянутые нервы не давали уснуть, как назло, чаще чем обычно включалось радио и передавало что-то трагичное, похожее на постановку балета, а после полуночи проснулась бабушка и начала своей традиционный обход. Ворчала, гремела ключами и громко разговаривала сама с собой. В огромное окно таращилась луна, высвечивала пятно на потолке, придавая ему форму кровавой окантовки трупa. Соня вороча-

лась и постоянно проверяла, рядом ли костюм. Нашупав на стуле прохладную ткань, блаженно улыбалась и снова пыталась уснуть.

Раньше бывало и не раз, что то, чего она сильно жаждала, и к чему заблаговременно готовилось, оборачивалось разочарованием. Соня не верила в Бога, но сейчас готова была молиться любым богам, лишь бы все сложилось хорошо и не приключилось непредвиденной пакости.

На следующий день уроки сократили, учителя не зверствовали и не вызывали к доске тех, кто был задействован в выступлении. Исключений не делала только Карина Давидовна. Зайдя в класс, она с порога заявила, что танцульки не освобождают от необходимости шевелить мозгами. Спросила Соню, не смогла прицепиться и слегка рассвирепела. Долго мучила у доски Олеся с таким же нулевым результатом, а потом вызверилась на Косте. Марк пару раз тянул руку, но учительница намеренно игнорировала его. Она распяла еще не всех легкомысленных учеников, подавшихся в звёзды, чтобы тратить запал на отличников.

Наконец учеников отпустили по классам для репетиций и облачения в костюмы. Соня не переодевалась, сначала ей предстояло выйти на награждение в форме отличницы и надежды школы. Костюм ожидал её в классе истории рядом с залом. В таком же положении находилась и юная художница из ашек. Наряд пирата лежал на соседнем стуле. Там же предстояло переодеваться и дожидаться своего выхода претенденткам на звание Мисс Осень.

Вика и Марина суетились вокруг Олеся, восхищались её прической, макияжем и поглядывали друг на друга в предвкушении. Шумной и возбужденной толпой отправились в актовый зал. По случаю праздника его украсили листьями всех оттенков оранжевого, ближе к сцене висели стенгазеты, они тоже участвовали в конкурсе. Соня не знала, кто рисовал их неоновно-жёлтый плакат, но он тоже обнаружился на стене. Кое-где скотч отошел от поверхности, и бумажные углы норовили закрутиться рулоном. Часть листьев опала, вполне соответствуя духу ноября. Прилично вели себя только декорации сцены, не планировали отваливаться, держались крепко. На стене учительница рисования изобразила пару, кружащуюся в вальсе на фоне осеннего леса. «Одежда сцены» тоже подверглась нападению желтых листьев. Неделю в начальных классах темой урока рисования было осеннее убранство. Плоды их фантазии после приложения неострых ножниц стали украшением зала.

Почти час ушел на репетицию связок между выступлениями и проверку фонограмм. Впервые зазвучала мелодия, под которую предстояло танцевать Соне – плавная, тягучая, пробирающаяся под кожу. Она вышла на сцену, чуть постояла и кивнула, разрешая прервать музыку.

Вика и Марина напряженно переглянулись и одновременно нахмурились. По вступлению они узнали песню Шакиры и Бейонсе⁵. Как оказалось, не только они. Сергей перехватил Соню за кулисами.

– Любопытно, Кайла. Жажду посмотреть на твой танец.

– Имей терпение. Все жаждут.

Соня спустилась в зал и опустилась в кресло, довольная своим высокомерным ответом. Надо же, и слова не пришлось подбирать. Получилось как нужно: загадочно и многозначительно.

За стеклянными дверями скучились зрители, периодически под их напором створки распахивались, и толпа вваливалась в зал. Сергей останавливал репетицию и в микрофон просил покинуть помещение всех, кто не задействован в номерах.

Ученики ходили в костюмах, скрывать то, что они подготовили, больше не было смысла, и все жадно рассматривали друг друга, пытаясь понять, что же означает такой грим или наряд? Претендентки на звание Мисс Осени наблюдали суету с некоторым высокомерием. Их выход должен был стать кульминацией программы.

⁵ Речь идет о песне Beautiful Liar.

Чуть с опозданием приехал корреспондент из газеты и видеооператор с игрушечной на вид камерой. Директор и завуч выдохнули с облегчением и велели пригнать в зал лучших учеников. Когда те расселись на первом ряду, наконец открыли двери и для простых смертных. Под каждый класс было отведено равное количество кресел, впереди сидели учителя, за ними – участники, а дальше всех – обычные зрители. Этих самых простых смертных было в три раза больше, чем свободных кресел. Размещались они как могли, по два человека на место, садились на подлокотники, а задние ряды просто стояли. Те, кто не поместился, напирала толпой в открытые двери и сидели на корточках между рядами.

Зазвучали фанфары, на сцену вышел Сергей, призвал соблюдать тишину и не кидаться тухлыми яйцами. Соня невольно заулыбалась. Ведущий из него получился своеобразный. Он шутил и постоянно обращался к залу явно не по сценарию, этим и располагал к себе. Импровизировал и острил, как опытный конференсье.

Зал еще немного пошумел и притих.

Программу начали с награждения. Всё прошло пафосно и скучно, затосковал даже журналист. Не зря десятиминутный выход репетировали почти три часа. После официальной части приступили самому интересному – концерту. Соня смотрела с удовольствием, праздничная атмосфера в зале захватила и ее. Она смеялась над пародиями песен – действительно вышло здорово, задумчиво слушала стихотворение «В прокуренном вагоне», каждый год его рассказывали на мероприятиях всех уровней. В Анапе оно тоже пользовалось популярностью. Марк сидел рядом, увлеченно смотрел на сцену, но порой Соня чувствовала его взгляд, касательный, мимолётный, будто случайный, оттого какой-то колючий.

Наконец объявили выход претенденток на титул Мисс Осень. Зал снова зашевелился и загудел, с задних рядов повставали, в дверях усилилась давка. Все жаждали увидеть кульминацию шоу. Среди девушек Олеся выделялась как жар-птица. У неё не только был самый красивый костюм, она несла себя по-королевски и всем своим видом демонстрировала превосходство. Когда начали читать стихи, сомнений, кому достанется титул, не осталось. Олеся прочитала Ахматову «Три осени» так прочувствованно, что сама всплакнула. Зал аплодировал стоя, директор рьяно отбивал ладоши, беспрестанно поглядывая на журналиста. Девушки, которым досталась участь выступать после Олеси, заметно потускнели и расстроились. Объявление результатов в конце бала стало чистой формальностью.

Соня так увлеклась, что едва не упустила время, когда ей нужно было бежать в класс и переодеваться. Её танец шёл после номера ашек, решивших покорить публику игрой на скрипке. Соня кое-как пробралась через живой заслон в дверях и ринулась в класс. На партах горой лежали куртки, небрежно валялись костюмы уже использованные и еще ожидающие своего часа. В углу кабинета, прячась от неожиданно открывающихся дверей, переодевалась незнакомая девушка, кажется, она танцевала чечётку в самом начале концерта.

Соня повернула ключ в замке.

– Вообще-то, можно было закрыться.

– Да я уже все, домой.

– А дискотека?

– Да ну ее. Кому она нужна? Директор и завуч будут коршунами висеть, чтобы перед журналистом не опозориться. Веселого мало. Ни выпить, ни покуролесить.

– Ну, как хочешь.

Как только девушка ушла, Соня закрыла двери, на всякий случай забила в угол и развернулась спиной. Всё-таки костюм предполагал почти полное обнажение, не хватало еще свести голой грудью в окне. Аккуратно, стараясь не повредить тонкие нити бус, она влезла в свой наряд. Вынув из пакета браслеты, надела их на щиколотки и запястья, чуть встряхнув, прислушалась к мелодичному звону. Только теперь она заметила, что среди вещей нет серебристого обруча и резинки для волос. Видимо, в спешке она забыла их дома. Сердце и так лихорадило от

волнения, теперь же Соню трясло полностью. Ну почему у нее не бывает все легко и просто?! Ведь она же сама собирала вещи, как можно было недоглядеть? Вот растяпа!

Она взволнованно оглядела класс. В углу из большой картонной коробки торчали рулоны с картами. Негнущимися пальцами Соня стянула с одной из них тонкую цветную резинку, собрала волосы в неаккуратный пучок и кое-как закрепила, осталось только надеяться, что прическа продержится до конца танца. Перед зеркалом Соня остановилась, несколько раз глубоко вдохнула и расправила ладонями гладкую прохладную ткань.

– Все будет хорошо. Я справлюсь.

Накинув длинное пальто, она снова влезла в свои сапоги, только теперь без носок. В зал она вернулась за минуту до того, как объявили её выступление. За кулисами её поймал Сергей. Притянув ближе, взволнованно прошипел явно недовольный опозданием:

– Я уже думал переставлять номера, куда ты пропала?

– Никуда. Вот она я.

Соня отошла к стене, разулась, аккуратно поставила обувь, чтобы никто не затоптал или не отфутболил случайно на сцену. Пальто расстегнула, но не сняла. Ожидая выхода, слушала мелодию скрипки и поглядывала в зал. Напоровшись на пристальный взгляд Марка, она невольно отпрянула и отступила в тень кулис. Он сидел на первом ряду, после награждения вернулся на свое место. Другие одноклассники расположились дальше, на отведенных для них местах. Здесь же была и Олеся со своими фрейлинами – все еще в костюмах. У самой стены рядом с бэшками обнаружился Бублик. Он тоже поймал взгляд Сони и приветливо улыбнулся, она же разнервничалась еще больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.